И 93/95

пастырский
венок і. о. Иоанну

Безплатное приложени
журналу „СВѢТЪ ИСТ
№ 2—1912 г.

Пастырскій вѣнокъ

дорогому батюшкѣ

о. Іоанну

КРОНШТАДТСКОМУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печ. Графическаго Института. 5-я Рождественская, 44.
1911.

95

Пастырскій вѣнокъ

дорогому батюшкѣ

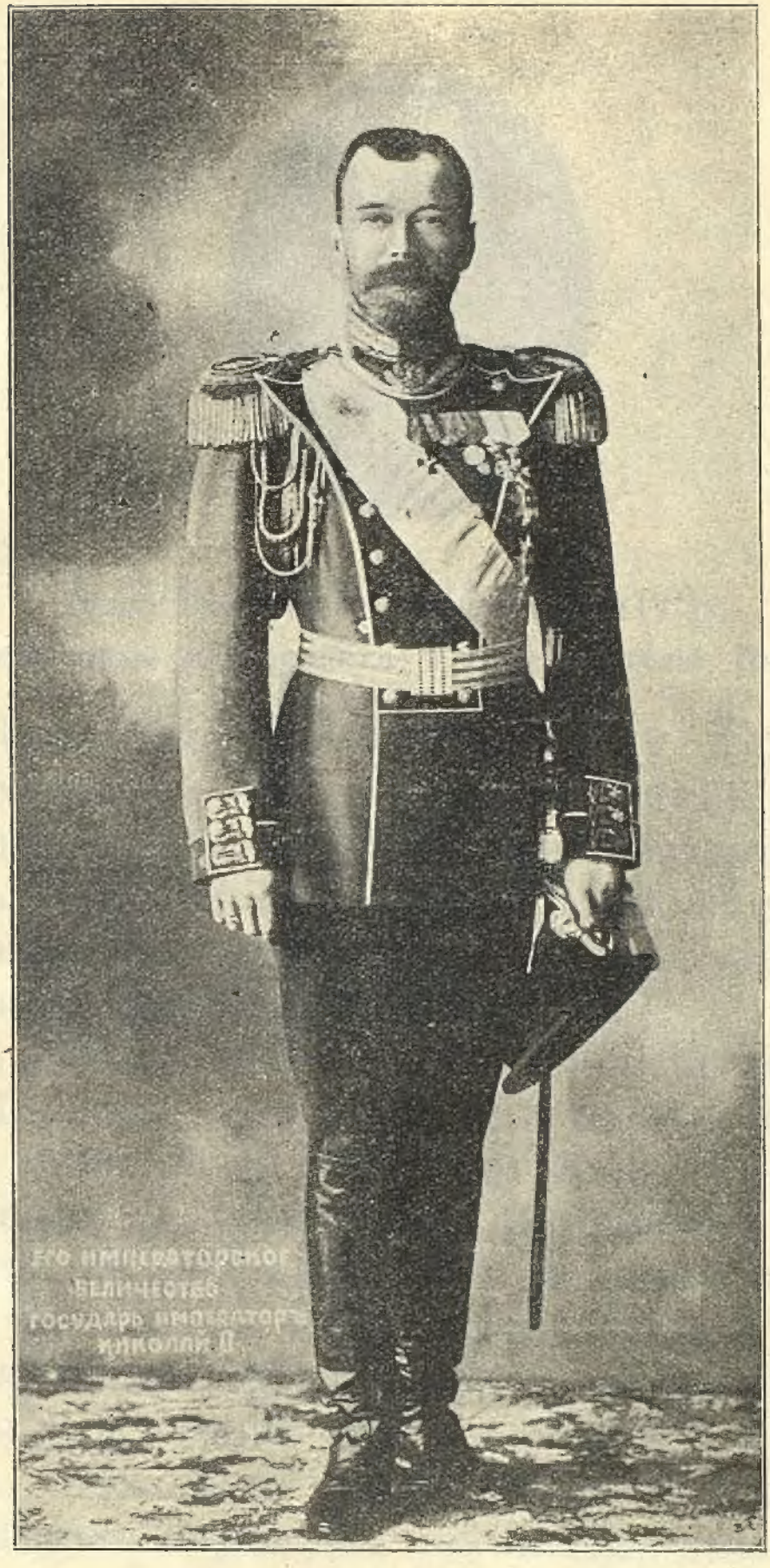
о. Іоанну

Кронштадтскому.

XII – 3415

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печ. Графическаго Института Бр. Лукшевичъ. 5-я Рождественская, 44.
1911.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго цензурнаго комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, апрѣля 13 дня 1893 г. Цензоръ архим. *Тихонъ*.



Его Императорское Величество, Государь Императоръ Николай Александровичъ, Самодержецъ Всероссійскій.

Высочайшій Рескриптъ.

Преосвященный митрополитъ С.-Петербургскій Антоній.

Неисповѣдимому промыслу Божію было угодно, чтобъ угасъ великій свѣтильникъ Церкви Христовой и молитвенникъ Земли Русской, всенародно чтимый пастырь и праведникъ, отецъ Іоаннъ Кронштадтскій.

Всѣмъ сердцемъ раздѣляя великую скорбь народную о кончинѣ любвеобильнаго пастыря и благотворителя. Мы съ особеннымъ чувствомъ обновляемъ въ памяти Нашей скорбные дни предсмертнаго недуга въ Бозѣ почивающаго Родителя Нашего Императора Александра III, когда угасающій Царь, любимый народомъ, пожелалъ молитвъ и близости любимаго народомъ молитвенника за Царя и Отечество. Нынѣ, вмѣстѣ съ возлюбленнымъ народомъ Нашимъ, утра-

тивъ возлюбленнаго молитвенника Нашего, Мы проникаемся непремѣннымъ желаніемъ дать достойное выраженіе сей совмѣстной скорби Нашей съ народомъ молитвеннымъ поминовеніемъ почившаго, ежегодно ознаменовывая имъ день кончины отца Іоанна а въ нынѣшнемъ году пріурочивъ оное къ сороковому дню оплакиваемаго событія.

Будучи и по Собственному душевному влеченію Нашему и по силѣ Основныхъ Законовъ первымъ блюстителемъ въ Отечествѣ Нашемъ интересовъ и нуждъ Церкви Христовой, Мы со всѣми вѣрными и любящими сынами ея ожидаемъ, что Святѣйшій Сунодъ, ставъ во главѣ сего начинанія, внесетъ свѣтъ утѣшенія въ горе народное и зародитъ на вѣчныя времена живой источникъ вдохновенія будущихъ служителей и предстоятелей Алтаря Христова на святые подвиги многотруднаго пастырскаго дѣланія.

Поручая Себя молитвамъ вашимъ, пребываемъ къ вамъ благосклонны.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою начертано:

„НИКОЛАЙ“.

Царское Село.
12 января 1909 г.

Праведникъ Божій о. Іоаннъ Кронштадтскій.

Слово

въ день молитвеннаго поминовенія Кронштадтскаго пастыря, протоіерея о. Іоанна Сергіева.

Память праведнаго съ похвалами, и благословеніе Господне на главѣ его.
(Притч. 10, 6—7).

А, братіе! Земная и небесная, здѣшняя и загробная, временная и вѣчная жизнь праведника всегда бываетъ счастливая, полная своимъ внутреннимъ духовнымъ содержаніемъ и по истинѣ—блаженная! Еще здѣсь на землѣ надъ главою праведниковъ видимо, ясно и ощутительно пребываетъ и почиваетъ благословеніе Божіе, и послѣ смерти ихъ, по словамъ премудраго, *„тѣлеса ихъ въ мирѣ погребени быша, имена же ихъ живутъ въ роды и роды, и слава ихъ до вѣка не потребится“* (Сирахъ 44, 12—13).

Сказанное во всей полнотѣ и со всею справедливостію м. б. примѣнено къ воспоминаемому нынѣ въ нашихъ христіанскихъ молитвахъ незабвенному Кронштадтскому пастырю и великому молитвеннику земли русской—протоіерею о. Іоанну, недавно скончавшемуся.

По нынѣшнему маловѣрному духу времени, преисполненному крайнимъ либерализмомъ и очевиднымъ

ослабленіемъ нравственныхъ началъ не только вообще въ человѣчествѣ, но даже и среди насъ—христіанъ,—по нынѣшнему вѣку, чуждому искренней, теплой и сердечной вѣры въ Бога, и скудному христіанскимъ благочестіемъ о. Іоаннъ Кронштадтскій представлялъ собою явленіе феноменальное, исключительное, имѣющее для себя весьма мало примѣровъ въ прошедшей исторіи отечественной церкви! „*Угасъ*,—по весьма вѣрному, мѣткому, и справедливому слову и выраженію Царскому,—*великій свѣтильникъ церкви Христовой и молитвенникъ земли русской, всенародно чтимый праведникъ о. Іоаннъ Кронштадтскій, любвеобильный пастырь и благотворитель* (Слова Высочайшаго рескрипта).

Такая незамѣнимая, тяжелая и ощутительная утрата для великаго народа русскаго,—утрата, болѣе или менѣе имъ ожидаемая, по причинѣ довольно преклоннаго возраста почившаго пастыря (79 л.), все же невольно заставляетъ насъ оглянуться назадъ и посмотрѣть въ прошлое этого замѣчательнаго человѣка, пастыря и молитвенника, для того, чтобы хорошенько уяснить себѣ и почувствовать сердцемъ, какое драгоцѣнное духовное сокровище потеряли мы въ немъ здѣсь на землѣ и въ чемъ надѣемся обрѣсти предполагаемое и ожидаемое утѣшеніе въ будущемъ въ раздѣляемой нами теперь великой скорби народной о кончинѣ любвеобильнаго пастыря, молитвенника и благотворителя? Что утѣшительнаго и назидательнаго даетъ намъ его праведная жизнь и его блаженная кончина?

Кто-то изъ многочисленнаго сонма поклонниковъ и почитателей о. Іоанна сказалъ о немъ, что онъ »составляетъ достояніе исторіи»... Дѣйствительно,

Великій праведникъ о. Іоаннъ Кронштадтскій.

исторія нашей русской отечественной Церкви должна современемъ по достоинству оцѣнить заслуги о. Іоанна Кронштадтскаго на пользу православія и все колоссальное значеніе его въ исторіи нашей церкви: эта цѣль и эта задача, конечно, въ свое время составитъ благодарный и благородный трудъ для будущаго историка, который дастъ надлежащее освѣщеніе и систематическую научную оцѣнку всѣхъ его многочисленныхъ трудовъ и многополезной общественной дѣятельности.

Сынъ бѣднаго сельскаго причетника изъ отдаленнаго сѣвернаго, можно сказать, медвѣжьяго угла Россіи, о. Іоаннъ по окончаніи высшаго образованія въ СПб. духовной академіи и по выступленіи на трудный и тернистый путь пастырскаго служенія въ гор. Кронштадтѣ, постепенно возвышается, растетъ духовно, и наконецъ—восходитъ до такой ступени духовнаго величія и славы, что имя его какъ истиннаго христіанскаго пастыря и молитвенника, становится извѣстнымъ не только у насъ по всей Россіи, но можно сказать, во всѣхъ странахъ свѣта. Отовсюду, не только изъ европейскихъ странъ, но даже изъ отдаленной Америки, изъ столицъ, изъ городовъ, изъ селъ и деревенъ, Кронштадтскій пастырь и молитвенникъ ежедневно получалъ многочисленныя просьбы и посланія, съ мольбою объ участіи въ горѣ и скорби, въ страданіяхъ и въ нуждѣ людской. Что же касается нашего обширнаго отечества, то, по справедливому и мѣткому выраженію одного изъ нашихъ архипастырей, нѣтъ ни одного уголка на нашей землѣ русской, гдѣ бы не было извѣстно, гдѣ бы не благословлялось и не произносилось съ великимъ благоговѣніемъ имя великаго Кронштадтскаго пастыря и молитвенника, какъ имя для всѣхъ драгоцѣнное, близкое уму и

сердцу каждаго истинно-русскаго и вѣрующаго человѣка-христіанина.

Чѣмъ-же объяснить причину такого необычайнаго поразительнаго его вліянія на народъ,—на неисчислимыя и необозримыя массы и толпы народа, его окружавшія, и на тѣхъ, которые даже никогда не видали его лица? Въ чемъ заключался секретъ его вліянія на людей, его пастырской жизни и дѣятельности?...

Конечно, нѣтъ ничего труднѣе, какъ подвергнуть изслѣдованію самые сокровеннѣйшіе тайники души человѣческой, полные таинственныхъ благодатныхъ силъ и даровъ св. Духа и вслѣдствіе этого обильныхъ загадочными, непонятными для насъ явленіями. Какъ часто бываетъ, что эти таинственныя благодатныя силы, гнѣздящіяся въ душѣ человѣка-христіанина, какъ-будто изъ какой-то невѣдомой намъ глубины возстаютъ и поднимаются въ насъ въ тѣ минуты, когда мы ихъ, можно сказать менѣе всего ожидаемъ? Какъ мало эти свѣтлыя и темныя силы нашей души бываютъ извѣстны и доступны даже намъ самимъ?! Кто же въ состояніи сказать съ увѣренностію что-либо положительное о другомъ постороннемъ человѣкѣ?! Кто можетъ съ положительною увѣренностію сказать, что онъ постигъ секретъ или тайну жизни и дѣятельности другого человѣка и можетъ объяснить его всѣмъ яснымъ и наглядным образомъ?!. Такъ точно и относительно покойнаго о. Іоанна Кронштадтскаго, преисполненнаго особенныхъ благодатныхъ силъ и необычайныхъ даровъ св. Духа, кто можетъ съ положительною увѣренностію сказать, что онъ постигъ тайну движенія его глубокой—необъятной души, тайныя, никому не доступныя молитвенныя движенія его чистаго сердца? *„Кто изъ людей знаетъ то*

что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, въ немъ живущаго?“—такъ говоритъ намъ Само Богооткровенное Слово (Кор. 2, 11).

Тѣмъ не менѣе изъ многочисленныхъ отзывовъ многочисленныхъ жизнеописателей о. Іоанна Кронштадтскаго, изъ различныхъ весьма разнообразныхъ и даже до крайности противоположныхъ мнѣній о немъ мы можемъ почерпать нѣкоторую долю истины и правды, чтобы судить о немъ, какъ о пастырѣ и человѣкѣ-христіанинѣ, и выяснить причину его огромнаго вліянія на русскій народъ.

Прежде всего—причина огромнаго вліянія и необычайнаго значенія его для русскаго народа заключается въ его истинной, живой, искренней и сердечной вѣрѣ въ Бога и въ Господа нашего Іисуса Христа, въ Его Божественное ученіе и совершенное Имъ дѣло искупленія и спасенія рода человѣческаго Его спасительными страданіями. Этимъ христіанскимъ ученіемъ о. Іоаннъ былъ проникнутъ вполнѣ и совершенно; его живая, искренняя и сердечная вѣра въ личнаго живого Бога была такъ сильна и тверда въ немъ, что онъ какъ-бы постоянно ощущалъ возлѣ себя и чувствовалъ внутри себя присутствіе Божіе явно ощутительно. Объ этомъ онъ самъ неоднократно говорилъ въ своемъ знаменитомъ «дневникѣ». Эта-то сильная могучая вѣра, по не ложному слову и обѣщанію Христа Спасителя, и служила въ немъ тѣмъ могучимъ, таинственнымъ и крѣпкимъ рычагомъ, при помощи котораго онъ могъ совершить и, дѣйствительно, совершалъ свои великія и дивныя знаменія и чудеса. Ибо, если по слову Христа Спасителя, мы будемъ имѣть вѣру только лишь съ горчичное зерно, т. е. самую малую и незначительную долю искренней, сердечной вѣры въ Бога, то и въ такомъ случаѣ,

мы будемъ въ состояніи переставлять по своему желанію горы съ одного мѣста на другое (Матѳ. 17, 20). Что-же въ такомъ случаѣ можетъ сдѣлать болѣе обильная, истинная и сердечная вѣра, если человѣкъ всецѣло, всѣмъ своимъ существомъ, ей проникнулся?! Для него дѣйствительно, нѣтъ никакой преграды: для него все невозможное становится вполнѣ возможнымъ и доступнымъ (Мѳ. 17, 20). И мы воочію видимъ и убѣждаемся въ этомъ на почившемъ о. Іоаннѣ. Вся его жизнь какъ бы проходила предъ лицомъ Божіимъ: каждое свое желаніе, каждую мысль, каждое движеніе своего сердца о. Іоаннъ старался освѣтить свѣтомъ Божественнымъ — небеснымъ. «Все — для Бога и по Богѣ, и ничего—безъ Бога и не для Бога»—вотъ его девизъ!... Этою глубокой сердечною вѣрою въ Бога Кронштадтскій пастырь безмолвно нынѣ поучаетъ насъ изъ своего отдаленнаго гроба... Да! вѣра—дѣло великое! И дай намъ, Господи, пріобрѣсти ея хоть малую крупицу!...

Ощущая постоянно возлѣ себя вездѣприсутствіе Божіе какъ въ мірѣ физическомъ, такъ въ особенности въ мірѣ духовномъ, о. Іоаннъ постоянно молился Богу, постоянно былъ въ молитвенномъ настроеніи. Молитвы его всегда отличались почти однимъ и тѣмъ же содержаніемъ: сознаніемъ постоянной и самой живой близости къ нему Господа Бога проникнуты всѣ его дивныя молитвы. Въ этой близости къ нему Господа Бога онъ былъ убѣжденъ глубоко и самъ непосредственно, въ глубинѣ души своей, онъ постоянно носилъ это убѣжденіе и это свидѣтельство и, такъ сказать, постоянно осязалъ его. О силѣ, глубинѣ и необыкновенности его молитвы свидѣтельствуютъ многочисленные очевидцы. Такъ, напр., одинъ изъ нихъ о его молитвѣ пишетъ такъ: «Меня поразилъ осо-

Первоприсутствующій Членъ Святѣйшаго Синода Антоній,
Митрополитъ С.-Петербургскій и Ладожскій.

бенно одинъ моментъ во время его молитвы. Однажды во время утрени онъ подошелъ къ жертвеннику, сталъ предъ нимъ на колѣни, руки сложилъ крестообразно на жертвенникъ и голову склонилъ на нихъ. Подъ руками у него были всевозможныя записки съ просьбами помянуть о здравіи больныхъ и за упокой—умершихъ. Волосы прядями ниспадали на его плечи; весь онъ былъ освѣщенъ слабымъ утреннимъ свѣтомъ, едва-едва пробивавшимся сквозь толщу утренняго сѣвернаго тумана. Онъ находился въ такомъ положеніи около десяти минутъ. Казалось со стороны, что онъ какъ будто-бы умеръ — и предъ нами было только его тѣло, имъ оставленное, сброшенное его душой, какъ-бы какая одежда... Мнѣ живо вспомнились въ эти минуты картины, на которыхъ изображено, какъ душа человѣка, по разлученіи ея съ тѣломъ, съ неба созерцаетъ его: тѣло тамъ, дѣйствительно, представляется какъ-бы одеждою, оставленною душой... О, какая это была молитва, какой священнѣйшій моментъ!—Человѣкъ оставляетъ землю и возносится душой на небо, житель земной проникаетъ въ горніе міры, ограниченный — разумѣетъ тайны неба, плотской—становится духовнымъ, немощной — укрѣпляется, скорбящій—утѣшается, сильный — становится еще болѣе сильнымъ! Смотря на молящагося о. Іоанна, я невольно переносился мыслію въ садъ Геѳсиманскій и представлялъ себѣ молящагося тамъ за насъ Христа Спасителя»... («Два дня въ Кронштадтѣ». Св. Тр. Сергіева Лавра, 1900 г., стр. 26).

Такова была молитва о. Іоанна. Неудивительно по этому, если молитва его весьма часто бывала услышана Господомъ Богомъ и проникала къ самому Престолу Божію; ибо по слову апостола, «много можетъ молитва праведнаго поспѣшествуема» (Іак. 5, 16).

О, если бы мы постарались стяжать себѣ такой же горящій—пламенный духъ сердечной постоянной молитвы!! Тогда и для насъ не было-бы ничего невозможнаго!

Особенно дивно, замѣчательно и страшно было для обыкновенныхъ холодно-вѣрующихъ совершеніе имъ величайшей и страшной Тайны Тѣла и Крови Христовой, т. е. Божественной литургіи: здѣсь о. Іоаннъ, по общему впечатлѣнію очевидцевъ (въ томъ числѣ и меня, недостойнаго, въ бытность мою въ воспитавшей его и меня Петербургской Духовной Академіи)—въ буквальномъ смыслѣ слова былъ земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ. Стоя ногами на землѣ онъ всѣмъ существомъ своимъ стоялъ на самыхъ небесахъ, посреди тамошнихъ силъ безплотныхъ...

И дивны дѣла Господни! Чудно о насъ Его спасительное промышленіе! Господу Богу угодно было возжечь и поставить этотъ яркій свѣтильникъ православія,—свѣтильникъ «горяй и свѣтяй», — именно тамъ, на далекомъ сѣверѣ, близъ столицы, у самаго «окна въ Европу», въ центрѣ соприкосновенія православнаго Востока съ инославнымъ Западомъ. Горя и свѣтя здѣсь не только на глазахъ Европы, но можно сказать, и на виду у всего свѣта, о. Іоаннъ мужественно, твердо и крѣпко стоялъ на стражѣ православія, охраняя и оберегая это драгоцѣнное сокровище наше отъ западнаго инославія и иновѣрія. Въ этомъ, конечно, заключается огромная заслуга его предъ православною Восточною церковію, — и это, какъ я говорю, послужитъ въ свое время благодарной темой для нашего будущаго церковнаго историка и для его характеристики, какъ представителя и охранителя православія.

Но особенно, чѣмъ стяжалъ себѣ великую славу, популярность и любовь народную, почившій пастырь Кронштадтскій, это своей необыкновенно искренней и сердечной любовью къ людямъ, и въ особенности— къ страждущему человѣчеству. Справедливость требуетъ сказать, что двери сердца о. Іоанна весьма широко и любвеобильно были открыты рѣшительно для всѣхъ: въ нихъ находили себѣ доступъ положительно всѣ, ему извѣстные и неизвѣстные, знакомые и незнакомые, знатные и незнатные, богатые и бѣдные, русскіе и иностранцы, православные и иновѣрцы, магометане и евреи, — всѣ имѣли доступъ къ его любвеобильному пастырскому сердцу, всѣ не тѣсно тамъ вмѣщались, всѣмъ не тѣсно тамъ было, всѣ находили просторъ въ его общечеловѣческой любви, — и молитва пламенная, горячая и сердечная возносилась добрымъ пастыремъ рѣшительно о всѣхъ, благотворительность, матеріальная помощь и благодѣянія сыпались направо и налѣво, не различая своихъ отъ чужихъ...

Вотъ такая-то внутренняя духовная связь съ тѣмъ народомъ, изъ среды котораго вышелъ и развился такой духовный колоссъ, отзывчивый на всѣ его нужды, скорби и страданія, и служитъ причиною его неотразимаго обаянія и вліянія на весь русскій народъ. Такое тѣсное духовное единеніе съ народомъ, началось у о. Іоанна еще съ самыхъ первыхъ временъ, съ самыхъ первыхъ шаговъ его пастырской дѣятельности. — Извѣстно, что относительно этаго говорилъ о. Іоаннъ Кронштадтскій: *„Я священникъ. Чего же тутъ? — Значитъ, и говорить нечего: не себѣ принадлежу, а другимъ“*. Молодая супруга его, Елизавета Константиновна, какъ-бы по обѣту, превратилась въ сестру милосердія и въ помощницу своему вели-

кому супругу въ его высокомъ служеніи ближнему. Ради этого служенія ближнимъ о. Іоаннъ, какъ извѣстно, отказался даже отъ личныхъ семейныхъ радостей и семейнаго счастія. *„Счастливыхъ семей,“* — говорилъ онъ своей супругѣ, — *и безъ насъ довольно! А мы лучше съ тобою посвятимъ себя на служеніе Богу и ближнимъ“*!...

И онъ такъ и сдѣлалъ; всего себя всецѣло отдалъ на служеніе другимъ. — Всегда для всѣхъ ласковый, доступный, веселый, привѣтливый, ободряющій, онъ вносилъ радостную струю жизни въ нашу сѣрую и мрачную дѣйствительность, въ нашу бездну человѣческаго горя и людскихъ страданій, пробуждалъ бодрость духа тамъ, гдѣ уже повидимому близко было безвыходное отчаяніе, воскрешалъ въ человѣкѣ лучшія чувства и высшія стремленія тогда, когда онъ уже повидимому близокъ былъ къ животному... Такая его тѣсная внутренняя духовная связь съ народомъ, его воспитавшимъ, возрастая, укрѣпляясь и развиваясь все шире и дальше, въ концѣ концовъ, вполнѣ справедливо и заслуженно облекла его ореоломъ славы и сдѣлала народнымъ христіанскимъ героемъ—праведникомъ, котораго любившая и боготворившая его толпа народная въ буквальномъ смыслѣ слова носила на рукахъ своихъ. Тысячи народа по цѣлымъ часамъ толпились вокругъ него, силясь получить отъ него, или хотя-бы только прикоснуться къ нему, или дотронуться и облобызать край его одежды! Это—не боготвореніе о. Іоанна,—нѣтъ! Это естественное, бьющее наружу живымъ ключемъ, выраженіе внутренней тѣсной связи его съ народомъ и благоговѣніе этого послѣдняго предъ своимъ любящимъ и любимымъ народнымъ пастыремъ и руководителемъ.

Мы зашли бы слишкомъ далеко, если бы вздумали

Членъ Святѣйшаго Сунода, Великій Праведникъ, Чудотворецъ и всемірный Молитвенникъ, дорогой батюшка, протоіерей от. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ (Кронштадтскій) † отошелъ ко Господу 20 декабря 1908 г. въ 7 ч. 40 м. утра.

подробно останавливаться на пастырской и народной дѣятельности о. Іоанна, которая была весьма обширна и многообильна. Въ краткомъ словѣ вмѣстить всю его обширную и колоссальную дѣятельность нѣтъ возможности!... Скажу лишь вкратцѣ, что почившій о. Іоаннъ, можно думать, лишь только тѣломъ своимъ покинулъ насъ, т. е. любившій его и любимый имъ народъ. „*Любовь*, по слову Апостола, *никогда не прекращается и не перестаетъ*“ (I Кор. 13, 8). Слѣдовательно, нужно думать и надѣяться, что любвеобильныя молитвы и любовное общеніе и единеніе его съ тѣмъ народомъ, который онъ такъ горячо, искренно и сердечно любилъ, со смертію его не прекратилось и не прекратится.

А потому, вспоминая нынѣ его праведную, блаженную кончину и поминая его въ своихъ христіанскихъ молитвахъ, обратимся съ мольбою къ нему: «Добрый пастырь нашъ, такъ нѣжно и горячо любившій свой народъ! помолись тамъ, на небѣ, за горячо любящій и преданный тебѣ русскій народъ и помяни насъ, грѣшныхъ, въ своихъ святыхъ молитвахъ предъ Престоломъ Божіимъ и не оставляй насъ никогда своею христіанскою любовію, какъ ты не оставлялъ насъ здѣсь, на землѣ. Аминь.

Прот. А. Меньшовъ.

Пастырь молитвенникъ.

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе; ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ (*Евр. XIII, 7*).

КТО на Руси не слышалъ имени протоіерея отца Іоанна Кронштадтскаго? Кому неизвѣстно о той благодатной помощи, которая изобильно по его молитвѣ подаваема была множеству больныхъ, скорбныхъ и угнетенныхъ? Кто не слыхалъ о той широкой благотворительной дѣятельности о. Іоанна, при которой онъ ежегодно употреблялъ на дѣла милосердія многія сотни тысячъ рублей? Въ разныхъ городахъ нашего отечества, гдѣ ни появлялся о. Іоаннъ, вездѣ невѣдомо откуда возникали тысячи народа, жаждавшаго взглянуть на него и получить его благословеніе. Знали о. Іоанна не только въ Россіи, но и въ чужихъ государствахъ. Трудно указать въ нашей исторіи другую личность, которую такъ знали бы, къ которой такъ не равнодушны были бы отъ низшихъ до высшихъ сословій, и которая имѣла бы такое великое значеніе для своихъ современниковъ. Скончался о. Іоаннъ, и о немъ вмѣстѣ съ Монархомъ плачетъ весь народъ православно-русскій.

Что же вознесло этого смиреннаго священнослужителя на такую высоту?

Происходилъ онъ изъ скромной и бѣдной причетнической семьи одной изъ захолустныхъ деревень Архангельской губерніи. По его собственнымъ

воспоминаніямъ, онъ родился настолько слабымъ, что чрезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія вынуждены были крестить его. Первоначальные успѣхи въ книжномъ ученіи его также были слабы. Мальчику оставалось единственное средство — молитва ко Господу, и онъ у Господа испросилъ себѣ добрые успѣхи. Послѣ обученія въ мѣстномъ духовномъ училищѣ и мѣстной духовной семинаріи, онъ получаетъ высшее богословское образованіе въ Петербургской духовной академіи. Успѣшно окончивши академическій курсъ ученія, онъ вступаетъ въ бракъ и становится однимъ изъ младшихъ священниковъ Андреевскаго собора въ г. Кронштадтѣ. Здѣсь онъ принимается за обычный молитвенно-пастырскій трудъ приходскаго священника. Жизнеописанія его не указываютъ намъ какихъ-нибудь особенныхъ и чрезвычайныхъ событій въ его личной жизни. Жизнь его течетъ просто, какъ жизнь пастыря церкви Здѣсь постепенно и незамѣтно происходитъ та внутренняя его работа и то внѣшнее пастырское дѣланіе, которое, развиваясь и разростаясь, не могло вмѣщаться въ рамкахъ Кронштадтскаго прихода и перешло въ другія города, пока не охватило всю Россію, пока не сдѣлало его извѣстнымъ, среди читающаго люда всѣхъ странъ свѣта.

Что же это за работа была?

Основное настроеніе его духа ярко обнаруживается въ той первой рѣчи, которую онъ сказалъ Кронштадтскимъ прихожанамъ при своемъ вступленіи въ приходъ. «Сознаю высоту священническаго сана и соединенныхъ съ нимъ обязанностей, — говорилъ молодой тогда о. Іоаннъ.—Чувствую свою немощь и недостоинство къ прохожденію высочайшаго на землѣ служенія священническаго, но уповаю на благодать

и милость Божію, немощная врачующую и оскудѣвающая исполняющую. Знаю, что можетъ меня сдѣлать болѣе или менѣе достойнымъ этого сана и способнымъ проходить это званіе. Это—*любовь ко Христу и къ вамъ*, возлюбленные братія мои. Потому то Господь, возстановляя отрекшагося ученика въ званіи апостола, троекратно спросилъ его: любишь ли Мя,— и послѣ каждаго отвѣта его: люблю Тя,—повторялъ ему: паси овцы моя, паси агнцы Моя. Любовь великая сила: она и немощнаго дѣлаетъ сильнымъ, и малаго—великимъ, и незначительнаго—достопочтеннымъ, и прежде незнакомаго и чужого — дѣлаетъ скоро и близкимъ, и знаемымъ, и любезнымъ. Таково свойство любви чистой, евангельской. Да дастъ и мнѣ любвеобильный ко всѣмъ Господь искру этой любви, да воспламенитъ ее во мнѣ Духомъ Своимъ Святымъ»,—закончилъ свою первую пастырскую рѣчь о. Іоаннъ. Вспоминая объ этомъ начальномъ времени своего пастырства въ семидесятую годовщину своей жизни, маститый о. Іоаннъ такъ высказывается: «Всегда особенно плѣнялъ мой умъ и сердце премудрый планъ спасенія погибающаго рода человѣческаго черезъ Божественнаго Агнца Божія Іисуса Христа, вземлющаго грѣхи міра. Размышляя о семъ чудномъ домостроительствѣ Божіемъ, я проливалъ обильныя и горячія слезы, сгорая желаніемъ содѣйствовать спасенію погибающаго человѣчества». Таково исходное основаніе пастырства о. Іоанна. Развиваясь далѣе, благоговѣйное настроеніе его постепенно переходитъ въ молитву непрестанную. Свой внутренній трудъ молитвенный онъ самъ отмѣчаетъ въ такихъ словахъ при бесѣдѣ съ Сарапульскими пастырями: «Я постоянно молюсь,—я даже не понимаю, какъ можно проводить время безъ молитвы.

Митрополитъ Московскій и Коломенскій, Владиміръ.

Воистину молитва есть дыханіе души». Въ то же самое время онъ всецѣло отдаетъ себя всякой благотворительной дѣятельности. Онъ не отпускалъ отъ себя никого изъ просителей безъ какого-нибудь удовлетворенія. До того иногда доходило въ первое время его пастырства, что въ его домѣ не оставалось ни куска хлѣба, что онъ самъ оставался безъ достаточной одежды. Такимъ образомъ все существо въ пастырской дѣятельности о. Іоанна составляло слѣдующихъ двѣ статьи: *непрестанная молитва и дѣла милосердія.* Прошло полтора десятка лѣтъ пастырскаго труда и этихъ двѣ стихіи въ чудотвореніяхъ разверзли для него небеса! Этихъ двѣ стихіи при небесахъ разверзнутыхъ привлекли къ нему сердца и умы современниковъ (см. Церков. Вѣд. 1904 г. № 39)!

Вспоминаются намъ личныя впечатлѣнія, полученныя нами отъ участія въ совершеніи совмѣстно съ о. Іоанномъ Божественной литургіи въ Кронштадтскомъ соборѣ въ первое время нашего священства. Въ этомъ завѣдуемомъ о. Іоанномъ соборѣ, въ храмовыхъ порядкахъ, въ богослужебномъ чтеніи и пѣніи, въ самой даже личности о. Іоанна при первомъ взглядѣ намъ не открылось ничего выдающагося, кромѣ самаго будничнаго склада. Порывистыя движенія, рѣзкій голосъ о. Іоанна, нѣкоторые порядки вселяли въ насъ смущеніе. Но вотъ стали мы вмѣстѣ съ нимъ на Божественную литургію вокругъ св. престола. Здѣсь нашему тѣлесному и духовному взору открылось нѣчто новое... Чѣмъ дальше шла Божественная служба, тѣмъ яснѣе для насъ становился источникъ духовной силы о. Іоанна. Когда же онъ сталъ совершать общую исповѣдь всей присутствовавшей въ соборѣ тысячной толпы народа разнаго

знанія, когда раздались по собору громкій плачъ и громкія самоукоренія кающихся, когда онъ исцѣлилъ нѣсколькихъ припадочныхъ и бѣсноватыхъ во время Причащенія, — тогда мы всѣмъ своимъ существомъ поняли, что сила о. Іоанна заключается именно въ способности чистой души его къ дерзновенной молитвѣ. Тогда открылся намъ дотолѣ сокрытый смыслъ многихъ мѣстъ его вдохновеннаго дневника, именуемаго «Моя жизнь во Христѣ». Какой величественный урокъ, какой родникъ вдохновенія даетъ собою дорогой батюшка о. Іоаннъ всѣмъ пастырямъ церкви нынѣшнимъ и будущимъ!

Чувствуетъ эту молитвенную силу приснопамятнаго о. Іоанна весь вѣрующій народъ русскій. Вмѣстѣ съ народомъ знаетъ и чувствуетъ эту силу и благочестивѣйшій нашъ Царь Государь, нынѣ посредствомъ нарочитаго рукописанія на имя первосвятителя царствующаго града призвавшій весь народъ православно русскій къ духовному единенію съ почившимъ пастыремъ посредствомъ усердной заупокойной молитвы о немъ. Умилительно вспомнить о томъ, какъ та же благодатная сила побудила покойнаго вѣнценосца Государя Александра III привлечь къ себѣ вмѣстѣ съ августѣйшей родною семьею и о. Іоанна въ самыя послѣднія минуты своего земнаго бытія. Послѣ помазанія больныхъ мѣстъ умиравшаго Государя освященнымъ елеемъ, о. Іоаннъ возложилъ свои руки на Государя и молился надъ нимъ. Затѣмъ онъ спросилъ Государя: «Ваше Величество, не утомляю ли я Васъ?» На это Государь отвѣтилъ: «Нѣтъ, пожалуйста, продолжайте, Мнѣ такъ это пріятно, это меня успокаиваетъ». При этомъ Государь добавилъ: «Вы святой человѣкъ, вы праведникъ,—вотъ почему народъ васъ такъ любитъ». Затѣмъ Государь просилъ

о. Іоанна пойти отдохнуть, чтобы снова придти. Незадолго предъ кончиной о. Іоаннъ снова пришелъ и снова молился, пока Государь не предалъ Богу свой духъ. Въ этотъ священный часъ ясно обнаружили себя двѣ праведныхъ души—и Государя и пастыря.

Однако не одно почитаніе и любовь за свои великіе труды духовные воспріялъ приснопамятный о. Іоаннъ. Были въ его жизни и терпія съ разныхъ сторонъ. Дома было не безъ ропота. Ополчились противъ него и осуждали его тѣ, кто въ достойномъ пастырствованіи его долженъ былъ видѣть краснорѣчивое осужденіе собственнаго нерадѣнія. Съ великимъ ожесточеніемъ и злыми насмѣшками нападали на него тѣ интеллигентные люди и злодѣи, которыхъ онъ обличалъ за религіозное нечестіе и за государственную смуту. Много скорбей доставляли разные сектанты пашковцы, толстовцы, баптисты и штундисты, которыхъ онъ вынужденъ былъ обличать. Наконецъ, были предметомъ глумленія и нѣкоторые пока не совсѣмъ ясные въ жизни собственные поступки. Во всѣхъ сихъ случаяхъ доблестный пастырь не падалъ духомъ,—его поддерживала непрестанная молитва. По поводу этихъ скорбей о. Іоанна въ послѣднее время такъ писалъ къ нему одинъ изъ его почитателей: „Среди искреннихъ людей, понимающихъ Христолюбца, были до сихъ дней такіе, которые недоумѣвали, какъ можно жить ему, казалось, среди однѣхъ похвалъ и общей любви. Теперь ихъ недоумѣнію конецъ: они убѣждаются въ томъ, что участь пророковъ и апостоловъ и прочихъ избранниковъ Божіихъ есть и ваша участь. Враги нашей Божественной вѣры злорадствуютъ, читая издѣвательства надъ вашею святою личностью, въ изда-

васмыхъ злодѣями журналахъ; но радуются сему и послѣдователи вѣры; они видятъ издѣвательныя изображенія ваши не въ смѣшномъ видѣ, но въ вѣнцѣ исповѣдника“ (Архіеп. Антоній Волынскій).

Не смотря на свои поразительные труды молитвенные и особенно по посѣщенію страждущихъ, о. Іоаннъ дожилъ до второго предѣла псаломскаго возраста и скончался на 80-мъ году жизни. Божественную литургію совершалъ онъ ежедневно даже въ болѣзни, причемъ послѣднюю литургію совершилъ за недѣлю до смерти, а пріобщался св. Христовыхъ Таинъ даже въ самый день смерти. Почилъ онъ мирно о Господѣ.

Такъ своею жизнію и смертію, всею своею личностію поучаетъ насъ вѣрѣ почившій пастырь всероссійскій, дорогой батюшка о. Іоаннъ. Вѣруемъ, что Владыка Господь благосердъ къ нему и по смерти, какъ милостивъ и благопослушливъ былъ къ нему при жизни. Своею молитвою заупокойною о немъ мы не только содѣйствуемъ ему изгладить тѣ грѣхи, которыми онъ согрѣшилъ яко человѣкъ, но и входимъ въ духовное общеніе съ нимъ. Въ предстоящемъ панихидномъ пѣніи мы помолимся, „да его помилуетъ Господь и насъ спасетъ, яко Благій и Человѣколюбецъ“.

Протоіерей І. Ольшевскій

(Нынѣ Сильвестръ, Епископъ Прилукскій).

Пастырь-благотворитель.

ТОПЕЛЪ ко Господу нашъ молитвенникъ, наставникъ вѣры и благочестія, другъ страждущихъ, добрый пастырь о. Іоаннъ Кронштадтскій.

Дорогъ былъ при жизни и еще болѣе *сталъ* дорогъ для насъ о. Іоаннъ по смерти его! Дорогъ прежде всего, какъ пастырь-молитвенникъ. Вѣрующему человѣку молитва—эта питаніе души; помолится человѣкъ искренно, тепло, съ вѣрою и преданностью Богу, — и ободрится, обновится, успокоится душой, окрѣпнетъ силами. Дорога такая молитва для всякой вѣрующей души, и въ особенности для человѣка скорбящаго, угнетеннаго, кающагося, ищущаго благодати Божіей... рвется душа въ поискахъ успокоенія, утѣшенія, небесной помощи и долго не находитъ. Вотъ тутъ-то и былъ дорогъ о. Іоаннъ: онъ умѣлъ подойти къ страждущимъ душой, становился на молитву съ этими немощными и за немощныхъ, увлекалъ ихъ въ горячую молитву и низводилъ въ ихъ сердца сладостное вѣяніе и утѣшеніе благодати Божіей, дороже которыхъ ничего не можетъ быть для страждущаго сердца. О. Іоаннъ могущественно вліялъ на таковыхъ несчастныхъ; самъ носилъ въ себѣ даръ молитвенный и сей даръ Божій сообщалъ несчастнымъ; поистинѣ, онъ носилъ въ себѣ «благодать возблагодать» (Іоан. I, 16).

Но дорогъ для насъ о. Іоаннъ и какъ образецъ благотворителя. Его горячая вѣра была живою, дѣятельною; она влекла къ бѣдному нуждающемуся люду, побуждала его помогать бѣднымъ не только словомъ

нравственнаго ободренія, но и матеріальными средствами. Горя любовью къ Богу и ближнимъ, онъ съ самаго начала своего священства служилъ дѣлу благотворенія—сначала въ малой степени, безъ опредѣленной системы,—давалъ, что имѣлъ и кому попадало; онъ не разбиралъ, что привело человѣка къ нищетѣ и паденію, а подавалъ потому, что человѣкъ нуждается. Потомъ вскорѣ онъ положилъ начало и организованной благотворительности устройствомъ Дома Трудолюбія, гдѣ нуждающійся отвлекается отъ тунеядства, призывается къ трудовой жизни и уже по труду получаетъ помощь. Но до конца дней своихъ онъ щедрою рукою оказывалъ помощь и каждому въ отдѣльности просившему бѣдняку. О. Іоаннъ всѣхъ любилъ, на всѣхъ у него хватало нравственной и матеріальной помощи; никому не было тѣсно въ его сердцѣ (2 Кор. VI, 11—12).

Благотворительность о. Іоанна, какъ дѣло святое, по выраженію св. Іоанна Златоуста, болѣе всего приближающее насъ къ Богу, располагала многихъ и очень многихъ къ подражанію; по одному могущественному слову и примѣру о. Іоанна, а нерѣдко и безъ всякаго его слова, почитатели его несли, посылали ему денежныя и другія средства, воздвигали благотворительныя учрежденія, во имя о. Іоанна помогали и помогаютъ бѣднымъ, учреждаютъ стипендіи въ учебныхъ и благотворительныхъ заведеніяхъ, строютъ храмы, богадѣльни, школы, пріюты и проч.

Вѣруемъ, что въ будущемъ, какъ призываетъ Св. Синодъ, явятся новыя жертвы благотворенія во имя о. Іоанна. Онъ живъ, его св. дѣло живо, будетъ жить и любовь къ нему и ко св. дѣлу благотворенія.

Благотвореніе о. Іоанна имѣло и еще одинъ видъ—необычайный; разумѣемъ его даръ исцѣленій; это—

не его, о. Іоанна, собственный даръ, а Божій даръ, благодатная сила, подававшаяся отъ Господа по великой вѣрѣ и горячей молитвѣ о. Іоанна... Здѣсь мы безмолвны, стоимъ въ благоговѣніи предъ явленіемъ силы и дѣйствія Самого Бога и горячимъ ходатаемъ у Него за немощныхъ!.. Мы лишь, видя или читая объ исцѣленіяхъ по молитвамъ о. Іоанна, въ религіозномъ трепетѣ, преданности и благоговѣніи говоримъ: да, о. Іоаннъ—великій молитвенникъ! близкій къ Богу праведникъ!

Вотъ кого, братіе, мы лишились, кого всѣ жалѣемъ, о комъ многіе, какъ о родномъ, искренно плачутъ и весьма многіе усердно молятся! Дорогой человѣкъ! дорогой нашъ батюшка, о. Іоаннъ!

Священникъ **Ѳ. Архангельскій.**

Пастырь-праведникъ.

СРЕДИ безграничнаго потока жизней человѣческихъ, совершившихъ и совершающихъ свое земное теченіе, есть немногія такія, которыя оставляютъ послѣ себя яркій слѣдъ на многіе вѣка впередъ; есть личности свѣтлыя и великія, образы которыхъ не умаляются и въ перспективѣ многихъ вѣковъ.

Къ числу такихъ свѣточей міра принадлежитъ и отецъ Іоаннъ, этотъ праведникъ земли русской, о которомъ нынѣ творили мы моленія, о которомъ не перестаютъ и долго не перестанутъ проливать слезы скорби, который какъ живой стоитъ передъ нами и

влечетъ къ себѣ силою своего духовнаго обаянія, величіемъ и красотою своей свѣтлой жизни во Христѣ.

Отецъ Іоаннъ! Это имя, блиставшее въ исторіи Россійской церкви и Россійскаго Государства на протяженіи многихъ десятилѣтій, сіявшее все болѣе и болѣе яркимъ свѣтомъ ни на мгновеніе не померкавшимъ, не ослабѣвшимъ, имя страшное для всего темнаго и нечистаго, лживаго и богоотступнаго, и любезное, незабвенное имя для истины, правды, свѣта и добра.

Нѣтъ теперь среди людей духовно-настроенныхъ и въ будущемъ, конечно, не будетъ главы, которая бы не склонилась въ благоговѣніи предъ этимъ почтеннымъ и славнымъ именемъ.

Какъ изъ сокрытаго въ землю сѣмени пропзрастаетъ дерево съ его плодами; такъ изъ сокрытыхъ въ душѣ человѣка мыслей и чувствованій возникаетъ его нравственная жизнь съ ея дѣлами.

Предъ нами теперь вся жизнь почившаго отца Іоанна. Мы знаемъ, какъ сіяла она, эта жизнь, сіяніемъ духовной силы и славы, и можемъ по этому судить, какія мысли и чувствованія, и побужденія составляли сокровенную внутреннюю жизнь его души.

Рано, на зарѣ своей жизни принялъ отецъ Іоаннъ благое иго пастырства стада Христова,—служеніе высокое по благодати, данной ему, смиренное—по причинѣ страстей и немощей человѣческихъ, спасительное по своей цѣли. И онъ донесъ это свое иго непорочно, до конца дней своихъ и сложилъ его жизнь къ стопамъ Христовымъ.

Какъ внѣшнимъ образомъ слагалась жизнь этого добраго пастыря—многимъ изъ насъ извѣстно; однако всегда, а сегодня особенно, будетъ умѣстно и благо-

Митрополитъ Кіевскій, Флавіанъ.

временно обновить ее въ своей памяти и извлечь изъ нея для себя назидательный и спасительный урокъ и примѣръ. Сынъ бѣднаго сельскаго причетника, еле вырвавшійся изъ объятій смерти въ самые первые часы своей жизни, выросшій въ скудной домашней обстановкѣ, въ лишеніяхъ, въ голодѣ и холодѣ; потомъ обучавшійся въ тогдашней бурсѣ, гдѣ тоже было холодно и не сытно; учившійся слабо—вѣроятно по случаю своего нездоровья, — на что могъ надѣяться въ жизни сей бѣдный отрокъ,—при томъ еще сирота, т. к. мать его скоро овдовѣла? Однако, благословеніе Божіе на немъ видимо почивало съ дней юности; его молитва уже тогда была сильна: онъ вымолилъ себѣ у Бога успѣшность въ наукахъ и, несмотря на крайнюю скудость во всемъ, блистательно, первымъ студентомъ, кончилъ духовную семинарію и поступилъ въ Петербургскую Академію. Знала ли тогда столица, какое сокровище она пріобрѣтаетъ, когда раннею осенью 1851 года въ нее въѣзжалъ, а можетъ быть и входилъ, скромный, бѣдный студентъ Іоаннъ Сергіевъ? Богу одному тогда былъ вѣдомъ тотъ великій путь, какой лежалъ предъ этимъ юношей. Его лишь Око прозирало тѣ подвиги, какіе въ славу Его понесетъ онъ, и ту славу, какою онъ будетъ увѣнчанъ за эти подвиги.

Оконченъ и академическій курсъ. Что дѣлать дальше? Душа его стремится служить Богу въ священствѣ. И вотъ, неожиданно, ему предлагаютъ мѣсто священника въ г. Кронштадтѣ, въ соборѣ. И съ тѣхъ поръ, болѣе 50 лѣтъ, на томъ же мѣстѣ, не ища ни чего, совершалъ свой подвигъ пастырскій отецъ Іоаннъ. Храмъ Божій, Слово Божіе, жилища бѣдняковъ и вездѣ и всегда молитва, молитва и молитва — вотъ чѣмъ была наполнена жизнь великаго пастыря.

Господу угодно было расширить до необычайныхъ размѣровъ область его пастырскаго дѣланія, и скоро уже вся Россія дѣлается его паствой. И посѣщаетъ онъ эту свою паству, и молится съ ней, и вездѣ молитва его оставляетъ неизгладимый, незабываемый свѣтъ.

Онъ не желалъ, онъ не могъ ни одного дня оставаться безъ принятія святыхъ Христовыхъ Таинъ. Какъ же свѣтла, какъ чиста и непорочна должна была быть его душа, постоянно обновляемая и освѣщаемая великимъ Таинствомъ! Кто разъ хотя бы видѣлъ отца Іоанна, тотъ никогда не могъ его забыть, не могъ забыть и впечатлѣнія чего то неземнаго, лучезарнаго, чего то одухотвореннаго, чѣмъ вѣяло отъ него.

Онъ былъ прозорливъ. Это несомнѣнно; и этого не могли не замѣчать тѣ, кто входили съ нимъ въ соприкосновеніе. Онъ какъ будто только тѣломъ былъ на этой землѣ, а душа его, какъ духъ, витала гдѣ то внѣ видимаго міра, и все касающееся земли, земныхъ, мірскихъ отношеній, было ей ясно, понятно, извѣстно въ своемъ будущемъ, тоже, какъ и въ настоящемъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было чѣмъ-то отдаленнымъ, чужимъ; — а своей для него была область горняя: тамъ было, казалось, его настоящее, его постоянное жилище.

Молитва его была чудотворна. Это также несомнѣнно и подтверждается многочисленными примѣрами. И нужно ли сему удивляться, когда мы знаемъ, по слову Христову, что имѣющіе вѣру съ малое горчичное зерно могутъ творить великіе чудеса? А вѣра отца Іоанна была изумительна, такъ же, какъ изумительна была и его молитва. Онъ, казалось, переступилъ область вѣры, опредѣленную Апостоломъ для

людей, находящихся въ тѣлѣ, и вступимъ уже въ область „вѣдѣнія“.

Прозорливый, подвижникъ, молитвенникъ, отецъ Іоаннъ былъ однимъ изъ тѣхъ избранниковъ Божіихъ, которыхъ Промыслъ посылаетъ людямъ въ рѣдкіе промежутки времени, для того, чтобы показать міру, до какой высоты можетъ подняться человѣкъ, искупленный кровію Христа Спасителя и озаренный Божественною благодатію.

Отецъ Іоаннъ былъ однимъ изъ тѣхъ священниковъ Бога Вышняго, которыхъ образуетъ въ лонѣ Церкви Святый Духъ, дабы въ ихъ лицѣ озобразить добродѣтели и совершенства, какими долженъ быть украшенъ тотъ, кого Промыслъ возвышаетъ до высокой степени священнаго сана.

Правда, отецъ Іоаннъ, видимо, былъ особый избранникъ небесный и Таинникъ Божіей благодати; но въ чемъ же, однако, братіе-сопастыри, ключъ къ уразумѣнію того необыкновеннаго значенія, какое имѣлъ въ глазахъ людей, и того видимаго благоволенія, какое стяжалъ у Бога нашъ незабвенный праведникъ и молитвенникъ, отецъ Іоаннъ?

Не въ томъ ли, что со стороны отца Іоанна была всецѣлая, всесовершенная преданность Богу, самоотверженное, безъ малѣйшаго исканія „своихъ-си“— служеніе Ему, полное отверженіе себя, распятіе своей плоти,—а со стороны Божіей, въ отвѣтъ на это, было не ложное исполненіе благодатныхъ обѣтованій, данныхъ обновленному во Христѣ человѣку, и паипаче озаренному благодатію священства?

Не пекитесь, не заботьтесь, говоритъ Господь, о томъ, что ѣсть и что пить, во что одѣваться, ибо знаетъ Господь вашъ, что вамъ все это нужно. Никогда, никакой заботы объ этой сторонѣ жизни чело-

вѣческой не прилагалъ отецъ Іоаннъ. И любовь народная обильно пеклась о немъ; она одѣвала его въ великолѣпныя одежды, и я не знаю, былъ ли еще когда въ Россійской церкви іерей, который былъ бы такъ буквально заваленъ самыми роскошными, самыми богатыми приношеніями?

Господь говорилъ Апостоламъ своимъ: когда вы будете говорить предъ царями и вельможами, не заботьтесь о томъ, что вамъ говорить: ибо Духъ Святый научитъ васъ тому, что вамъ подобаетъ сказать. Отецъ Іоаннъ никогда не заботился о томъ, чтобы кормѣть своимъ краснорѣчіемъ, своими трудами. А между тѣмъ, я не знаю, было ли еще въ наше время такое слово, которое значило бы и дѣйствовало бы такъ, какъ слово отца Іоанна. И какъ много написано имъ и какъ все, что написано, глубоко и прекрасно!

Слово Божіе, молитва, подвигъ—вотъ, что составляло духовную пищу отца Іоанна. Какъ же далеко отъ него отстоятъ тѣ современные іереи, которые въ угоду міру стремятся создать свои идеалы, свое ученіе на легковѣсныхъ, а часто и гнилыхъ основаніяхъ человѣческой мысли различныхъ философовъ, поэтовъ, ученыхъ.

Какъ далеки онъ него тѣ пастыри и направленіе, создавшее такихъ пастырей, которые говорятъ, что необходима нынѣшнимъ священникамъ свобода въ жизни, возможность посѣщать различные театры, лекціи, возможность самаго широкаго знакомства съ запросами настоящаго времени, съ литературой, съ новѣйшими чаяніями и кумирами общества. Примѣръ отца Іоанна громко говоритъ намъ, что ничего этого и подобнаго не нужно для пастыря церкви, для служителя Господня. Приблизьтесь хотя нѣсколько къ идеалу, который мы имѣемъ въ лицѣ о. Іоанна, и вы

Праведникъ Божій о. Іоаннъ Кронштадтскій.

увидите, насколько мелко и недостойно стремленіе погрузиться въ суету земную для того, кто призванъ быть пастыремъ стада, кто призванъ дѣйствовать въ свѣтлой и высокой области духа!

Различные бывшіе іереи Божіи, стяжавшіе громкую, но печальную извѣстность, предъ которыми склонялась нѣкогда нѣкоторая часть общества, что сдѣлали они съ своимъ стремленіемъ опростить ученіе Христово и умалить его, и сравнять съ мелкой и фальшивой моралью разныхъ земныхъ книжниковъ? Чего достигли они тѣмъ, что издѣвались надъ вѣковыми святынями жизни нашего боголюбиваго и царелюбиваго народа, тѣмъ, что подкапывали основы ея преклоненіемъ предъ чуждыми идеалами и кумирами чуждой государственности? Они многихъ совратили, они многихъ обманули и себя погубили. Память ихъ погибаетъ съ ихъ шумомъ!

А отецъ Іоаннъ вышелъ на служеніе Церкви святой и людямъ православнымъ не съ инымъ чѣмъ, какъ съ пламенной вѣрой, въ Бога, съ горячей любовью къ своему народу, вѣрный Богоданному Царю не «на лукъ свой уповая», а надѣясь только на правду и на силу Божію.

И что же? Упованіе его не посрамило его; и народная вѣра давно изрекла о немъ свой приговоръ, что житіе его славно и успеніе со святыми. А тѣ—хулители и отступники,—что они и гдѣ они?—Они въ церковномъ отношеніи не больше какъ трупы, догнивающіе гдѣ-то внѣ ограды церковной, на странѣ далече. Какой это сильный урокъ для нашего времени, какое это непререкаемое знаменіе для насъ, братіе-сопастыри! И мы призваны, и на насъ лежитъ долгъ участвовать всѣми своими силами, всѣмъ дѣйствіемъ

почивающей на насъ Божественной благодати — въ созиданіи церкви Божіей, а не въ разрушеніи ея.

И по наблюденію надъ настоящимъ состояніемъ церковной жизни, и по изученію ея прошлаго, видно что не такъ страшна врагамъ церкви Государственная защита вѣры, какъ ея бытовая сила, водворяемая пастырскимъ воздѣйствіемъ подвижниковъ церкви; она, эта сила, способна дать могучій отпоръ поползновеніямъ безбожниковъ, еретиковъ и лжебратій.

Окончилось земное служеніе отца Іоанна; довольно было подвига; довольно служенія церкви земной воинствующей: довольно неослабнаго, непрерывнаго пріуготовленія себя къ великому переходу въ церковь небесную, торжествующую; крестъ донесенъ до конца; великій «Залогъ» до послѣдняго издыханія сохраненъ, цѣлъ и невредимъ; неосужденно совершено священнодѣйствіе таинства вѣры; непорочно окончено священнодѣйствіе слова истины; духовное созрѣваніе для неба завершилось; послѣднее звено цѣпи жизненной сомкнулось съ первымъ; кругъ жизни земной, заключился, и Господь съ миромъ отпустилъ вѣрнаго раба своего.

Послѣдніе дни его земной жизни были озарены особымъ небеснымъ свѣтомъ; онъ отходилъ отъ жизни сей легко, незамѣтно и благодатно. Блаженъ тотъ, чей конецъ жизни озлащается этимъ двойнымъ свѣтомъ — свѣтомъ вечерней зари угасающей жизни земной и свѣтомъ занимающейся зари утра вѣчности.

И какъ яркій свѣточъ надъ нами стоитъ дорогой образъ отца Іоанна, какъ «живой источникъ вдохновенія настоящихъ и будущихъ служителей и предстоятелей Алтаря Христова на святые подвиги многотруднаго пастырскаго дѣланія».

Только бы намъ проникнуться этимъ живымъ свѣтомъ и вслѣдъ за нимъ сказать Господу въ день онъ: «се, мы оставихомъ вся и вслѣдъ Тебе идохомъ».

Тяжела наша утрата въ лицѣ отца Іоанна; тяжела наша скорбь; но да не скорбимъ, яко же неимущіе упованія...

Великій, незабвенный, свѣтлый образъ отца Іоанна да служитъ намъ благимъ знаменіемъ того, что Богъ, по неизреченному своему милосердію, не дастъ оскудѣть въ своей церкви святому пастырству, единомысленному въ истинахъ вѣры, единодушному въ духовныхъ совѣтахъ, твердому въ храненіи догматовъ, правилъ и уставовъ церковныхъ, вѣрному руководителю въ путяхъ жизни; не дастъ оскудѣть въ ней пастырю, полагающему душу свою за овцы; подвижнику, ходящему узкимъ и вмѣстѣ возвышеннымъ путемъ вѣры; сыну вѣры, живущему по вѣрѣ, творящему дѣла вѣры, свободному отъ обаянія міра, отъ порабощенія духу времени.

И да будетъ въ церкви Христовой и среди насъ и въ насъ отцу Іоанну вѣчная память.

Архимандритъ **Алексій.**

Пастырь-подвижникъ.

Въ Бозѣ почившій, дорогой намъ всѣмъ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій, великій праведникъ и всероссійскій молитвенникъ, истинный другъ всѣхъ страждущихъ, труждающихся и обремененныхъ, всегда останется близкимъ сердцу русскаго народа и чистѣйшимъ источникомъ вдохновленія для служите-

лей, и предстоятелей у престола Божія. Столь исключительные люди, какъ отецъ Іоаннъ, всегда пользуются при жизни болѣе народною любовію, чѣмъ земною славою, такъ какъ противъ нея возстаютъ явныя и тайныя силы, но послѣ кончины они особенно возвеличиваются потомствомъ того просвѣщеннаго общества, которое не могло своевременно распознать ихъ духа, по разнымъ причинамъ, но больше по своему малому духовному развитію. Для большинства образованныхъ людей, чуждыхъ заповѣди апостольской о необходимости умѣть различать людей по ихъ духу и избирающихъ болѣе легкій способъ познанія почти всегда ошибочный, по внѣшнему облику и по первому впечатлѣнію, дорогой любимецъ русскаго народа, о. Іоаннъ, былъ всегда загадкою и какою-то тайною. Поэтому, въ своей труженической жизни, онъ дважды подвергся жесточайшему гоненію, въ началѣ своей дѣятельности,— по зависти окружающихъ, и въ концѣ жизни,—по злобѣ враговъ православія. Модная извѣстность, на которую столь падки высшіе круги общества, привела о. Іоанна въ богатыя и знатныя семьи, гдѣ ожидали видѣть въ немъ величественнаго, изящнаго пастыря, производящаго впечатлѣніе интонаціей голоса, проницывающимъ взоромъ и таинственностію изреченій. Но небольшая, худощавая фигура его, быстрота и первность въ движеніяхъ, затрудненность въ рѣчи, характерныя особенности сельскаго батюшки, производили на многихъ неблагопріятное впечатлѣніе. Отъ внѣшности его еще болѣе увеличилась та загадочность, съ которою посилось образованное общество въ своихъ безконечныхъ и возмутительныхъ пересудахъ.

Первые пятнадцать лѣтъ служенія и подвижничества о. Іоанна въ Кронштадтѣ возбуждали не только опасенія высшихъ іерарховъ и блюстителей въ пра-

Преосвященный Гермогенъ, епископъ Саратовскій и Царицинскій.

вославномъ вѣдомствѣ за судьбу этого необыкновеннаго пастыря, но смущали, по совершенно другимъ уже причинамъ, жившихъ въ то время, великихъ духовныхъ дѣятелей, какъ напримѣръ, преосвященнаго Ѳеофана-затворника. Мнѣ, какъ состоявшему въ послушаніи отца Іоанна въ продолженіе тридцати лѣтъ, всѣ эти факты хорошо извѣстны. Нѣсколько разъ строгій митрополитъ Исидоръ допрашивалъ о. Іоанна, заставлялъ его служить при себѣ и доискивался, что есть въ немъ особеннаго, даже сектанскаго, какъ увѣряли и доносили ближайшіе священно-служители. К. П. Побѣдоносцевъ вызвалъ его къ себѣ и первое ихъ объясненіе настолько характеризуетъ обоихъ, замѣчательныхъ людей, что я не могу умолчать. К. П. сказалъ: «ну вотъ, вы тамъ молитесь, больныхъ принимаете, говорятъ, чудеса творите; многіе такъ начинали, какъ вы, а вотъ чѣмъ-то вы кончите?». «Не извольте безпокоиться», отвѣтилъ дивный батюшка въ своей святой простотѣ,—«потрудитесь дождаться конца!». Преосвященный Ѳеофанъ счелъ необходимымъ отнестись къ о. Іоанну письменно, со словомъ любви и наставленія, и высказать, что онъ взялся за такую подвижническую жизнь въ міру, среди житейскихъ соблазновъ и невзгодъ, которая неминуемо должна привести его къ страшному паденію или окончиться ничѣмъ, что никто еще, со времени принятія христіанства, не только въ Россіи, но и на Востокѣ, не рѣшался на подобный путь, будучи не монахомъ, а священникомъ, живя внѣ ограды и устава монастырскихъ, и непремѣнно это народитъ величайшій соблазнъ въ духовенствѣ и въ народѣ.

Дѣйствительно, если подробно вникнуть въ жизнь о. Іоанна и прослѣдить за степеннымъ его духовнымъ восхожденіемъ и сравнить общее—извѣстное аскети-

ческое трудничество нашихъ подвижниковъ и преподобныхъ съ обстановкою и условіями пути, избраннаго о. Іоанномъ, то нельзя не поразиться, насколько ему было труднѣе совершенствоваться и пребывать въ невидимой духовной брани. На своемъ необыкновенномъ пути, онъ явился первымъ, среди мірской обстановки, столь опасной и полной преткновеній; онъ былъ всегда поразительнымъ примѣромъ для нашихъ пастырей, которые теперь такъ нуждаются въ возрожденіи, для современной дѣятельности, и поэтому, каждому изъ священно-служителей необходимо нынѣ, заняться изученіемъ и изслѣдованіемъ, столь необыкновенной подвижнической жизни незабвеннаго русскаго богатыря духа. Какъ было ему не казаться загадкою, величайшею тайною, когда онъ остался въ положеніи простого, приходскаго священника, въ многоштатномъ соборномъ клирѣ, и избралъ путь совершенства, по заповѣди Христа-Спасителя, дабы оправдать непреложность слова Божія. Вотъ этого то и не могли понять ни духовные, ни свѣтскіе люди!

Аскетическій, монашескій духъ требуетъ первоначальнаго усовершенствованія, въ отрѣшенной отъ міра обстановкѣ, для того, чтобы человѣкъ переродился въ этой новой, тяжелой и духовной школѣ, самъ укрѣпился внутренними силами и только тогда открылъ къ себѣ входъ ищущимъ утѣшенія, наставленія и руководства или появился вновь въ міру, для служенія людямъ. Но отецъ Іоаннъ обладалъ инымъ духомъ, имѣющимъ свои отличительныя черты и дарованія. Духъ о. Іоанна, такъ сказать, жаждалъ покоренія внутренними человѣческими силами, внутреннимъ усовершенствованіемъ—всей этой, окружающей его внѣшности, затрудняющей духовный путь въ развращенномъ и извращенномъ міру;

не прекращая исполненія никакого долга, возложеннаго на него обстоятельствами жизни, никакого служенія людямъ, а, наоборотъ, совершенствуясь въ обыденномъ трудѣ, который безусловно необходимъ для всякаго духовнаго пути, если сумѣть его соединить съ непрестанною молитвою. Духъ о. Іоанна требовалъ сохраненія всей своей естественной внѣшности, чтобы избѣжать въ духовной борьбѣ столкновенія съ легко вкрадывающимся лицемѣріемъ, отвлекающимъ отъ внутренней работы, когда монашеская одежда, обстановка, условія жизни,—даютъ безъ труда преимущества и пріобрѣтаютъ кажущіяся достоинства; его духъ стремился къ самой искренней, чистой правдѣ, къ тому, чтобы никогда не казаться лучше, чѣмъ есть, а только быть дѣйствительно такимъ, для Бога, людей. Поэтому, онъ предпочиталъ скорѣе внѣшностью заслуживать осужденія, чѣмъ похвалу; одѣвался, не смущаясь, въ богатыя одежды, которыя ему дарили; пилъ и ѣлъ для друзей и гостепріимныхъ хозяевъ все, что ему ни предлагали, конечно въ ограниченномъ количествѣ, и все покрывалъ своею любовію. Несомнѣнно, батюшка отецъ Іоаннъ былъ блаженнаго духа, который въ крайнихъ формахъ, у простого народа, доходитъ до юродства, Христа ради. Избравъ такой трудный путь совершенствованія, онъ любилъ бывать въ обществѣ, бесѣдовать и находилъ всегда въ этой общественной жизни себѣ—нескончаемую, непрерывную духовную работу.

Никто не могъ понять въ обществѣ, какимъ образомъ о. Іоаннъ достигъ въ свѣтской жизни такихъ совершенныхъ качествъ? Въ отвѣтъ, позволю себѣ вкратцѣ начертать то, что мнѣ извѣстно. Отецъ Іоаннъ достигъ всего самымъ простымъ способомъ, исполне-

ніемъ заповѣдей возлюбленнаго Господа, Іисуса Христа. Принявъ священный санъ, онъ прежде всего поставилъ себѣ за правило, исполнять свои обязанности пастыря, учителя и проповѣдника съ величайшимъ усердіемъ и строго наблюдать за свою внутреннею жизнію, для чего не ложился спать безъ исповѣданія всѣхъ своихъ прегрѣшеній за день, изучалъ священное писаніе, употреблялъ на это всѣ досуги и свободныя минуты, даже въ поѣздкахъ и путешествіяхъ; и такъ, до конца жизни. Ничто такъ не вразумляетъ, не учитъ, не наставляетъ и не вдохновляетъ, какъ чтеніе Св. Евангелія и посланій св. апостоловъ; вѣчно новое, радостное и назидательное, если изучать въ нихъ свои обязанности, какъ человѣка, какъ священника и какъ члена общества. Затѣмъ для наблюденія за своей внутреннею жизнію, о. Іоаннъ ежедневно велъ дневникъ, въ который вносилъ всѣ свои сокровенныя мысли, чувства и молитвы къ Богу и записывалъ внутреннюю борьбу съ самимъ собою. Эти дневники, вошедшіе въ извѣстную теперь книгу: «Моя жизнь во Христѣ»—есть величайшее достояніе наше, оставленное пастырямъ и обществу въ назиданіе. Въ третьихъ, будучи самъ бѣднымъ человѣкомъ, сыномъ сельскаго причетника, онъ имѣлъ потребность заботиться о всѣхъ нуждающихся и страждущихъ; извѣстно, что онъ дѣлился всегда послѣднимъ своимъ съ бѣдными, такъ что митрополитъ Исидоръ былъ вынужденъ приказать выдавать жалованіе не ему, а женѣ. Наконецъ, стремясь къ тому, чтобы его душа не двоилась на добро и зло, онъ, въ обращеніи съ людьми и въ молитвѣ къ Богу, достигалъ поразительной, младенческой простоты. Простота, истина и истинность,—эти три качества любви, составляли цѣль его духовнаго трудничества, и о. Іоаннъ молилъ Господа

Государь Императоръ Александръ Александровичъ III.

объ этомъ со слезами, говоря: «Господи, даруй мнѣ сердце простое, незлобивое, открытое, вѣрующее, любящее, щедрое, достойное вмѣстилище Тебя, Всеблагого!».

Обладая чрезвычайной простотою и искренностію о. Іоаннъ имѣлъ величайшій даръ молитвы. Это его отличительная особенность. Онъ глубоко вѣрилъ, отъ всего сердца, въ благодать, данную ему, какъ священнику, отъ Бога,—молиться за людей Божіихъ и что Господь настолько близокъ къ вѣрующему христіанину, какъ собственное его тѣло и сердце, ибо тѣло наше есть храмъ живущаго въ насъ Св. Духа, котораго мы имѣемъ отъ Бога (I Корн., 6, 19). Онъ вѣровалъ на молитвѣ, что за словомъ, какъ тѣнь за тѣломъ, слѣдуетъ и дѣло, такъ какъ у Господа, слово и дѣло нераздѣльны и, не допуская ни малѣйшаго сомнѣнія въ исполненіи Богомъ его прошеній, просилъ совершенно просто, искренно, какъ дитя, съ живою, ясновидящею вѣрою въ Господа, представляя Его не только стоящимъ предъ собою, но и себя какъ бы находящимся въ немъ, въ такой близости. Онъ считалъ сомнѣніе—за хулу на Бога, за дерзкую ложь сердца, и говорилъ: «развѣ мало для насъ видѣть безсиліе въ человѣкахъ, что хотимъ еще видѣть безсиліе въ Самомъ Богѣ и тайно помышляемъ, что Богъ не исполнитъ нашего прошенія?». Когда о. Іоаннъ молился, то старался, вообще, больше молиться за всѣхъ вѣрныхъ, чѣмъ за себя одного, не отдѣляясь отъ вѣрующихъ и находясь въ духовномъ единеніи съ ними. Если видѣлъ въ человѣкѣ недостатки или какія-нибудь страсти, то всегда молился тайно за него, гдѣ бы ни было: во время служенія литургіи, въ путили, въ бесѣдѣ-ли; проѣзжая по улицѣ и, видя порочныхъ людей, онъ тотчасъ возносилъ ко Господу свою

сердечную молитву и взывалъ: «Господи, просвѣти умъ и сердце раба Твоего сего, очисти его отъ скверны!» или иными, болѣе подходящими къ данному лицу словами изъ псалмовъ. Онъ не пропускалъ случая помолиться за человѣка по чьей-либо просьбѣ, радовался такой просьбѣ, считая, что молитва за другихъ есть благо и для него самого, потому что она очищаетъ сердце, утверждаетъ вѣру и надежду на Бога, возгрѣваетъ любовь ко Христу и ближнему. Отецъ Іоаннъ молился, по вѣрѣ въ его молитву просящихъ, и никогда не приписывалъ себѣ ничего. Если ему приходилось вразумлять заблудшихъ, утѣшать впавшихъ въ отчаяніе, онъ въ концѣ бесѣды непремѣнно приглашалъ вмѣстѣ помолиться за того человѣка, искренно сознавая, что одними словами нельзя исправить недостатки другихъ, а надо еще вымолить помощь и силу Божію.

Особенность молитвеннаго подвига о. Іоанна заключалась еще въ томъ, что онъ необыкновенно внимательно слѣдилъ за сердечностью своей молитвы и тотчасъ прекращалъ ее на время, если сознавалъ, что молитва становится только внѣшнею, механическою—такъ сказать. Онъ упражнялся въ движеніи своего сердца на молитвѣ и этимъ подтверждалъ ту особенность его духа, о которой я говорилъ вначалѣ. Считая одну умственную или поверхностную молитву оскорбленіемъ Бога, призывающаго къ Себѣ человѣчество словами: «Даждь Ми, сыне, твое сердце!» (Прит. 23, 26),—о. Іоаннъ училъ, что хорошо оказывать послушаніе во всемъ матери-церкви, читать длинныя молитвы, положенныя по уставу, акаѳисты, но слѣдуетъ это дѣлать съ благоразумiемъ и кто можетъ вмѣстить продолжительную молитву,—да вмѣститъ, но если эта продолжительность не совмѣстима

съ горячностью духа, то лучше сотворить краткую молитву, ибо, какъ св. апостолъ говоритъ: «Царствіе Божіе не въ словѣ, а въ силѣ». (I Корн. 4, 26). «Молясь, мы непремѣнно должны взять въ свою власть сердце и обратить его къ Господу, но никогда не допускать ни одного возгласа къ Богу, не исходящаго изъ глубины сердца. Когда мы научимся во время молитвы говорить изъ сердца только истину,—то, что дѣйствительно сознаемъ и чувствуемъ, то искренняя или истинная молитва очиститъ наше сердце отъ лжи, и мы не позволимъ себѣ лгать и въ жизни». Поэтому о. Іоаннъ считалъ полезнымъ во время служенія и на молитвѣ иногда сказать нѣсколько своихъ словъ, дышащихъ горячею вѣрою и любовью къ Господу.

Дорогой батюшка о. Іоаннъ поражалъ и иногда потрясалъ всѣхъ глубиною своей молитвы; на основаніи моихъ бесѣдъ съ нимъ, я могу только такъ изобразить его молитвенное состояніе. Онъ становился передъ Господомъ, какъ передъ солнцемъ и, чувствуя невыразимый блескъ свѣта божественнаго, закрывалъ глаза, и ясно ощущалъ свое нахожденіе въ лучахъ этого свѣта и отъ нихъ теплоту, радость и близость къ Христу-Спасителю. Во время молитвы, послѣ причащенія св. Таинъ, батюшка иногда чувствовалъ, какъ Господь проникаетъ сквозь его тѣло—въ сердце подобно тому, какъ Онъ, по воскресеніи, прошелъ сквозь стѣны дома къ апостоламъ, и тогда онъ получалъ сознаніе, что невидимая душа его—успокаивается въ невидимомъ Богѣ.

Но, чтобы уразумѣть вѣру и духъ батюшки о. Іоанна, надо было съ нимъ молиться въ алтарѣ, во время литургіи. Вначалѣ онъ усердно поминалъ у жертвенника всѣхъ живыхъ и мертвыхъ, со слезами молился о всѣхъ, дерзновенно просилъ Господа за

скорбящихъ и страждущихъ, по временамъ отходилъ, потомъ опять возвращался и молился, становился на колѣни, обнималъ дискосъ и видимо страдалъ вмѣстѣ съ людьми, за которыхъ молился. Когда начиналась литургія, онъ продолжалъ еще поминать у жертвенника, по многочисленнымъ запискамъ, которыя ему читались, но къ чтенію св. Евангелія—всегда возвращался на свое мѣсто и съ полнымъ вниманіемъ прослушивалъ слово Божіе, вникая во всякое слово, покачивая головою въ знакъ непреложности и истинности благовѣстія. По перенесеніи св. Даровъ на престолъ, великій молитвенникъ начиналъ какъ бы готовиться къ радостному свиданію съ Господомъ и уже помышлялъ болѣе о присутствующихъ въ храмѣ, о соучастіи ихъ въ общей молитвѣ и въ общей радости съ нимъ и такъ молился иногда о нихъ: «Господи! Многіе изъ предстоящихъ въ храмѣ Твоемъ стоятъ праздны душами своими, какъ сосуды праздные, и не вѣдаютъ, о чемъ подобаетъ молиться; исполни сердце ихъ нынѣ, въ этотъ день спасенія, благодатію Всесвятаго Духа Твоего и даруй ихъ мнѣ, молитвѣ моей, любви моей, исполненныхъ познаніемъ благости Твоей и сокрушенія, и умиленія сердечнаго; даруй имъ Духа Святаго Твоего, ходатайствующаго въ нихъ воздыханіями неизглаголанными!» (Рим. 8, 26).

По пресуществленіи св. Даровъ въ тѣло и кровь Христовы, о. Іоаннъ совершенно преображался. Мысль о людяхъ сперва какъ бы отлетала отъ него, онъ начиналъ славословить Господа, благодарить Его за безконечное милосердіе, за безпредѣльную любовь, за спасеніе рода человѣческаго, за вочеловѣченіе, крестныя страданія, за дарованіе сего хлѣба насущнаго и въ доказательство своей вѣры, что хлѣбъ и

Праведникъ Божій о. Іоаннъ Кронштадтскій.

вино непремѣнно преложились въ тѣло и кровь Господни, по волѣ Самаго Господа и по дѣйствію Св. Духа, онъ возглашалъ съ великою, внутреннею силою, что «небо и земля мимо идетъ, словеса же Господни— не мимо идутъ!» (Мѳ. 24, 35). Затѣмъ, о. Іоаннъ, углублялся въ молитву свою за вѣрныхъ, о которыхъ ему надлежало съ дерзновеніемъ просить Господа-Христа. Бывали дни, когда онъ въ эти минуты превращался въ какую-то неподвижную тѣнь, точно замиралъ, стоя на ногахъ, и лицо его изъ живого постепенно превращалось въ блѣдное, а затѣмъ и темное. Какъ только наступало время ему сказать возгласъ, онъ моментально приходилъ въ себя, открывалъ глаза, и изъ нихъ катились, по оживщему уже лицу, крупныя слезы. Въ такіе моменты его службы присутствующимъ дѣлалось жутко и страшно.

Батюшка всегда пріобщался очень долго, со слезами; по его словамъ, сосредоточиваясь на твердой вѣрѣ и на представленіи, что передъ нимъ кровь и тѣло Самаго Христа, онъ, пріобщаясь умственно, препровождалъ ихъ до глубины сердца. Быстро просвѣтлялось его лицо при этомъ; радостный, счастливый, онъ складывалъ ладони рукъ своихъ, незамѣтно побивалъ ихъ, въ своихъ быстрыхъ и нервныхъ движеніяхъ и всегда оканчивалъ свою службу торжествующимъ. Пока св. чаша стояла на престолѣ, онъ надъ нею наклонялся, обнималъ ее руками, прикасался къ ней головою и радостно молился, переживая святѣйшіе часы въ жизни своей. По отнесеніи святыхъ Даровъ на жертвенникъ, при первомъ свободномъ мгновеніи, онъ приближался опять къ нимъ и снова молился. «Хорошо молиться мнѣ о людяхъ, писалъ онъ въ своемъ дневникѣ, когда причащусь достойно, сознательно: тогда Богъ мой во мнѣ и я

имѣю великое предъ Нимъ дерзновеніе!». Отецъ Іоаннъ всегда самъ употреблялъ часть св. Даровъ и затѣмъ разоблачившись, опять становился на колѣни предъ престоломъ и, склонивъ на него голову свою, молился довольно долго.

Совершая литургію, незабвенный батюшка обрѣталъ для себя величайшее наслажденіе и блаженство. «Я угасаю, умираю духовно,—говорилъ онъ,—когда не служу нѣсколько дней въ храмѣ, и возгораюсь, оживаю душею и сердцемъ, когда служу, понуждая себя къ молитвѣ не формальной, а дѣйствительной, духовной, искренней, пламенной. Люблю я молиться въ храмѣ Божіемъ, въ св. алтарѣ, у престола и жертвенника, ибо чудно измѣняюсь я въ храмѣ благодатію Божіею; въ молитвѣ покаянія и умиленія спадаютъ съ души моей узы страстей и мнѣ становится такъ легко: я какъ бы умираю для міра и міръ для меня, со всѣми своими благами; я оживаю въ Богѣ и для Бога, для единаго Бога и весь Имъ проникаюсь и бываю единъ духъ съ Нимъ; я дѣлаюсь, какъ дитя, утѣшанное на колѣняхъ матери; сердце мое тогда полно пренебеснаго, сладкаго мира; душа просвѣщается свѣтомъ небеснымъ; все свѣтло видишь, на все смотришь правильно, ко всѣмъ чувствуется содружество и любовь, къ самымъ врагамъ, и охотно ихъ извиняешь и прощаешь! О, какъ блаженна душа съ Богомъ! Церковь—истинно земной рай! Какое дерзновеніе имѣешь къ Господу и Богородицѣ! Какую чувствую кротость, смиреніе, незлобіе! Какое безпристрастіе къ земному! Какое горячее желаніе небесныхъ, чистѣйшихъ, вѣчныхъ наслажденій! Языкъ не можетъ изрѣчь того блаженства, которое вкушаешь, имѣя Бога въ сердцѣ своемъ! Съ нимъ все земное — прахъ и тлѣнъ».

Много будутъ теперь писать и говорить о возлюбленнѣйшемъ нашемъ батюшкѣ, о. Іоаннѣ, великомъ подвижникѣ и всероссійскомъ молитвенникѣ.

Сотни тысячъ людей его видѣли, знали, молились съ нимъ, многіе получили исцѣленія по его молитвамъ, но я не ошибусь, если скажу, что не многіе, образованные люди, понимали его, были настолько опытны и развиты духовно, чтобы понять его духъ, главнымъ образомъ, уразумѣть необыкновенный его путь къ совершенству. Онъ сталъ пользоваться извѣстностью уже почти послѣ пятнадцати лѣтъ великихъ подвиговъ и то въ простомъ народѣ; двадцать пять лѣтъ подвижничества, проведенныхъ какъ одинъ день,—не убѣдили образованное общество въ его выработанности и праведности; послѣ пятидесяти лѣтъ этой замѣчательной жизни, просвѣщенное общество еще продолжало въ немъ сомнѣваться и даже позже, обрушилось на него съ обвиненіями и преслѣдованіемъ, выражая свое осужденіе и сомнѣніе въ немъ Послѣ этого можно ли подумать, что люди понимали великаго пастыря русской, православной церкви?!

Передать свои воспоминанія о посѣщеніи Кронштадта не трудно, описать видѣнное и слышанное также легче всего, чувствовать къ такому человѣку горячую любовь за ласки, добро, за помощь, совершенно естественно; все это будетъ печататься и сообщаться, но въ моемъ сердцѣ скорбящемъ этой тяжелой разлукой, теперь явилось желаніе отвѣтить на недоумѣнные вопросы, которые служили поводомъ къ несправедливымъ отношеніямъ столь многихъ людей къ этому дѣйствительному русскому богатырю духа. Мнѣ казалось, мой прямой долгъ разъяснить духовно то, что не понималось многими при его жизни и считалось какою-то тайною. Этотъ духовный выводъ

изъ многолѣтней подвижнической жизни незабвеннаго учителя нашего, подтверждаемый собственными его описаніями, особенно необходимъ и важенъ, въ данное время, для всего русскаго духовенства, ибо кончина великаго молитвенника земли русской и любвеобильный призывъ глубоковѣрующимъ Царемъ священно-служителей къ вдохновенію примѣромъ и подвигами почившаго праведника, должны привести къ возрожденію всѣхъ силъ русскаго духовенства, для великаго служенія предъ престоломъ Божіимъ и на нивѣ народной.

Еще нѣсколько словъ... Дорогой батюшка о. Іоаннъ переносилъ всѣ гоненія съ удивительнымъ смиреніемъ. За тридцать лѣтъ я не слыхалъ отъ него ни слова упрека врагамъ, ни слова обиды на кого бы то ни было, какъ при первомъ преслѣдованіи, еще въ молодыхъ годахъ, такъ и теперь въ жестокія годины его предсмертнаго испытанія. На все это онъ смотрѣлъ истиннымъ взоромъ, считая всегда виновникомъ состарѣвшееся, древнее зло на землѣ. Борьба его съ духомъ злобы въ молодыхъ годахъ была поразительная: сотни разъ я видѣлъ, какъ врагъ связывалъ его невидимо у престола Божія и онъ не былъ въ силахъ нѣсколько минутъ сдѣлать шагу, а потомъ рѣзкими движеніями, послѣ горячей молитвы, освобождался отъ посрамленнаго его вѣрой князя міра сего. По окончаніи подобныхъ искушеній, онъ началъ подвергаться, совершенно неожиданно, насиліямъ изувѣровъ; его и душили, и кусали, и били, и злословили нѣкоторые въ припадкахъ изступленія. Чего только онъ не перенесъ?! Поэтому, воздвигнутый ему позоръ въ печати, позоръ въ театрахъ, позоръ между людьми, даже имъ облагодѣтельствованными, во время безумной революціи, это было оскорбленіемъ не ему, конечно,

Епископъ Кириллъ, Тамбовскій.

великому всероссійскому молитвеннику, догоравшему еще яркой свѣчей за святую Русь, предъ небеснымъ алтаремъ Всемогущаго Бога, по невыносимымъ оскорбленіемъ намъ, православнымъ, русскимъ людямъ, всей Россіи, которая имѣла право считать свою вѣру, свое православіе, своего дивнаго богомольца и праведника, — неприкосновенными. Болѣзнь его быстро развилась въ послѣдніе годы вслѣдствіе вліянія на него испытаній родины. Одинъ Богъ былъ свидѣтелемъ его пламенной мольбы, стенанія, безконечныхъ слезъ и дерзновенныхъ молитвъ за Царя и Россію, за спасеніе русской, православной церкви, которыя онъ возносилъ съ одра болѣзни или сидя уже въ креслѣ, съ св. Евангеліемъ въ рукахъ, преслѣдуемый жестокими болями, воспламененный ліхо радгой и изнеможенный и высохшій отъ подвиговъ и страданій. Православіе,—вотъ о чемъ онъ больше говорилъ послѣдній годъ, и при изнеможеніи шепталъ, какъ бы завѣщая намъ защиту этого великаго сокровища русскаго и вознося еще послѣднія мольбы за всѣхъ насъ, оставшихся для продолженія его святаго дѣла.

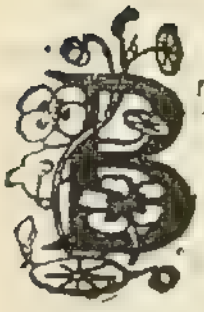
Но теперь уже все кончено; мы можемъ говорить, плакать и просить, искать утѣшенія, жаждать этой любви, истины, правды,—только припавъ на могилу нашего возлюбленнаго отца, друга и наставника!...

Страшно за будущее. Онъ такъ долго и много училъ, но всѣ ли его слушали? Онъ былъ истинный служитель Божій, но многіе ли у него восприняли эту истину? Онъ былъ искреннимъ, правдивымъ, богопосцемъ, но отчего же не всѣ внимали его правдѣ? Онъ просилъ молилъ... Отчего же не исполнили?..

Молитвами твоими, да вразумимся, угодниче Божій! Аминь.

Серафимъ, Епископъ Кишиневскій.

Истинный миссіонеръ.



Въ концѣ 1908 года Русская земля провожала въ вѣчный путь своего наставника, молитвенника и благодѣтеля о. Іоанна Кронштадтскаго. Необычайные то были похороны. На всемъ пространствѣ отъ Кронштадта до Ораніенбаума и отъ Балтійскаго вокзала въ Петербургѣ до Іоанновскаго монастыря можно было наблюдать толпы плачущаго народа:—«Батюшка ты нашъ, на кого насъ покидаешь?» — взывали въ отчаяніи простые люди. И чрезвычайно возвышенно и чутко настроена была эта толпа. Въ первый день послѣ кончины достаточно было очередному священнику, по окончаніи всенощной, сказать на амвонѣ два простыхъ слова: «теперь отслужимъ панихиду по молитвенникѣ земли русской о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ»—какъ замерли богомольцы въ нѣмомъ ожиданіи и потомъ зарыдали всѣ какъ одинъ. Чрезъ два дня, въ послѣднемъ пути почившаго къ Петербургу, уже когда начало смеркаться, слезы народа были настолько горькія и искреннія, что порой не могли удержаться отъ рыданій даже нѣвчіе лейбъ-гвардіи Павловскаго полка (люди всего менѣе нервные). Печальный перезвонъ колоколовъ при тихомъ мерцаніи свѣчей въ полумракѣ туманнаго петербургскаго вечера, пѣніе великаго канона и слезы народа—все это слилось въ такой величественный, могучій аккордъ, что его не скоро забудутъ свидѣтели печальнаго событія.

Съ удивленіемъ смотрѣли жители столицы на это дивное стеченіе народа. Еще не было такого случая,

чтобы шестидесятитысячная толпа такъ поражена была скорбью одинаковой для всѣхъ утраты. Петербургъ помнитъ десять тысячъ народа бывшихъ на похоронахъ императора Александра II-го помнитъ тридцать тысячъ на похоронахъ Достоевскаго, но такое множество скорбящаго православнаго населенія, какое было на похоронахъ Кронштадтскаго пастыря— это случай безпримѣрный, котораго никто не запомнитъ.

Но и не одни только жители столицы оплакивали кончину добраго пастыря. Далеко за предѣлами Петербурга и Кронштадта, на всемъ пространствѣ Великія, и Малыя, и Бѣлыя Руси набожно складывалась въ крестномъ знаменіи рука человѣка, получившаго извѣстіе о томъ, что угасъ свѣтильникъ церкви Русской. Скорбная вѣсть съ быстротою молніи облетѣла всю Россію—отъ деревенской избы до царскаго дворца, и вездѣ вызывала одинаковое чувство глубокой печали. Самъ Государь писалъ, что онъ «оплакиваетъ кончину» добраго пастыря «вмѣстѣ съ его почитателями».

О чемъ же плакали русскіе люди, провожая въ вѣчный путь своего отца и богомольца?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ хранитъ въ глубинѣ своей сердце народное, и дѣло будущаго разсказать намъ, чѣмъ былъ для русскихъ людей почившій о. Іоаннъ.

Книжныя сказанія объ о. Іоаннѣ говорятъ прежде всего о томъ, что онъ *жалѣлъ* несчастнаго человѣка— нисколько не меньше, чѣмъ родной отецъ. Жители Кронштадта помнятъ, какъ задолго еще до своей славы онъ, придя напутствовать больную, самъ, бывало, можетъ прибрать комнату предъ молитвой, самъ, сходитъ за докторомъ, самъ даже въ лавочку сходитъ,

купить пищи голодным дѣтям. Какъ умѣлъ онъ сразу входить въ интересы чужого дома!.. Ярким огнем—надо думать—зажигалось тогда сердце матери при видѣ этой поистинѣ отеческой заботливости о брошенных на произволъ судьбы ея дѣтях... Къ сожалѣнію, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ были обнаружены исключительныя дарованія сердца Кронштадтскаго пастыря. Многіе изъ свидѣтелей его первых подвиговъ уже умерли и не разскажутъ они намъ, сколько добра имъ сдѣлано было тогда.

По такимъ же добрым, отзывчивым на горе ближняго остался Кронштадтскій о. Іоаннъ и во дни своей исключительной, всероссійской извѣстности. Случалось не разъ, когда человѣкъ, сбившись съ пути, вспоминалъ объ о. Іоаннѣ, шелъ къ нему съ вѣрой, какъ путникъ на огонь, и вновь находилъ смыслъ жизни. Цѣлую галлерею портретовъ можно бы было составить изъ этихъ случаевъ. Вотъ напр., бѣдственное положеніе одного капиталиста. Во дни своей юности онъ владѣлъ полумилліоннымъ состояніемъ а чрезъ шесть лѣтъ разгульной жизни дошелъ до того, что принужденъ былъ почевать въ почлежномъ домѣ, а его жена, имѣвшая когда то свой салонъ, ходитъ стирать бѣлье поденно. Когда было все заложено и все пропито, на послѣдній полтинникъ, который былъ съ трудомъ добытъ какою то работой, N отправляется къ о. Іоанну.

— Ты, вѣдь, ко мнѣ пришелъ,—встрѣчаетъ его добрый пастырь, выдѣляя изъ толпы. Хорошо сдѣлалъ. Давай помолимся вмѣстѣ... Ты очень несчастенъ, но пути Господа неисповѣдимы... Мы не знаемъ, какою дорогою онъ ведетъ насъ къ себѣ. Но ты идешь къ

Отецъ батюшка о. Іоаннъ Кронштадтскій

Нему, и это—великое счастье для тебя. Не сойди только съ пути твоего. Господь да укрѣпитъ тебя...

Долго говоритъ о. Іоаннъ въ успокоеніе страждущему, и въ душѣ его отчаяніе начинаетъ смѣняться примиреніемъ. По лицу катятся слезы.

А о. Іоаннъ тихо отходитъ отъ него и преклоняетъ колѣна къ молитвѣ: «Благій Человѣколюбче! Иже тварь единымъ словомъ содѣлавый и изъ нея человѣка создавый, посѣти неизреченнымъ твоимъ человѣколюбіемъ падшаго сего раба твоего»...

Еще нѣсколько подобныхъ бесѣдъ, молитвенное общеніе съ Господомъ въ Евхаристіи и человѣкъ вновь становится трезвымъ и снова возвращается къ нему богатство его, да въ придатокъ къ этому, еще и миръ душевный.

А вотъ и еще примѣръ. До такого же состоянія полнаго обнищанія дошелъ одинъ видный торговецъ въ Петербургѣ. Въ критическій моментъ, когда все уже было потеряно въ жизни, онъ вспомнилъ, что есть въ Кронштадтѣ о. Іоаннъ. Поздней ночью идетъ онъ въ Ораніенбаумъ для того, чтобы переѣхать въ Кронштадтъ и встрѣчаетъ о. Іоанна около вокзала.

— Батюшка! закричалъ онъ, упавъ ему въ ноги.— Встань голубчикъ, — слышитъ ласковый голосъ о. Іоанна. О. Іоаннъ взялъ его съ собой въ рубку парохода, долго они тамъ о чемъ то говорили и результатомъ этой бесѣды было то, что погибавшій человѣкъ превратился въ человѣка съ твердой волей, «будто наградили его вдругъ большимъ орденомъ или чиномъ коммерціи совѣтника». Нѣкоторая сумма денегъ возвращаетъ бывшему человѣку его прежній внѣшній видъ, а исповѣдь и душевная работа надъ собой укрѣпляетъ его волю настолько, что снова возвращается къ нему прежнее благополучіе. О. Іоаннъ

помогаетъ ему найти приличное мѣсто, а тотъ, въ свою очередь, остается безконечно благодарнымъ св. церкви, которая избавила его отъ погибели.

Случалось, о. Іоаннъ и самъ шелъ на встрѣчу страждущимъ. Одинъ несчастный человѣкъ, уставъ бороться съ жизнью, въ отчаяніи готовъ уже былъ покончить жизнь свою насильственно, какъ вдругъ надъ своимъ ухомъ слышитъ кроткій голосъ Кронштадтскаго пастыря.

— Плачь, сынъ мой, о грѣхахъ своихъ. Путь спасенія усыпанъ не розами, а терніями.

— Батюшка, силъ моихъ больше нѣтъ, простопалъ несчастный.

— Силъ много *там*. Проси, и дастся тебѣ. Мы немощны, и никто не устоялъ бы противъ врага, но Господь милосердъ. Помолимся вмѣстѣ.

О. Іоаннъ положилъ руку на голову несчастнаго и сталъ читать молитву. Онъ не слѣдилъ за словами молитвы и даже не понималъ ихъ, но чувствовалъ, что съ каждымъ словомъ въ немъ совершается переворотъ и утихаетъ борьба. Пастырь кончилъ и благословилъ его. Все стихло. Когда несчастный поднялся съ колѣнъ, пастыря уже не было.

Я не привожу всѣхъ разсказовъ о душевной помощи о. Іоанна страждущему человѣку. Ихъ такъ много, что едва-ли о каждомъ изъ нихъ помнилъ и самъ Кронштадтскій пастырь. Но замѣтьте, всѣ эти разсказы совершенно одного типа: врачъ души помогаетъ отчаявшемуся вернуть вѣру въ себя и людей.

— Встань, поднимись, ты еще не такъ плохъ, какъ о себѣ думаешь. Богъ укрѣпитъ тебя,— помолимся вмѣстѣ.

Очевидцы говорятъ, что «нѣтъ средствъ передать тонъ оттѣнки голоса и всѣ переливы мелодіи чувства въ этихъ успокоительныхъ словахъ». Вѣдь и слова-то самыя обыкновенныя... Но смотрите—какая заключалась въ нихъ внутренняя сила!

Вѣра пастыря въ чудодѣйственную силу душевнаго воздѣйствія была настолько велика, что не могли устоять предъ нею болѣзни физическія. «Девять разъ я ходилъ молиться съ дерзновеннымъ упованіемъ,—говоритъ онъ въ одномъ разсказѣ о чудодѣйственномъ исцѣленіи,—надѣясь, что упованіе не посрамитъ, что толкущему отверзется, что хоть за неотступность дастъ мнѣ Владыка просимое; что если неправедный судія удовлетворилъ наконецъ утруждавшую его женщину, то тѣмъ болѣе Судія всѣхъ, праведнѣйшій, удовлетворитъ мою грѣшную молитву о невинныхъ больныхъ дѣтяхъ, что онъ призритъ на трудъ мой, на худобу мою, на молитвенныя слова и колѣнопреклоненія мои, на дерзновеніе мое, на упованіе мое. Такъ и сдѣлалъ Владыка,—не посрамилъ меня грѣшника. Прихожу въ десятый разъ—младенцы здоровы».

Вотъ какъ описываютъ очевидцы процессъ исцѣленія.

Когда о. Іоаннъ, –это было въ другой разъ,—вошелъ въ комнату, все лицо его дышало весельемъ и радостью. Веселье и радость сказывались во всѣхъ его живыхъ, нѣсколько порывистыхъ движеніяхъ. Онъ прежде всего взглянулъ на образъ, висѣвшій въ углу, широко перекрестился, перевелъ взглядъ свой на больного, поспѣшно подошелъ къ нему и упалъ на колѣни.

— Чрезъ слабость мою яви Твою силу—шепталъ онъ молитву. Онъ весь преобразился, черты лица его

освѣтились, глаза блистали, трепетъ пробѣгалъ по его тѣлу. Наконецъ, онъ почувствовалъ, что мольба его была услышана...

Онъ поднялся съ колѣнъ, спокойно подошелъ къ неподвижно лежавшему больному и положилъ свою руку ему на голову.

— Встань и помолимся вмѣстѣ,—тихо сказалъ онъ.

— Я не могу пошевельнуться,—явственно произнесъ больной.

— Встань и помолимся вмѣстѣ.

И больной всталъ съ кровати, опустился на колѣни рядомъ съ священникомъ, начавшимъ громко читать молитву... А на другой день выздоровѣлъ.

Бывали случаи, когда для молитвеннаго воздѣйствія падали границы пространства. Сила молитвы была настолько велика, что облегченіе или исцѣленіе отъ болѣзни совершалось далеко за предѣлами Кронштадта, по одной лишь усердной молитвѣ. Біографы разсказываютъ объ одной богатой женщинѣ, мужъ которой потерявъ всякую надежду на врачебную помощь, послалъ изъ Одессы телеграмму съ просьбой помолиться о выздоровленіи болящей. „Больная заснула, и когда проснулась, то вся сіяющая отъ радости сказала, что видѣла во снѣ о. Іоанна, котораго знала лишь по фотографіи. О. Іоаннъ подошелъ къ ней, утѣшалъ ее; возложивъ на голову больной свои руки, благословилъ ее и сказалъ, чтобы она надѣялась на милосердіе Божіе и что она скоро поправится. И дѣйствительно; больная немедленно почувствовала облегченіе и стала быстро поправляться“.

Но какой огромный запасъ нравственной силы нужно имѣть человѣку для того, чтобы *не устать* в

Епископъ Алексѣй, Псковскій и Порховскій.

теченіе пятидесяти лѣтъ возвышать до себя больного и страждущаго? Гдѣ взять такой запасъ?

Знаменитый психіатръ, профессоръ Сикорскій, сопровождавшій о. Іоанна во время пребыванія его въ Кіевѣ, отличаетъ такую, между прочимъ, черту въ его душевной организаціи. „Сила представленія у него необыкновенно велика. Его живое воображеніе рисуетъ ему событія, случившіяся нѣсколько столѣтій назадъ съ такою ясностью, какъ будто эти событія совершаются у него на глазахъ въ эту минуту". Въ своемъ дневникѣ отецъ Іоаннъ говоритъ даже нѣсколько больше, чѣмъ профессоръ Сикорскій. «Что за лицо священникъ,—спрашиваетъ онъ.—Постоянно у него рѣчь съ Господомъ и постоянно отвѣчаетъ на его рѣчь Господь. Что ни треба, что ни молитва, то рѣчь съ Господомъ; что ни треба, что ни молитва, то отвѣтъ на нее Господа». «Въ молитвѣ главное, о чемъ надо прежде всего позаботиться, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—это живая, ясновидящая вѣра въ Господа: представь Его живо предъ собою и въ себѣ самомъ, и тогда проси, что хочешь, и будетъ тебѣ». И мы дѣйствительно видѣли отраженіе этихъ мыслей не только въ дѣятельности, но даже въ самой внѣшности о. Іоанна. Взоръ его часто былъ устремленъ вдаль; порой онъ ничего не видѣлъ окружающаго, предаваясь созерцанію. Онъ самъ говорилъ въ своемъ дневникѣ: «Взирая на небо, созерцай въ высотахъ его Господа Іисуса, откуда явился онъ первомученику Стефану и Савлу, и умоляй его о спасеніи». «Въ великомъ дому Божіемъ придетъ къ тебѣ на помощь какое угодно призываемое тобою лице церкви небесной, проси его сдѣлать, что тебѣ угодно. Святые Божіи такъ же тебя слышатъ, какъ напримѣръ, въ церкви все собраніе».

Это непрерывное почти Богообщеніе и молитвенное общеніе съ святыми людьми уже почившими особенно сильно отражалось на всемъ его существѣ во время литургійной молитвы. «Все время онъ погруженъ въ такія глубины души,—разсказывалъ о немъ одинъ изъ сослужившихъ ему, — что какъ будто ничего не видитъ, ничего не слышитъ что кругомъ его совершается. — Христосъ посредѣ насъ, говорилъ онъ въ положенное время, и невольно кажется, что Христосъ Спаситель—рядомъ. Жутко становится, трепетомъ наполняется душа». «Во время пресуществленія святыхъ даровъ онъ много разъ преклоняетъ главу передъ ними. Слезы обильно текутъ изъ его глазъ. По прочтеніи тайной молитвы беретъ въ руки дискосъ съ святымъ тѣломъ, поднимаетъ его немного надъ престоломъ и, вперивъ свой взоръ, сосредоточенно молится. Потомъ беретъ въ руки святой потиръ, прильнетъ къ нему челомъ и долго, горячо молится. Не произнесетъ ни одного слова. Глаза закрыты. Но вотъ совершилось причащеніе святыхъ Таинъ, и лицо его измѣнилось. Какъ будто онъ окруженъ какимъ то сіяніемъ». Мы всѣ помнимъ это выраженіе лица Кронштадтскаго пастыря, сіяющее и дающее свѣтъ другимъ. И несомнѣнно, что источникомъ его внутренней силы, является „созерцаніе Господа въ небесныхъ высотахъ“. «Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ». „Вѣра можетъ горы переставлять“, и ужъ конечно, не останавливается предъ такими ничтожными препятствіями, какъ физическое страданіе или душевная болѣзнь.

Это постоянное лицезрѣніе Господа, способность летѣть мыслью чрезъ пространство и время настолько изощрило душевную организацію Кронштадтскаго пастыря, что онъ не только съ легкостью распозна-

валъ душевное состояніе другого, но и видѣлъ духовными очами такъ далеко, какъ это недоступно простому смертному. Мы не приводимъ здѣсь многочисленные разсказы о его умѣньи читать въ сердцахъ людей, засвидѣтельствованное даже свѣтилами науки. Но съ нравственной точки зрѣнія представляетъ чрезвычайный интересъ картина, помѣщенная въ одномъ иллюстрированномъ изданіи объ о. Іоаннѣ. Пастырь изображенъ на кормѣ парохода съ молитвенно скрещенными на груди руками. Во мглѣ вечера виднѣются силуэты домовъ и фабрикъ и надъ всѣмъ этимъ возвышается красивый куполъ Исаакія. Уже зажглись огни и отражаются въ зеркальныхъ водахъ моря. Лицо о. Іоанна скрыто въ картинѣ. Но судя по фигурѣ, какъ далеко, видимъ, несется его полуночная молитва: сколько труждающихся и обремененныхъ видятъ его духовныя очи. Святой царь и пророкъ Давидъ разсказываетъ въ своемъ псалмѣ, что онъ вставалъ ночью и молился за свое царство. Не царственная-ли и это тоже молитва за тѣхъ, «кому въ удѣлъ страданье задано»?...

Бывали случаи, когда лицезрѣніе Господа было достояніемъ не только одного пастыря, но и пасомыхъ, и доступное душевному только взору становилось видимо взорамъ физическимъ. Въ одушевленные моменты всеобщей исповѣди,—какъ разсказываютъ очевидцы,—лица съ болѣе тонкой душевной структурой видѣли предъ амвономъ Спасителя, благословляющаго народъ.

Сама по себѣ исповѣдь была настолько исключительнымъ моментомъ одушевленія, что оставляла на присутствовавшихъ впечатлѣніе неизгладимое. Очевидецъ такъ описываетъ это рѣдкое явленіе въ пастырской практикѣ. Въ концѣ литургіи «мы вышли изъ

алтаря на солею и стали около о. Іоанна. Необыкновенно величественная картина развернулась предъ нами. Предъ нами было море головъ. Въ храмѣ было не менѣе пяти тысячъ человѣкъ. Какъ волнуется море, такъ волновалось море людей. Это было единое тѣло, одинъ организмъ, двигавшійся туда и сюда. Богатый и бѣдный, знатный и незнатный, ученый и неученый, мужчина и женщина—всѣ были вмѣстѣ—у всѣхъ была одна душа и одно сердце, какъ у первохристіанъ. О. Іоаннъ вышелъ изъ алтаря на амвонъ въ смиренномъ видѣ и началъ говорить поученіе, прерываемое по временамъ рыданіями народа, плачущаго о своихъ грѣхахъ. За поученіемъ слѣдовали молитвы предъ исповѣдью и наконецъ самое покаяніе. Братіе и сестры, каетесь-ли вы, желаете-ли исправить свою жизнь? Сознаете-ли свои грѣхи? — Что происходитъ въ эти минуты — невозможно описать. Напряженіе достигало самой высшей степени и одинаково захватило всю массу. Стоялъ страшный, невообразимый шумъ: кто плакалъ, кто громко рыдалъ, кто падалъ на полъ, кто стоялъ въ безмолвномъ оцѣпененіи. Многіе вслухъ предъ всѣми исповѣдывали свои грѣхи, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что ихъ слышали. А о. Іоаннъ стоялъ, глубоко растроганный и потрясенный всѣмъ. Онъ закрылъ свое лицо руками, но изъ подъ нихъ капали на холодный церковный полъ крупныя слезы. Наконецъ, онъ отеръ свои слезы, перекрестился:— «Тише братья. Слушайте: — мнѣ, какъ и всѣмъ священникамъ, Богъ даровалъ власть вязать и разрѣшать грѣхи человѣка. Слушайте, прочитаю молитву разрѣшительную». Тысячи людей смиренно преклоняются, читается разрѣшительная молитва. Беретъ о. Іоаннъ конецъ своей эпитрахили, проводитъ имъ по воздуху на четыре стороны и благословляетъ народъ.

Дорогой батюшка о. Іоаннъ Кронштадтскій.

Затѣмъ слѣдуетъ выносъ пречистыхъ и животворящихъ Таинъ Христовыхъ. Послѣ громогласнаго прочтенія молитвы «Вѣрую и исповѣдую» народъ устремляется къ св. чашѣ. Сколько благоговѣнія, восторга, тихой радости можно видѣть и читать на лицахъ всѣхъ».

При такомъ высокомъ душевномъ подъемѣ пречтожными казались будничные интересы, и потому надо думать, что матеріальная помощь, которую онъ оказывалъ нуждающимся, была только придаткомъ къ тѣмъ духовнымъ дарамъ, которые онъ раздавалъ своей щедрой рукой.—Это былъ пастырь-безсребренникъ, которому некогда было думать о матеріальномъ благополучіи. Живой Христосъ, который проникалъ все его существо, не оставлялъ мѣста для житейскихъ заботъ. Жители Кронштадта помнятъ, что еще въ первые годы своего служенія онъ раздавалъ все, до послѣдняго двугривеннаго, который нуженъ былъ для переѣзда изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ, и до послѣднихъ сапогъ. Доселѣ сохранилось отъ той поры интересное, такъ сказать, «учрежденіе», которое называется «арміею о. Іоанна». Ежедневно, раннимъ утромъ, еще задолго иногда до свѣта, собираются «бывшіе люди» къ дому или храму, гдѣ находится о. Іоаннъ и встаютъ въ очередь, ожидая подаянія. Они настолько привыкли получать свой «пай», что сердились и устраивали забастовку, когда почему-либо сокращалось количество денегъ, выдаваемыхъ о. Іоанномъ:—«не будемъ брать», говорили они, кому-то угрожая. Съ теченіемъ времени благотворительность о. Іоанна приняла размѣры болѣе широкіе, постепенно разростаясь до громадныхъ цифръ. Образовалась какая то контора для добровольнаго перемѣщенія денегъ изъ кармановъ богатыхъ въ карманы бѣдняковъ. Случалось нерѣдко, что щедрая рука даю-

ничего не считала суммы жертвуемой. Разсказываютъ одинъ случай о купцѣ, который передалъ о. Іоанну запечатанный пакетъ съ крупной суммой. Получивъ ее правой рукой, Кронштадтскій пастырь лѣвой передалъ ее женщинѣ, просившей помощи.—Батюшка, тутъ 1000 рублей,—взмолился жертвователь.—Ея счастье,—отвѣтилъ спокойно отдавшій. А послѣ говорилъ: «щедро твои труды вознаграждаются—будь щедръ и самъ, не по заслугамъ вознаграждаются—не по заслугамъ и другимъ давай».—Цифры пожертвованій возрастали по мѣрѣ душевнаго одушевленія жертвовавшихъ, и иногда доходили до громадныхъ размѣровъ. Личный секретарь о. Іоанна едва успѣвалъ получать и разсылать присланныя пожертвованія. Но никто не считалъ тѣхъ суммъ, которыя поступали непосредственно въ руки о. Іоанна и которыя тутъ же были передаваемы нуждающимся. При этомъ обыкновенно было такъ, что послѣ трудового дня у трудившагося къ утру не оставалось ни копѣйки. А съ наступленіемъ новаго дня прилпвалъ новый потокъ пожертвованій.

Но бывало нерѣдко такое положеніе вещей, что нельзя было помочь дѣлу матеріальными средствами. Еще въ первые годы пастырской дѣятельности о. Іоанна были такіе паціенты, которые не могли купить себѣ сапогъ или хлѣба, необходимаго для дневного пропитанія,—пропивали всякій грошъ, который попадалъ имъ въ руки. Для такихъ людей необходимъ разумный трудъ, а не матеріальныя средства. И вотъ, по иниціативѣ о. Іоанна возникаетъ въ Кронштадтѣ (а затѣмъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи) дома трудолюбія, гдѣ могутъ быть примѣняемы силы не только здоровыхъ, но и самыхъ слабыхъ, больныхъ людей. Отчеты о жизни этихъ учрежденій сообщаютъ намъ

крупныя, особенно для Кронштадта, цифры. Рядомъ съ этимъ, сочувствуя горькой долѣ женщины, не получившей права имѣть свой уголъ въ семьѣ, о. Іоаннъ основываетъ женскую общину. Заботится, далѣе, о дѣтяхъ улицы, устраивая школу, о престарѣлыхъ— устройствомъ богадѣльни, дешевой и даровой столовой, дешевыхъ квартиръ. Онъ предусматриваетъ всякую потребность своего прихода, такъ что его благотворительныя учрежденія, являются отвѣтомъ на запросы времени и имѣютъ чрезвычайную жизнеспособность.

Съ теченіемъ времени число облагодѣтельствованныхъ настолько увеличилось, что къ полувѣковому юбилею служенія о. Іоанна ихъ уже было столько, что нельзя было на пути къ Кронштадту не слышать имени знаменитаго пастыря. Народная молва окружила уже ликъ его нимбомъ святости и рѣдкая семья въ Кронштадтѣ не видѣла въ немъ своего *патрона*, покровителя и заступника на случай несчастья. Это было своего рода обезпеченіе, до нѣкоторой степени душевный капиталъ, который заключался въ увѣренности, что пока живъ о. Іоаннъ, не будетъ такого момента, чтобы человѣкъ погибъ. Молва летѣла далеко за предѣлы Кронштадта, святая вѣра въ его заступничество росла съ каждымъ новымъ случаемъ благодѣянія и ко дню кончины о. Іоанна рѣдкое сердце не билось надеждой на его помощь въ бѣдѣ и горѣ. Изъ кронштадтскаго священника онъ становился отцемъ и благодѣтелемъ всей Русской земли, народнымъ героемъ. Вотъ почему такъ неутѣшны были слезы осиротѣвшихъ. Быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ многіе изъ нихъ съ его кончиной теряли больше, чѣмъ со смертью роднаго отца или любимаго человѣка.

Но гораздо сильнѣе оказались результаты нравственнаго вліянія личности о. Іоанна на свою паству

и на всѣхъ тѣхъ лицъ, которымъ такъ или иначе приходилось соприкасаться съ нимъ въ своей жизни.

У Виктора Гюго, въ его романѣ „Отверженные“ есть неподражаемый разсказъ объ епископѣ, который исправилъ закоренѣлаго преступника тѣмъ, что принялъ его, какъ равнаго и обласкалъ своимъ вниманіемъ. Мы всѣ помнимъ этотъ разсказъ. Основная мысль его заключается въ томъ психическомъ законѣ, что чѣмъ выше по своимъ нравственнымъ качествамъ человѣкъ, который имѣетъ на насъ вліяніе, тѣмъ лучше мы сами становимся.

Этотъ основной законъ душевной жизни вполнѣ примѣнимъ и къ пастырской дѣятельности о. Іоанна. Пятьдесятъ лѣтъ кроткими и ласковыми словами и усердной молитвой онъ исправлялъ погибшихъ и падшихъ людей, имѣя на нихъ неотразимое вліяніе, и достигъ того, что къ концу его жизни совершенно измѣнился душевной обликъ его паствы. Въ началѣ дѣятельности о. Іоанна Кронштадтъ былъ ссылочнымъ мѣстомъ, куда выселяли всякій отбросъ изъ Петербурга. Легко себѣ представить, какіе это были люди. А къ концу его дѣятельности Кронштадтъ сталъ тѣсно сплоченной семьей вокругъ своего пастыря и домашней церковью. То, что вовсе не удается провести въ дѣйствительную жизнь сторонникамъ новыхъ теорій, — равенство и братство, — вблизи о. Іоанна можно было наблюдать каждый день и каждый часъ. Милліонеръ стоялъ рядомъ съ нищимъ и высокій сановникъ—рядомъ съ крестьяниномъ, одѣтымъ въ зипунъ и лапти. Такъ было даже и въ торжественныхъ случаяхъ, напр. на юбилеѣ о. Іоанна. Такъ исполнились слова великаго писателя, который говорилъ: «Мечтаю видѣть и какъ бы уже вижу ясно наше грядущее, ибо будетъ такъ, что даже самый развра-

Высокопреосвященнѣйшій Агаѳодоръ,
Архіепископъ Ставропольскій и Екатеринодарскій.

щенный богачъ нашъ кончитъ тѣмъ, что устыдится богатства своего предъ бѣднымъ, а бѣдный, видя смиреніе сіе, пойметъ и уступитъ ему съ радостью»...

Около о. Іоанна появились люди, которыя всю жизнь свою отдавали осуществленію его идеаловъ, которые горѣли тѣмъ же огнемъ, которымъ онъ самъ. Устная и молчаливая,—проповѣдь жизни этихъ лицъ велась ежедневно, и подъ вліяніемъ ея становились лучше не только тѣ, кто былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ чудесъ и подвиговъ о. Іоанна, но и тѣ, кто пріѣзжалъ сюда издалека за благословеніемъ и молитвой. Правоученіе какъ бы носилось въ воздухѣ, и была бы большимъ диссонансомъ несдержанная жизнь въ этой атмосферѣ здороваго труда и святости.

Нравственное вліяніе о. Іоанна, проповѣдь труда и благочестія не ограничилось одною только его паствой. Какъ закваска, оно распространялось по всей русской землѣ, передаваясь отъ одного къ другому, отъ отцевъ къ дѣтямъ, отъ ближнимъ къ дальнимъ. Личность его окружена была ореоломъ еще за долго до его кончины, и многое множество людей, особенно во время его поѣздки по Россіи, спималось съ мѣстъ для того, чтобы «коснуться края ризы его», заимствовать отъ него хотя часть того священнаго огня, которымъ онъ постоянно горѣлъ въ своемъ благочестивомъ настроеніи. Существенно измѣнялось настроеніе толпы въ эти минуты. «Истинное наслажденіе доставляютъ намъ ваши путешествія, — говорилъ одинъ священникъ о. Іоанну въ Олонецкой губерніи. — Лишь только вступаете вы, батюшка, въ какое-либо село или городъ, несмотря на будень, слышится радостный, торжественный звонъ большого колокола, собирается соборъ служащихъ съ вами, купцы запираютъ лавки, крестъ-

яне бросаютъ бороны и сохи въ полѣ, матери во множествѣ несутъ для пріобщенія дѣтей. Замѣчается религіозный подъемъ духа, усиливается теплота молитвы. Какъ отъ обыкновеннаго огня нагрѣваются окружающіе предметы, часто загораются и горятъ общимъ огнемъ, такъ и вашъ молитвенный пламень охватываетъ всѣхъ, какъ служащихъ, такъ и молящихся, и вся церковь молится съ вами усерднѣе и теплѣе».

Закваска религіознаго вліянія Кронштадтскаго пастыря простиралась гораздо далѣе православнаго населенія. Всеобщимъ восторгомъ при видѣ его заражались даже иновѣрцы и переживали тоже самое чувство высокой религіозной настроенности. Біографъ описываетъ восторженное настроеніе татарина, который удостоился получить благословеніе о. Іоанна.— Даже болѣе. Передавалась вѣра въ чудотворенія, въ присутствіе высшей силы. Въ Крыму, напр., приносили къ нему для молитвы болящихъ и разслабленныхъ, и онъ возлагалъ на нихъ руки. Интересна просьба одного мусульманина объ исцѣленіи.

— Батюшка,—говорилъ онъ,—слышалъ, я, что твой Богъ сильнѣе нашего Аллаха. По молитвѣ твоей у сосѣда поправился ребенокъ, помолись за мою больную жену. О. Іоаннъ посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ обычное—«помолимся вмѣстѣ». Затѣмъ опустился на колѣни и сталъ читать молитву. Татаринъ билъ себя въ грудь и повторялъ за нимъ слова молитвы. Они молились около часу. Когда поднялись, на глазахъ у татарина блестѣли слезы... И больная выздоровѣла.

...Молился-ли когда нибудь еще разъ мусульманинъ вмѣстѣ съ православнымъ священникомъ?

Великое миссіонерское значеніе имѣли подобные случаи. Ни одна самая краснорѣчивая бесѣда не обратитъ въ православіе стольких иновѣрцевъ, сколькихъ обращала искренняя молитва пастыря. Ибо нравственная сила не въ діалектическихъ умопомышленіяхъ, а въ искренней христіанской любви. Сначала любовь и дружба, а потомъ уже и вѣра общая.

Даже евреи, всего менѣе расположенные къ христіанству, и тѣ чувствовали на себѣ примиряющее вліяніе о. Іоанна. Трогательно было видѣть, какъ во время поѣздки его въ западномъ краѣ, вмѣстѣ съ православными, встрѣчалъ его и духовный раввинъ. «Въ талмудѣ находимъ,—говорилъ онъ въ своей привѣтственной рѣчи, что однажды философъ спросилъ у равви Гамліела: «Есть ли такой день, который мы съ вами празднуемъ вмѣстѣ?» Равви Гамліелъ отвѣтилъ: «такой день есть, это именно день, въ который падаетъ дождь». И такъ, и у христіанъ и у евреевъ есть общій праздникъ, праздникъ радости исцѣленій, праздникъ помощи страждущимъ, любви и единенія бѣдныхъ. (Съ чрезвычайнымъ душевнымъ утѣшеніемъ намъ пришлось узнать, что здѣсь, въ Самарѣ, въ дѣлѣ помощи голодающимъ, принимали участіе одновременно раввинъ, мулла и православный священникъ. Богъ Отецъ съ высоты небесной благословлялъ ихъ совмѣстный трудъ на пользу страждущаго человѣчества).

Все это въ значительной степени вносило примиряющій элементъ въ атмосферу отчужденности и озлобленности послѣдняго времени и создавало великую церковь «Бога жива» въ сердцахъ тѣхъ, кому не дана была способность непосредственнаго христіанскаго знанія. Чрезъ двадцать вѣковъ вновь чувствовалось, что «нѣсть эллинъ, или іудей, обрѣзаніе или

необрѣзаніе, варваръ или скиѳъ, но всяческая и во всѣхъ Христосъ».

Въ лицѣ о. Іоанна сошелъ со сцены жизни послѣдній *строитель* минувшей исторіи Русской церкви, человѣкъ, который стоялъ на перепутьи между жизнью старой и новой Россіи.

Не такъ давно, во дни т. н. освободительнаго движенія, когда возникла мысль о возстановленіи патріаршества, въ извѣстныхъ кругахъ общества очень опредѣленно говорили, что самымъ достойнымъ кандидатомъ занять столь высокій постъ былъ бы о. Іоаннъ Кронштадтскій. Пусть это только одна лишь робкая мечта искреннихъ почитателей Кронштадтскаго пастыря, мечта совершенно неосуществимая и по условіямъ личнаго положенія о. Іоанна, и по его скромности, и по многимъ другимъ причинамъ... Для насъ это не важно; для насъ важно то, что эта мысль указывала *направленіе реформы церковной жизни.*

Въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ сочиненій Берлинскій профессоръ—историкъ Адольфъ Гарнакъ говоритъ, что «современное христіанство есть тоже язычество, но только съ Христіанской терминологіей». Почти тоже читаемъ мы и въ знаменитомъ дневникѣ отца Іоанна: «Боже мой, до чего мы дожили,—пишетъ онъ здѣсь.—Чѣмъ мы лучше язычниковъ въ своей жизни? Гдѣ наша вѣра, гдѣ любовь къ ближнему?... Но что всего удивительнѣе, даже люди, мнящіеся быть благочестивыми, сами свѣтильники рѣдко говорятъ о Богѣ, о Христѣ Спасителѣ, въ кругу своихъ семействъ и въ кругу свѣтскихъ людей. Опять потому, что стыдятся завести такой разговоръ, боятся наскучить, или опасаются, что сами не выдержатъ, не будутъ сердечно вести рѣчь о духовныхъ предметахъ. Да, не принятъ у насъ Господь, Зиждитель всѣхъ.

Добрый пастырь стада Христова о. Іоаннъ Кронштадтскій.

Не принятъ въ домахъ нашихъ, въ разговорахъ нашихъ»!..

Что же это значитъ? Не значитъ-ли, что слишкомъ уже мы ушли отъ Христа не только въ мірской, но и церковной жизни. Въ освободительные дни, мысленно перестраивая заново церковную жизнь, мы такъ много говорили о порабощеніи церкви государствомъ, о необходимости для каждаго клирика личной свободы, но сколько помнится, вовсе не было рѣчи о томъ, что забыты Христовы завѣты. Въ вѣкъ оскудѣнія или даже совершеннаго отсутствія идеаловъ, въ вѣкъ вражды и злобы, мы совершенно забыли, что въ уголкѣ каждой аудиторіи стоитъ невидимо для насъ скорбный ликъ Христовъ и, слыша проповѣдь на современныя отрицательныя темы, стужается сердцемъ.

Даже больше: явилось цѣлое направленіе богословской мысли, которое покоится исключительно на изысканіяхъ разума, съ совершеннымъ забвеніемъ осуществленія христіанства въ жизни.

И вотъ въ то самое время, когда исключительно-теоретическое направленіе христіанства дошло до послѣднихъ предѣловъ, въ числѣ русскихъ пастырей появился человѣкъ, который говоритъ, что разумъ только «наукъ», который мѣшаетъ сближенію со Христомъ. Самъ Онъ весь горитъ неземнымъ огнемъ, носитъ въ сердцѣ своемъ имя Господа, написанное огненными буквами, исцѣляетъ больныхъ, утишаетъ муки страждущихъ, помогаетъ всякому въ его нуждѣ и горѣ. Народъ стремится къ нему толпами, иногда желая только коснуться края ризы его, чтобы получить исцѣленіе. И всѣ говорятъ, что такой и долженъ быть истинный священникъ.

Вотъ завѣтъ, который своею жизнью завѣщалъ о. Іоаннъ Русскому пастырству. Онъ, конечно, не

отрицаетъ значенія науки, онъ только говоритъ противъ *односторонности* науки и рядомъ съ нею ставитъ на очередь другую науку, болѣе трудную—науку пастырской скорби, науку самоотверженія, лицезрѣнія Христа и презрѣнія къ благамъ міра.

Отходя въ вѣчный путь, о. Іоаннъ своимъ примѣромъ завѣщалъ и другой завѣтъ новому направленію реформированной жизни церкви—завѣтъ братства, помощи сильнаго слабому, поддержки въ трудѣ. Когда возникла мысль о дѣятельномъ распространеніи приходскихъ организацій, была опущена въ этомъ дѣлѣ одна маленькая подробность, но и самая главная. Именно, начали это дѣло «съ другого конца»,—съ собраній и уставовъ, а не съ *воспитанія души прихода*. Будь глубоко вѣрующій, самоотверженный пастырь—поддержка слабыхъ и изнемогающихъ,— и сначала къ нему пришли бы труждающіеся и обремененные, а за ними—и всѣ остальные. Будетъ сердечное общеніе будутъ и средства, будетъ и община, и долго она не распадется, пока горитъ огонь взаимной братской любви. А не будетъ теплаго чувства, связующаго прихожанъ,—сколько бы собраній ни назначали, какихъ бы предсѣдателей ни избирали, какія бы суммы ни ассигновывали,—дѣло будетъ мертвымъ и вызоветъ одни только ссоры и обостреніе самолюбій враждующихъ.

Отсюда несомнѣнный выводъ тотъ, что русская церковь должна прежде всего имѣть попеченіе о воспитаніи пастырей въ томъ направленіи, которое указано жизнью почившаго отца Іоанна. Это не теоретическій только взглядъ, а самый коренной запросъ нашего времени, и при этомъ запросъ, небезпримѣрный исторически. Въ такую же тяжелую годину, какъ та, которую мы переживаемъ, именно въ годину та-

тарскаго погрома,—въ разныхъ мѣстахъ русской земли зажглись свѣтильники вѣры, поставившіе цѣлью помогать народу подняться послѣ опустошительнаго татарскаго набѣга. Древне-русскій монастырь, по словамъ профессора Ключевскаго, былъ «и ходатайственнымъ руководителемъ, и ссудной кассой, и приходской церковію, и пріютомъ подъ старость».

Вотъ эту то миссію —помощи трудящемуся и страждущему и приметъ на себя въ будущемъ русское священство. Проблески такого направленія пастырской мысли есть уже: не мало и теперь насчитывается людей, которые вѣрятъ въ спасительность креста священника. И чѣмъ дальше будемъ жить, и чѣмъ тяжелѣе будетъ жизнь, тѣмъ больше будетъ такихъ людей.

Соль земли и Свѣтъ міра нашихъ дней.

Вижу, что ждете отъ моего убожества слова-назиданія въ память великаго молитвенника, добраго пастыря и праведника церкви и земли русской. Но что я скажу въ память о. Іоанна, какъ не то, что говоритъ о лицахъ подобныхъ сему праведнику св. Евангеліе? Слова изъ Евангелія Матѳея, которыя я прочитаю вамъ, сказаны І. Христомъ прежде всего христіанскому пастырству. Вотъ они:

«Вы—соль земли. Если же соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему не годна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на попраніе людямъ. Вы—свѣтъ міра. Не можетъ укрыться городъ,

стоящій на верху горы. И зажегши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникъ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ. Такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославили Отца вашего Небеснаго. Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ, или пророковъ; не нарушить пришелъ Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вамъ: доколѣ не прейдетъ небо и земля, ни одна іота или ни одна черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все. И такъ кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ малѣйшихъ, и научитъ такъ людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ Царствѣ Небесномъ; а кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ Царствѣ Небесномъ» (Мѳ. V, 13—19).

Отецъ Іоаннъ былъ именно солію земли русской. Своимъ ученіемъ, примѣромъ праведной его жизни, молитвой онъ глубоко вліялъ на общество, отрезвляя, оздоровляя и предохраняя его отъ нравственнаго разложенія. Своимъ проникновеннымъ взоромъ на жизнь и душу человѣка, своимъ властнымъ словомъ онъ многихъ вернулъ къ вѣрѣ и благочестію, многихъ спасъ отъ гробовъ похотѣнія и духовной смерти... Но о. Іоаннъ былъ солію среди христіанскаго пастырства не только въ смыслѣ оздоровленія и предохраненія отъ нравственной порчи людей, онъ примѣромъ своей пастырской дѣятельности сдѣлалъ это служеніе высокимъ, вожделѣннымъ, желательнымъ, пріятнымъ, не смотря на то, что пастырство Христово есть тяжелый крестъ, служеніе полное скорбей (I Тим. III, I; Іоан. XVI. 20. 33). Какъ соль дѣлаетъ пищу пріятною и вкусною, такъ и Кронштадтскій батюшка услаждалъ горечь пастырскаго креста благодатно-душевнымъ и добрымъ пѣснопѣніемъ его и звалъ своимъ примѣромъ подъ этотъ крестъ лучшія духовныя силы.

О. Іоаннъ былъ вмѣстѣ свѣтомъ міра. Господь Своею благодатію зажегъ этотъ свѣтильникъ міровой и поставилъ его не подъ спудомъ, но на свѣщникѣ, чтобы свѣтилъ онъ всѣмъ, иже въ храминѣ Божіей суть. И горѣлъ сей свѣтильникъ яркимъ свѣтомъ не только для Россіи, но и для всей земли. Кто не зналъ батюшку отца Іоанна, кто не обращался къ нему за наставленіемъ, совѣтомъ, молитвою, помощію? Кому онъ отказалъ въ этомъ? Знали о. Іоанна и обращались къ нему за молитвою и помощію не только русскіе, но и иностранцы, не только христіане, но и иновѣрцы, не только люди простые и не знатные, но и цари и вельможи. Даже враги церкви Христовой, люди не знающіе Бога, и тѣ не всѣ и не всегда рѣшались писать и говорить хулы на служителя Божія, какъ бы сознавая, что имъ, жалкимъ представителямъ царства тьмы, не угасить яркаго свѣтильника, возженнаго рукою Христовою.

Что же въ о. Іоаннѣ было такое, что сдѣлало его солію земли, свѣтомъ міра? Чѣмъ объяснить, что ему, уже имѣющему, благодатные таланты давались и давались, пріумножались и пріумножались? Было въ немъ то, что далеко не у всѣхъ бываетъ: всякое доброе дѣло онъ творилъ не для того, чтобы люди на него смотрѣли; нѣтъ, онъ разливалъ предъ людьми свѣтъ добрыхъ дѣлъ для того, чтобы люди прославляли чрезъ эти дѣла Отца Небеснаго. Вмѣстѣ съ послушной голосу Творца природой и онъ возвѣщалъ только славу Божію, но не себя проповѣдывалъ. А вѣдь это же и есть осуществленіе главной цѣли мірозданія, ибо Господь вся содѣла Себе ради (Притч. XVI, 4). Вотъ почему и Господь призрѣлъ Своею благодатію на смиреніе раба своего и надѣлилъ его

способностію нравственной соли общественной и даромъ свѣта мірового.

Было въ о. Іоаннѣ и еще нѣчто, чего не бываетъ у весьма многихъ: онъ съ величайшимъ благоговѣніемъ и уваженіемъ относился къ закону Божію и старался жить такъ, чтобы жизнь его была не нарушеніемъ закона или пророковъ, но исполненіемъ—въ мѣрѣ данной ему отъ Бога. Какъ ни поносили о. Іоанна его враги и завистники, какъ ни пытались приписать ему всяческую грязь нравственную до корыстолюбія и славолюбія включительно, даже до грѣха похоти плоти, но всѣ эти слова и писанія оказывались отвратительною ложью по одному тому только, что направлены были не по адресу, ибо о. Іоаннъ былъ чистъ какъ кристаллъ, ибо жизнь его не могла укрыться отъ глазъ народа, его окружавшаго, ибо всѣ видѣли и знали праведную жизнь батюшки Кронштадтскаго. Жизнь его была внѣ сомнѣній и подозрѣній. Да и могло ли укрыться отъ взора человѣческаго хотя бы единое темное пятно на свѣтломъ фонѣ праведной жизни отца Іоанна? Не можетъ укрыться городъ, на верху горы стоящій. За человѣкомъ корысти и личной славы, за человѣкомъ похоти плотской міръ не пойдетъ съ молитвою и упованіемъ. Досель такихъ примѣровъ еще не было. Говоримъ мы это не для того чтобы обѣлить о. Іоанна: онъ въ этомъ никогда не нуждался, а теперь въ особенности. Говоримъ не для того, чтобы нарушить могильный покой праведника и присущее ему глубокое смиреніе. Говоримъ только по чувству глубочайшаго уваженія къ личности почившаго исполнителя закона Божія и ученія пророковъ, говоримъ въ назиданіе первѣе всего себѣ и православному на-

Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Новгородскій
и Старорусскій.

стырству, чтобы показать, гдѣ. въ чемъ его сила и величіе.

А такая поразительная исполнительность и вѣрность о. Іоанна закону Божію вытекали изъ его вѣры въ непреложность слова Божія. Всѣмъ своимъ существомъ Кронштадтскій батюшка вѣрилъ, что скорѣе небо и земля прейдутъ, но ни одна іота или ни одна черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится. Такая вѣрность служителя Слову Божію, совершенно понятна въ томъ пастырѣ, кто призывается и хочетъ право правити слово истины. Слово Божіе для такого пастыря, какимъ былъ о. Іоаннъ, не есть лишь та книга, которая лежитъ на святомъ престолѣ и которую онъ обязанъ по временамъ открывать и читать народу. Слово Божіе есть умъ Христовъ, это книга мыслей, чувствъ и желаній, какими полна душа Богочеловѣка, это книга неба для земли, это вѣсть райская грѣшному скитальцу земли, это книга жизни и спасенія человѣка, книга, по которой будутъ нѣкогда судить человѣка и которую этотъ послѣдній долженъ знать, изучить и полюбить. Если Апостолы, имѣвшіе умъ Христовъ, понимали пастырское служеніе, какъ служеніе слову (Дѣян. VI, 4), если вмѣстѣ съ Апостолами, и святая церковь предлагаетъ своимъ пастырямъ прежде всего право правити слово истины, то понятно отсюда, какое значеніе въ жизни пастыря имѣетъ слово Божіе. И это глубоко понималъ о. Іоаннъ и жилъ и живъ былъ именно словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ. Если пастырь церкви есть человѣкъ неба и вѣчности и призванъ туда же направлять и паству свою, то вѣдь надо же ему то самому войти въ эту стихію бытія, сродниться съ духомъ и интересами вѣчной жизни, вникать въ себя воздухъ вѣчности, ощутить,

пережить еще здѣсь на землѣ сладость вѣчно-блаженной жизни въ мѣрѣ и возможности, указанной Христомъ. Апостолы хорошо понимали, гдѣ и чрезъ посредство Кого могутъ они вкусить сладость вѣчности. «Господи, къ кому намъ идти?—говорили они.—Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни» (Іоаннъ VI, 68). Понималъ это и почившій батюшка о. Іоаннъ, самъ выну пріобщался вѣчности чрезъ слово Божіе и чашу жизни и другихъ звалъ настойчиво къ тому же.

Мало сказать, что батюшка почивалъ на законѣ Божіемъ, нѣтъ, онъ перенесъ въ свою душу глаголы жизни вѣчной, ими дышалъ и питался и питалъ другихъ. „Пребудте во Мнѣ,—говоритъ Христосъ,—и Я въ васъ. Какъ вѣтвь не можетъ приносить плода сама собою, если не будетъ на лозѣ: такъ и вы, если не будете во Мнѣ“ (Іоан. XV, 4). А это внутреннее пріобщеніе или привитіе человѣка и тѣмъ болѣе пастыря къ Лозѣ Христовой и ея жизни совершается прежде всего чрезъ слово Христово (Іоан. XV, 3).

Видите ли, стоитъ человѣку причаститься Слову Божію, какъ тотчасъ начинается въ немъ оживленіе души (Евр. IV, 12), ростъ духа (Мѳ. XIII, 8), очищеніе человѣка (Іоан. XV, 3) и освященіе (Іоан. XVII, 17). Спросите, какъ это бываетъ. Прошу припомнить восьмой членъ Символа вѣры о Духѣ Святомъ. Если Св. Духъ говорилъ чрезъ пророковъ и апостоловъ, если Писаніе по этому боговдохновенно, то самое это Писаніе, это Слово Божіе, какъ произведеніе Св. Духа, и дѣйствуетъ въ душѣ человѣка, а тѣмъ болѣе пастыря, *животворящимъ* образомъ. Вѣдь слово Божіе не есть, только колебаніе воздушныхъ волнъ, или сочетаніе членораздѣльныхъ звуковъ, не есть лишь бумага, покрытая на типографскомъ станкѣ красками и буквами, нѣтъ, Слово Божіе есть именно небесное зерно, про-

изводящее новую органическую жизнь въ душѣ человѣка, есть сила благодатная, творящая и возраждающая насъ во Христѣ Іисусѣ (I. Кор. IV, 15), сила, производящая въ насъ совершенно иной, отличный отъ грѣшной земли, строй душевной жизни, тѣ же чувствованія, какія наполняли душу Богочеловѣка I. Христа (I. Кор. IV, 16; Филип. II, 5). Это дѣйствіе Слова Божія на душу человѣка отлично понималъ о. Іоаннъ и сразу же привился къ Лозѣ Христовой чрезъ животворящее благодатное Слово Его. Слово Христово обильно вселилось въ праведную душу о. Іоанна (Колос. III, 16).

Вотъ чѣмъ объясняется такая глубокая, можно сказать, исключительная вѣрность и преданность Кронштадтскаго пастыря Слову Божію. Не даромъ онъ носилъ при бедрѣ своемъ символъ духовнаго меча, иже есть глаголъ Божій (Еф. VI, 17), онъ умѣлъ владѣть этимъ мечемъ.

Было, наконецъ, въ жизни о. Іоанна и еще нѣчто, что отличаетъ сыновъ царства небеснаго: онъ не только научилъ, но и сотворилъ. Много бываетъ на бѣломъ свѣтѣ такихъ учителей и проповѣдниковъ, которые умѣютъ высоко, умно и красно говорить и писать, но сами, по слову Писанія, не только не дѣлаютъ, но не хотятъ даже перстомъ двинуть того тяжелаго бремени, которое возлагаютъ на плеча другихъ людей (Мѳ. XXIII. 3—4). Слова и рѣчи такихъ учителей моралистовъ имѣютъ въ жизни такое же значеніе, какъ мѣдь звенящая или кимвалъ звучащій (I. Кор. XIII. 1). Имъ обычно говорятъ: врачу, исцѣлись самъ. Не то былъ Кронштадтскій праведникъ: онъ, можно сказать, не столько говорилъ, сколько дѣлалъ, онъ училъ высотою своей личности пастырской, онъ, по слову Апостола, дѣйствительно былъ образцомъ

для вѣрныхъ въ словѣ, въ житіи, въ любви, въ духѣ, въ вѣрѣ, въ чистотѣ (I. Тим. IV, 12). А кто сотворитъ и научитъ, тотъ великимъ наречется въ царствѣ небесномъ (Мѳ. V, 19), великимъ, цѣльнымъ человѣкомъ, у котораго слово и дѣло не расходится; добрымъ и вѣрнымъ рабомъ въ маломъ, котораго Господь имѣетъ надъ многими поставить, которому еще и еще дастся и пріумножится (Мѳ. XXV, 21, 29). Вотъ, въ этомъ законѣ духовно-небесной жизни, по которому всякому имѣющему дастся и пріумножится, и заключается разгадка чистой и праведной личности о. Іоанна и его высокое значеніе въ обществѣ, какъ соли земли, какъ мирового свѣтильника.

Поймите добрые люди, и вы этотъ законъ духовной жизни и поставьте себя подъ дѣйствіе сего закона, т. е. будьте первѣе всего вѣрны въ маломъ, а затѣмъ Господь довѣритъ вамъ и многое. Аминь.

Алексій, Епископъ Таврическій.

О. Іоаннъ Кронштадтскій, какъ пастырь и общественный дѣятель.

I.

свѣжей дорогой могилы великаго пастыря, конечно, рановременно дѣлать всесторонюю, глубокую историческую оцѣнку его свѣтлой личности; но уже и въ наше время (въ началѣ XX столѣтія) историкъ русской Церкви, согласно съ общенароднымъ голосомъ, говоритъ о великомъ значеніи въ русской церковной жизни почившаго о Господѣ

20-го декабря 1908 года въ 7 часовъ 40 минутъ утра настоятеля кронштадтскаго Андреевскаго собора, присутствующаго въ Св. Синодѣ, протоіерея Іоанна Ильича Сергіева.

О. Іоаннъ Кронштадтскій былъ замѣчательнѣйшимъ пастыремъ русской Церкви, яркимъ свѣтильникомъ ея, великимъ молитвенникомъ, избраннымъ сосудомъ благодати Божіей.

Кого имѣлъ въ лицѣ почившаго пастыря, отца Іоанна Кронштадтскаго православный русскій народъ, видно изъ *отзывовъ печати* о немъ послѣ его кончины.

Не стало молитвенника земли Русской, народнаго утѣшителя и могучаго столпа православной вѣры!

Сошелъ въ могилу не только изумительный по своей молитвенной силѣ, по христіанской чистотѣ души пастырь, но угасъ и могучій свѣтильникъ, озарявшій темные умы народа лучами правды, любви и жаркой преданности Всевышнему и Престолу.

Старый и немощный о. Іоаннъ громко и безстрашно осуждалъ безвѣріе, боролся съ растущей на Руси властью дьявола... Старый и немощный, этотъ почившій истинный служитель Церкви несъ любовь, утѣшеніе и надежды тѣмъ, кто искалъ утѣшенія въ своихъ земныхъ тревогахъ.

Умеръ человѣкъ можно сказать единственный по близости къ народному сердцу. Какіе бы великіе наши люди ни умирали,—Достоевскій, Тургеневъ, Чайковскій, Менделѣевъ,—ихъ смерть производитъ впечатлѣніе лишь въ небольшомъ культурномъ слоѣ, совершенно не проникая въ глубины народныя. Гораздо обширнѣе чувствуется смерть замѣчательныхъ полководцевъ Суворова или Скобелева, носителей народнаго героизма, но ихъ имена почти чужды женской

половины населенія. Только «святой» объемлетъ все воображеніе народное, всю любовь, и особенно восторженную любовь наиболѣе любящей половины націи— женщинъ. За эти тридцать лѣтъ ни одинъ человѣкъ въ Россіи не сосредоточивалъ на себѣ такого всеобщаго поклоненія, какъ «кронштадтскій батюшка»... О. Іоаннъ занималъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, психологическій центръ русской народной жизни. Онъ умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ. Преимущество великихъ людей — не умирать душою. Развѣ это не чудо — послѣднее чудо святого священника, что хотя онъ умеръ, но именно теперь и ожилъ предъ всѣми, утвердился навсегда...

Православная Церковь въ лицѣ почившаго понесла великую утрату, тяжесть которой чувствуетъ каждый преданный сынъ Церкви. Угасъ великій свѣтильникъ Церкви, одинъ изъ тѣхъ, которые родятся вѣками. Вся православная вѣрующая Россія глубоко почитала его, какъ *мужа праведнаго*, человѣка не отъ міра сего, вѣрила въ силу его молитвы и предстательства предъ Богомъ.

Популярность отца Іоанна была безпримѣрна. Въ Россіи его знали всѣ: старъ и младъ, православные и инославные, русскіе и инородцы. Знали его и за предѣлами нашего отечества: и въ Западной Европѣ, и въ Америкѣ, и въ Азіи, и въ прочихъ странахъ свѣта. Другого «отца Іоанна» въ наши дни не было. Батюшка «Кронштадтскій» былъ одинъ. Но его не только знали... Его и глубоко любили. Стекались къ нему отовсюду. Кто не могъ видѣть лично, тѣ писали ему, прося его молитвъ, поддержки, совѣта. Стоило ему появиться въ столицѣ, его едва не рвали на части, перевозили изъ дома въ домъ... На улицѣ ему трудно было дойти до своей кареты. Каждый, не разбирая

Великій Праведникъ и Чудотворецъ, дорогой батюшка от. Іоаннъ (Кронштадтскій въ 1908 г., во время лѣтняго пребыванія въ Вауловскомъ скитѣ, Ярославкой губ.

ничего, стремился къ нему, видѣлъ только его. Происходила нерѣдко давка, при чемъ иногда серьезно страдалъ отъ своихъ почитателей и самъ о. Іоаннъ. За каретой его толпа бѣгала, хватаясь руками за колеса, готовая подвергнуться всякаго рода опасности, лишь бы увидѣть дорогое лицо «батюшки» лишь бы услышать его слово, уловить его взоръ... Его фотографическія карточки, иногда грубѣйшія лубочныя изображенія, можно видѣть всюду: и въ городахъ, и въ глухихъ селахъ, и у богачей, и у бѣдняковъ, у русскихъ, у татаръ...

Каковъ же тотъ *путь*, которымъ о. Іоаннъ шелъ почти отъ колыбели до своей кончины, когда имя его, прежде мало извѣстное, стало произноситься съ благоговѣніемъ, съ великимъ уваженіемъ всѣми?

По ученію слова Божія и законоположенію Православной Церкви добрый пастырь своею жизнію и дѣятельностію служитъ, благодатію Божіею, великому дѣлу духовнаго возрожденія людей и руководства ихъ къ духовному совершенству. Христіанство ясно говоритъ, что глубокое и рѣшительное вліяніе на нравственную жизнь ближнихъ возможно лишь, во-1-хъ, въ Церкви, а во-2-хъ, оно доступно лишь для лицъ, получившихъ на то особыя благодатныя, полномочія, т. е. благодать священства. Облагодатствованный въ таинствѣ священства человѣкъ является вполнѣ равнодушнымъ къ себѣ и уже не себя любитъ, по свою паству, какъ Божіе дарованіе, какъ благословенную семью свою и притомъ прежде, чѣмъ увидитъ ее. Своею любовью онъ обнимаетъ не только достойныхъ, но и тѣхъ, которые, какъ недужные, требуютъ врача, не только отдѣльныхъ лицъ, но всѣхъ вообще; на всѣхъ смотритъ, какъ на дѣтей, порученныхъ Отцомъ Небеснымъ водительству его на пути ко спасенію. Отличительныя

черты дара священства: пастырю дается *благодатная, сострадательная любовь къ пастве*, обусловливающая собою способность переживать въ себѣ скорбь борьбы и радость о нравственномъ совершенствованіи своихъ пасомыхъ.

Идеалъ добраго пастыря былъ осуществленъ Кронштадтскимъ «батюшкой» о. Іоанномъ.

Какими началами руководился онъ въ своемъ пастырскомъ служеніи? Живою, пламенною *вѣрою въ Бога* и дѣятельною *любовію къ людямъ*, простиравшеюся до самопожертвованія. Его вѣра не есть лишь дѣло ума. Нѣтъ! она переполняетъ его сердце, объемлетъ все его существо, онъ живетъ ею каждый мигъ, во всякомъ положеніи. Онъ зритъ предъ собою, въ себѣ и въ людяхъ Бога Благого, Милосердаго, спасающаго. Вотъ Онъ подаетъ тебѣ спасающую десницу, наказуетъ тебя и милуетъ, питаетъ, одѣваетъ, животворитъ... Этою вѣрою жилъ, дышалъ, горѣлъ о. Іоаннъ.

На пастырское служеніе онъ смотрѣлъ, какъ на высочайшее служеніе на землѣ, высшее всѣхъ другихъ служеній. Его высокія думы о пастырствѣ не были разсѣяны никакими житейскими невзгодами. Его душа и въ старости пламенѣла такою же ревностью, какою она наполнена была въ великія минуты рукоположенія его во священника. Какія чудныя строки о пастырствѣ мы находимъ въ «Дневникѣ», хотя нѣкоторыя части его писаны о. Іоанномъ въ старости. «Священникъ — ангелъ Господа Вседержителя — пишетъ онъ здѣсь.—Ему, какъ ангелу апокалипсическому, даны *ѳиміамы многи*, да кадитъ предъ престоломъ Божіимъ и предъ ликами Господа и святыхъ и приноситъ Богу молитвы о всѣхъ людяхъ. Его одежды, во время богослуженія, изображаютъ его, какъ ангела Божія. И дѣйствительно, священникъ

долженъ быть, какъ ангелъ: воспарять выше земного, быть выше житейскихъ пристрастій; безпрестанно возвѣщать величіе и славу Божію въ церкви Божіей людямъ Его; возвѣщать волю Его, быть хранителемъ и провозвѣстникомъ вѣчныхъ заповѣдей Божіихъ; долженъ отличаться мужествомъ, неустрашимостью; быть выше всякаго лицепріятія и неправды; долженъ уподобиться ангеламъ по своему постоянному воздержанію, чистотѣ, неусыпному бдѣнію о ввѣренномъ ему отъ Господа залогѣ, — о безсмертныхъ душахъ человѣческихъ».

Высота пастырскаго служенія открывается въ священнодѣйствіяхъ пастыря. «Я предстою престолу Бога Вседержителя, Который ввѣрилъ моей молитвѣ,— пишетъ о. Іоаннъ,—и предстательству царей и царства вселенной, всю вселенную, въ особенности царство Русское и Царя Россіи съ его Домомъ, Его палату и воинство, всю Церковь, всю іерархію, епископство пресвитеровъ, во Христѣ діаконовъ, весь причтъ и людей, всякій городъ и страну, и вѣрою живущихъ въ нихъ; предстою престолу Вседержителя, во власти Коего небо и земля, всѣ стихіи, свѣтъ, воздухъ, огонь, вода, земля и всѣ плоды земные, суша и море, всѣ животныя земныя и водяныя, и Который далъ мнѣ право ходатайствовать предъ Нимъ о благорастворенiи воздуха и объ избавленiи отъ землетрясенія, огня, меча, нашествія иноплеменниковъ и междуусобныя брани, отъ всякихъ бѣдствій, постигающихъ людей за грѣхи. Я стою у Самаго Источника жизни всѣхъ тварей, у Самаго Источника благодати, очищенія и спасенія. Я стою предъ самою неприступною, всеблагою, всепремудрою и всемогущею Державою, предъ Которой преклоняется все живущее — на небѣ и землѣ.

Каковъ же долженъ быть я, поставленный на такой высотѣ, у такой святыни, у такого величія, у такой безпрекладной Державы, у такой Лѣпоты? Истинно я изображаю таинство Христово Херувимовъ: высоко мое служеніе, а я грѣшникъ, страстенъ и немощенъ. Господи! удовли мя Самъ на сіе служеніе...

Великъ и превысокъ санъ священника: онъ предстоитъ ежедневно престолу Божію на землѣ, какъ ангелы на небесахъ; приноситъ Богу благодарственную жертву за всѣхъ святыхъ, ходатайствуетъ о всемъ мірѣ, за всѣхъ живыхъ и умершихъ въ вѣрѣ и надеждѣ воскресенія, совершаетъ небесныя таинства, непрестанно бесѣдуетъ съ Богомъ, какъ довѣренное лицо; славитъ, благодаритъ, умоляетъ Его, приноситъ Ему покаяніе свое и вѣрныхъ, проповѣдуетъ слово Его, обращаетъ заблуждающихся, вразумляетъ, убѣждаетъ, утѣшаетъ, наказуетъ духовно. Священникъ долженъ быть не только святъ, но особенно святъ, какъ человѣкъ Божій, непрестанно бесѣдующій съ Богомъ...

Священникъ — уста всѣхъ, умъ и сердце всѣхъ людей, предстоящихъ и молящихся въ храмѣ; онъ выражаетъ ихъ славословіе, благодареніе, прошенія. Каковы же должны быть эти уста, это сердце, этотъ умъ?..“ (В. М. книга «Два дня въ Кронштадтѣ»).

Такую высоту пастырскаго служенія сознавалъ великій пастырь, о. Іоаннъ. Сердце его горѣло при сознаніи и чувствѣ высокаго пастырскаго дѣла. Обязанности пастыря велики; дѣло его страшно отвѣтственно предъ Богомъ и людьми.

И о. Іоаннъ старался быть пастыремъ ревностнымъ въ служеніи Богу, съ переполненнымъ вѣрою сердцемъ, съ любовью, всецѣло проникавшею собою все существо его. До самопожертвованія пребылъ онъ

Антоній, Архіепископъ Волынскій и Житомирскій.

всю жизнь въ трудахъ, неутомимый, прославленный благотворитель, помогавшій всѣмъ и каждому, прямой, правдивый и простой въ обращеніи. О. Іоаннъ имѣлъ отъ Господа благодатный даръ *творить чудеса* своими молитвами... Молитвы этого исключительнаго въ наши дни пастыря, преданнаго своему дѣлу до самопожертвованія, служившаго Божіи службы въ то время, когда уже лежалъ на смертномъ одрѣ, и этимъ воочію показывавшаго степень власти, какую можетъ имѣть духъ надъ плотію, — пастыря, обладавшаго вѣрою «съ горчичное зерно», — творили чудеса; онъ обладалъ даромъ предвѣдѣнія, способностію прозрѣвать будущее, проникать во внутреннее святилище человѣческой души.

Вотъ онъ входитъ въ комнату больного, сопровождаемый толпой вѣрующихъ въ силу его молитвы людей. Какая-то особая сила исходитъ отъ его личности и заставляетъ окружающихъ испытывать какія-то особыя, мало знакомыя многимъ, для многихъ совершенно новыя чувства. «Уйдите... уйдите, уйдите всѣ!» нервно, отрывисто говоритъ онъ. Всѣ уходятъ, и онъ нѣкоторое время остается наединѣ съ больнымъ. Что онъ говоритъ, никто не знаетъ; но всѣ чувствуютъ, что это — не простое участіе въ страданіи больного: нѣтъ, чувствуется, что это—какой-то особый религіозно-психологическій актъ, анализировать который невозможно. Слѣдствія этой молитвы всѣ видятъ при входѣ въ комнату больного, на лицѣ котораго играетъ улыбка и надежда на помощь Божію свѣтится въ глазахъ. Въ дневникѣ о. Іоанна записаны случаи чудесъ, имъ совершенныхъ. Записи эти отличаются дѣтскимъ чистосердечіемъ. «Я молился объ немъ (нѣкоемъ Василіи), — пишетъ онъ,—Господу, чтобы Онъ исцѣлилъ его. Господи! говорилъ я,—исцѣли раба Твоего отъ болѣзни

его. Достоинъ есть, ему же даси сія, любитъ бо священниковъ Твоихъ и дары своя присылаетъ имъ. Молился и въ церкви у престола Господня за литургіей, во время молитвы: «иже общія сіи и согласныя даровавый намъ молитвы»... и предъ самыми Тайнами. Я молился между прочимъ такъ: Господи! Животе Нашъ! какъ мнѣ помыслить легко объ исцѣленіи, такъ Тебѣ исцѣлить легко всякую болѣзнь; какъ мнѣ помыслить легко о воскресеніи изъ мертвыхъ, такъ Тебѣ легко воскресить всякаго мертвеца. Исцѣли убо раба Твоего Василія отъ лютой его болѣзни и не допусти его умереть, да не предадутся рыданію жена и дѣти его,—и благопослушный Владыка помиловалъ. А то былъ на волосокъ отъ смерти. Слава всемогущему, благости и благопослушеству Твоему, Господи!

Вотъ какъ безхитростно молился праведный батюшка... Предстатель за народъ свой предъ Богомъ совершенно, какъ добросовѣстный слуга, упрашивающій хозяина, дѣйствуетъ доводами чисто практическими и, наконецъ, убѣждаетъ «благопослушливаго» Создателя. Это и есть настоящая вѣра, и иной, вѣроятно, быть не можетъ.

Было совершено о. Іоанномъ много исцѣленій людей, страдавшихъ ужасными недугами, отъ уврачеванія которыхъ предъ тѣмъ отказалась человѣческая медицина. Но чего не сдѣлала послѣдняя, то сотворили молитвы пастыря. Почитателямъ его извѣстно много подобныхъ случаевъ, обезцѣнить которыхъ не въ состояніи никакой скептическій умъ. Не говоримъ уже о томъ, что самъ «батюшка» собственною своею личностью представлялъ великое чудо: необычайная его бодрость, неутомимость, несмотря на сверхчеловѣческую напряженную дѣятельность, его цвѣтущій видъ не старца, а скорѣе — молодого человѣка.., — все это

развѣ не было сплошнымъ чудомъ? И самъ онъ именно такъ и смотрѣлъ на дѣло, объясняя столь необычайныя вещи исключительно дѣйствіемъ божественной благодати, Божіей помощью подаваемою въ св. таинствахъ.

Понятно, почему люди всякихъ возрастовъ, званій и состояній безграничнo любили о. Іоанна и почитали въ лицѣ его человѣка, избраннаго Провидѣніемъ. Такого же мнѣнія о немъ и многія лица другихъ исповѣданій. Напримѣръ, извѣстный миссіонеръ американецъ Истонъ пишетъ: *„О. Іоанномъ, видимо, управляетъ Св. Духъ. Все, что онъ дѣлаетъ, есть явное доказательство помощи Бога“*. А знаменитый мюнхенскій хирургъ, профессоръ Пусбаумъ, бывшій всю жизнь ревностнымъ католикомъ, когда ему на смертномъ одрѣ разсказали про православнаго кронштадтскаго пастыря, то у него глаза загорѣлись юношескимъ огнемъ, и онъ воскликнулъ восхищеннымъ голосомъ: *„Да это настоящій святой“*! Всю обаятельную силу личности о. Іоанна прекрасно понимали и враги Россіи и святой православной вѣры и Церкви. Недаромъ поэтому въ дни самаго разгара нашего «освободительнаго» движенія революціонная печать постаралась всѣми силами уничтожить это обаяніе. Сколько тогда самыхъ грязныхъ клеветъ полилось на голову о. Іоанна, какихъ только небылицъ не сочинено было про него, но онъ все вынесъ съ поразительною кротостью и терпѣніемъ. И та безпримѣрная толпа простого русскаго народа, которая шла за его гробомъ, ясно показала, что глубокая народная душа чувствовала правду жизни великаго пастыря и не повѣрила лжи и клеветѣ.

Надо-ли говорить *о духовно-нравственныхъ сочиненіяхъ о. Іоанна?* Слѣдуетъ-ли перечислять эти про-

изведенія. принадлежащія его мѣткому перу, свидѣтельствующія о томъ, какъ онъ ясно и глубоко понималъ всѣ новѣйшія вѣянія въ области литературы, науки, церковно-общественной жизни? Кто изъ насъ не слышалъ или не читалъ дивныхъ проповѣдей о. Іоанна, трогавшихъ и умилявшихъ, какъ вдохновенныя слова пророка, самыя закоренѣлыя и ожесточенныя сердца.

Свято, самоотверженно, съ евангельскою любовію къ людямъ исполнялъ о. Іоаннъ долгъ пастыря... Вѣримъ и надѣемся, что онъ будетъ теперь вѣчнымъ молитвенникомъ за землю Русскую предъ престоломъ Всевышняго. Имя его будетъ свѣтить намъ, какъ путеводный свѣтильникъ, во мракѣ земной жизни.

Сіяй же намъ звѣздою путеводной
И насъ, о пастырь нашъ, съ неправаго пути,
Изъ тьмы сомнѣнья безысходной
На путь добра, на подвигъ благородный
Молитвою своею обрати! *(О. Чумина).*

Протоіерей **Петръ Альбицкій.**

Преосвященный Никаноръ.

Народный пастырь.

ИЧНОСТЬ отца Іоанна Ильича Сергіева (Кронштадтскаго), окруженная нынѣ теплыми заупокойными и поминальными молитвами всей молящейся, вѣрующей, святой Руси, является одною изъ самыхъ достопамятныхъ въ русской церковной исторіи XIX вѣка. Отецъ Іоаннъ—скромный священникъ, добрый пастырь, благочестивый служитель алтаря Христова. Онъ былъ дѣтски простъ, благоправенъ до святости и всею силою души своей вѣровалъ «въ Христа и церковь» (Ефес. 5, 32). Между отцомъ Іоанномъ и многими сотнями и тысячами вѣрующихъ протянулись какія-то незримыя, духовныя нити. Вокругъ отца Іоанна стала слагаться, сближаться съ нимъ церковь право вѣрующихъ и уповающихъ на милость Божію (Пс. 32, 18),—церковь «ищущихъ Господа, ищущихъ Лице Бога Іаковля» (Пс. 23. 6).

Весь русскій православный народъ чтилъ отца Іоанна, какъ праведника, вѣрилъ въ его молитвы и предстательство предъ Богомъ. Его знали даже въ самыхъ глухихъ уголкахъ нашей родины, знали люди всѣхъ званій и состояній, и для всѣхъ ихъ онъ былъ свѣточемъ вѣры и жизни. Тысячи людей не предпринимали ничего важнаго безъ его благословенія и безъ мысли, одобритъ ли это «дорогой батюшка отецъ Іоаннъ Кронштадтскій» (см. свидѣтельство объ этомъ Св. Синода. «Церков. Вѣд.» 1909 г., № 3, стр. 14). Отовсюду люди несли къ нему свои скорби и слезы, свои страданія и сомнѣнія, прося его совѣта, поддержки, наставленія, — и его доброе

сердце, окрыленная душа были открыты для всѣхъ. Никому не было тѣсно въ его любви. И православные, и лютеране и католики, даже магометане и евреи— всѣ были обласканы и ободрены благоувѣтливымъ отцомъ Іоанномъ Кронштадтскимъ.

И вотъ отецъ Іоаннъ явился предъ нами народнымъ священникомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. великимъ народнымъ старцемъ, кормителемъ и отцемъ духовнымъ, «не сребролюбія мірови сокровища снискавшимъ, но высоту намъ смиренномудрія показавшимъ». Всѣ дни его долголѣтней жизни, очищенной неустанными трудами и молитвенными бдѣніями, протекли предъ лицомъ народной толпы, среди великаго шума и молитвы людской, среди огромнаго народнаго стеченія на улицахъ, площадяхъ и въ частныхъ домахъ. О, намъ приснопамятны эти несмѣтныя массы богомудраго народа, угнетавшія отца Іоанна! Онъ едва спасался отъ нихъ. «Я видно умру въ народѣ»,—говаривалъ отецъ Іоаннъ, чувствуя эту невообразимую давку вокругъ себя.

Что же привлекло людей къ отцу Іоанну? Гдѣ тайна обаянія его личности, восхищенія и изумленія народнаго движенія, образовавшагося вокругъ отца Іоанна?

Отцу Іоанну дарована была великая сила христіанскаго духа — даръ помогающей и усцѣляющей молитвы. Отъ небесъ пріялъ онъ Божественную благодать этой молитвы и ею научалъ всѣхъ поклоняться въ Троицѣ славимому единому Богу-Человѣколюбцу. Пусть иной любитель чистоты оспариваетъ преимущество у отца Іоанна, но невозможно было состязаться съ нимъ въ молитвенной ревности. Онъ умѣлъ молиться, какъ никто другой. Онъ воодушевлялъ всѣхъ своей огненной молитвой. Это было великое служеніе

церкви Божіей. Оно дается избраннымъ, отверзающимъ двери жизни.

Вотъ это-то присутствіе въ отцѣ Іоаннѣ этаго всѣми осязаемаго и очевиднаго для всѣхъ дара свыше, сверхъ обыкновенной человѣческой мѣры, и подняло вокругъ него неописуемое волненіе въ церкви богочтителей. Люди потянулись къ отцу Іоанну, какъ къ пламенному молитвеннику, какъ къ современному Иліи пророку (Іаков. 5, 18), пошли на его непреоборимую молитву, пошли молиться вмѣстѣ съ отцомъ Іоанномъ. Они пошли къ нему не за помощью только себѣ и другимъ и не по слабости своей, но потянулись къ нему невольно, всѣмъ своимъ существомъ, всѣмъ умомъ своимъ, какъ къ живому свидѣтелю и таинику благодати «возсіявшей, якоже свѣтлость огня», какъ къ избранному сосуду небесныхъ силъ, какъ къ громко-звучному вѣстнику, что «небо отверсто, и ангелы Божіи восходятъ и нисходятъ къ Сыну человѣческому» (Іоан. 1, 51), дивному во святыхъ Своихъ, въ праведникахъ Своихъ.

Всѣ вѣровали въ отца Іоанна, безусловно вѣровали въ его свободно-дерзновенную молитву, и творились чудеса; являлось Божественное въ жизни, въ теченіе нашей исторіи. «По вѣрѣ вашей будетъ вамъ» (Мат. 9, 29), сказалъ Господь Спаситель всѣмъ людямъ. «Истинно говорю вамъ: если вы будете имѣть вѣру въ горчичное зерно, и скажете горѣ сей: перейди отъ сюда туда; и она перейдетъ, и ничего не будетъ невозможнаго для васъ» (Матѳ. 17, 20). Все возможно вѣрующему.

Молитва «въ воню благоухапія духовнаго» есть путь къ Богу и священнодѣйствіе вѣры, а исцѣленіе духовное и тѣлесно есть первое чудо вѣры (Іак. 5, 15). И вотъ отецъ Іоаннъ, какъ вѣрующій священникъ

церкви, въ молитвѣ своей являлся предъ нами свидѣтелемъ исцѣляющей вѣры, изъявителемъ истины религіи, и не религіи вообще, а именно нашей, русской, православной. Онъ предъ всѣми «доказалъ религію», спасительность христіанства, оправдалъ святость вѣры, удостовѣрилъ чудотворность молитвъ церкви православной — тѣмъ, что самъ молился, и другіе съ нимъ молились, всѣ молились, — и небеса преклонялись къ землѣ, и исцѣленіе наступало, и Господь воздвигалъ болящихъ руками отца Іоанна. «Много можетъ сдѣлать, — говоритъ апостолъ Іаковъ, братъ Господень, — усиленная молитва праведнаго» (5, 16).

Помощь, милосердіе, чудеса вѣры и любви, цѣломудріе—вотъ приснотекущія «дѣла благочестія» отца Іоанна Кронштадтскаго. Но онъ есть прежде всего кормчій увѣрованія въ творящаго и спасающаго Бога, Свободителя душъ нашихъ. Онъ воскресилъ въ наши смутные дни, дни болѣзненнаго переутомленія, душевнаго унынія и тяжкаго безвѣрія, воскресилъ чудесность православно-церковной вѣры, благоуспѣшность во всемъ тайно дѣйственной молитвы. Въ немъ просіяла свѣтозарность образа Божія, одушевляющаго человѣка, одухотворилось «Богопознаніе и самопознаніе» человѣческой личности. Онъ поднялъ великую волну искренней религіозности и молитвенности въ нашемъ народѣ и въ маловѣрующемъ интеллигентномъ обществѣ, — и не скоро она уляжется. И подай, Господи, чтобы она все больше и больше воздымалась и все превозмогала на своемъ небопественномъ пути!

И вотъ, братіе, отецъ Іоаннъ стоитъ предъ нами, какъ свѣтлое чудо, какъ ангелъ хранитель, и какъ «великое знаменіе» нашего времени и грядущихъ

Великій Чудотворецъ, о. Іоаннъ Кронштадтскій.

вѣковъ. Въ немъ, въ этомъ смиренномъ, кроткомъ и праведномъ священникѣ русской церкви, стяжавшемъ предъ Богомъ даръ пророческаго предвѣденія и молитвенной силы, встрѣтилось благоволеніе Божіе (Лук. 2, 14) и великое горе людское, мірское, «милости Божіей и помощи требующее»,—и милосердіе Божіе обильно изливалось чрезъ него на страждущихъ и обремененныхъ,—а они были всюду, и въ роскошныхъ хоромахъ, и въ бѣдныхъ хижинахъ. И вотъ мы видимъ отца Іоанна Кронштадтскаго всюду, и въ царскихъ дворцахъ, и въ «Петербургскихъ трущобахъ», и въ пышныхъ чертогахъ и убогихъ лачугахъ, въ холодныхъ и сырыхъ подвалахъ,—и всѣмъ онъ именемъ Сладчайшаго и Всещедраго Іисуса несъ ослабу, прощеніе, отраду, примиреніе, успокоеніе.

Безъ сомнѣнія, въ скоромъ времени будутъ собраны всѣ эти многочисленные факты чудеснаго дара «молитвы вѣры» (Іаков. 5, 15), такъ ярко проявившіеся въ лицѣ отца Іоанна Кронштадтскаго. Соберутъ ихъ и благоговѣйное почитаніе отца Іоанна и любовь науки, все испытующей, все изучающей. Но мы можемъ и теперь сказать съ увѣренностью, что необыкновенный «фактъ жизни» отца Іоанна Кронштадтскаго, восхищеннаго отъ насъ въ пренебесный кругъ, останется навсегда великимъ, лучезарнымъ, умиляющимъ, восторгающимъ.

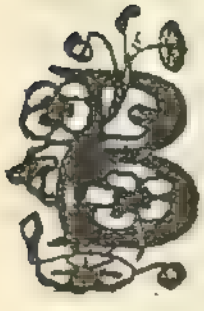
«Свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его». (Іоан. 1, 5). Имя отца Іоанна, живущаго въ этомъ Свѣтѣ, горѣвшаго въ Немъ, великославно и праведно въ сонмѣ благочестивыхъ. Христоносная душа его свѣтла и чиста предъ Богомъ святымъ. Прензящный ликъ отца Іоанна окруженъ ореоломъ святости и духовной красоты. Это—златозарная звѣзда вѣры на церковномъ небосклонѣ, живой образецъ великаго слу-

женія Богу и ближнимъ, евангельской доброты и «жизни во Христѣ». Это—твердое укрѣпленіе и правило непорочнаго священства. Это предивный въ наши дни молитвенникъ и предстатель въ ликостояніи небожителей и усопшихъ праведниковъ за всю Русь молящуюся, вѣрующую и святую, и въ этой молитвенности и святости евангельски праведную и великую, богоносную, богорадованную.

Да будетъ же честная память многочуднаго отца Іоанна Кронштадтскаго съ похвалами! Да будетъ же его вселюбимое и всесвѣтлое имя присноцвѣтущимъ въ благодатныхъ молитвахъ нашей міроискупляющей церкви! Аминь.

Прив.-доцентъ харьк. унив.
священникъ Іоаннъ **Филевскій.**

Всероссійскій пастырь.



Въ приснопамятный день—20 декабря 1908 года,—въ день празднованія св. Церковію памяти св. Игнатія Богоносца и въ первый день церковнаго предпразднества Рождества Христова,—отошелъ ко Господу великій Богоносецъ, всю жизнь отдавшій служенію Богу, явившемуся во плоти нашего ради спасенія, великій свѣтильникъ земли Русской, протоіерей Кронштадтскаго Андреевскаго собора отецъ Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ. Глубокая захватывающая скорбь объ этой невознаградимой потерѣ несется по всему лицу православной земли нашей—отъ Царскаго трона и дворца до послѣдней лачуги бѣдняка, отъ священнаго собора

іерарховъ до каждаго отдѣльнаго міряннна въ Церкви. Вся православная Россія нынѣ являетъ единую сплоченную незримыми связями, сильно, единодушно оплакивающую въ Бозѣ почившаго отца и благодѣтеля своего.

Гдѣ-же тайна столь исключительно-всеобщей привязанности русскихъ православныхъ людей къ смиренному пастырю Церкви, гдѣ причина всероссійской, и даже европейской, извѣстности скромнаго русскаго священника? Конечно, не въ сообразованіи почившаго вѣку сему, не въ служеніи и угодничествѣ духу времени, не въ потворствѣ человѣческимъ слабостямъ: онъ чуждъ былъ всякой тѣни человѣкоугодничества и могъ бы сказать о себѣ словами Апостола: *аще быхъ еще человѣкомъ угождалъ, Христовъ дабъ не быхъ убо былъ* (Гал. 1, 10). Онъ, напротивъ, былъ суровымъ и рѣзкимъ обличителемъ всякаго отступничества отъ вѣры правды и истины.

Нѣтъ, тайна вліянія отца Іоанна на народъ заключается въ его живой и дѣятельной вѣрѣ въ Христа Спасителя и Его ученіе, въ полномъ проникновеніи этимъ ученіемъ всего его существа, всей его жизни и дѣятельности. Вѣра Христова была родною стихіею его духа, и ею онъ жилъ во всякое мгновеніе своей жизни. Изъ этого безконечно глубокаго кладезя почерпалъ онъ и небесный даръ молитвы и силы для несенія непомѣрныхъ трудовъ своихъ, и свою удивительную по силѣ и объему любовь къ людямъ, и даръ врачеванія тѣлесныхъ и душевныхъ недуговъ человѣческихъ. Онъ опять съ апостоломъ Павломъ могъ бы сказать о себѣ: *живу не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II, 20). Христосъ жилъ, обиталъ въ немъ не какъ отвлеченное начало, какъ совокупность истинъ вѣры и пра-

вилъ нравственности, а какъ живая Личность, какъ присноживущій Богочеловѣкъ, давшій обѣтованіе вселяться и обитать въ душахъ любящихъ Его и отверзающихъ Ему двери сердца своего (Іоан. XIV, 21, 23. Апок. III, 20). Отецъ Іоаннъ какъ бы потерялъ свое личное бытіе, свою душу, какъ бы пересталъ жить отдѣльною личною жизнью, его душа вся погрузилась въ духъ Христовъ, его жизнь, по собственнымъ словамъ его, сдѣлалась жизнью во Христѣ. Въ его жизни не оказывалось минуты, когда можно было служить кому-либо или чему-либо, кромѣ Христа и братій во Христѣ. Это воистину была жизнь праведника, какъ нынѣ, къ общему утѣшенію и назиданію засвидѣтельствовано это и съ высоты Престола.

Подлинно, жизнь его была сплошнымъ «хожденіемъ предъ Богомъ», вся проходила предъ лицомъ Божіимъ. Вѣрою въ Бога, Милосерднаго, Благого, Промыслителя, Спасителя, Освятителя, горѣла его душа во всякое время, но особенно во время молитвы и богослуженія, и болѣе всего при совершеніи «міроспасительной литургіи» чистая душа его разгоралась божественнымъ пламенемъ вѣры, любви и молитвы. «Божественная служба—пишетъ онъ въ своемъ «Дневникѣ» —для меня есть безцѣнное и величайшее благо въ жизни; въ богослуженіи вся жизнь нашей души, все ея сокровище, тутъ ея родина, ея воспитаніе, врачеваніе, ея пища и питаніе, ея сила и слава, ея святыня и жизнь». «Литургія Божественная—какое дивное таинство! Это—предвкушеніе будущаго блаженства, это—тайна небесная, Ангеламъ непостижимая, зрѣлище безконечной любви, премудрости, всемогущества, святости и обновленія существа человѣческаго, ощущеніе безконечной сладости, красоты

Епископъ Сергій, Финляндскій и Выборгскій.

и блаженства». И по свидѣтельству очевидцевъ и сослужителей, въ совершеніи литургіи о. Іоаннъ являлся по истинѣ серафимомъ, пламенѣющимъ вѣрою и духовнымъ блаженствомъ Богообщенія, здѣсь онъ какъ бы тѣлесными очами зрѣлъ Бога Воплотившагося, Распятаго и Воскресшаго за спасеніе наше,—причащался Его Божественнаго Тѣла и Крови какъ бы изъ самыхъ рукъ Господа, приносящаго и приносимаго, пріемлющаго и раздаваемаго.

Легко понять, какой неизмѣримый запасъ духовной нравственной силы черпалъ о. Іоаннъ изъ сего Божественнаго источника; сила Божія во-очію совершалось въ немощи его, когда престарѣлый старецъ могъ выстаивать по 3—4 часа, причащая тысячи людей. Съ этимъ же запасомъ духовно-чудодѣйственной силы о. Іоаннъ шелъ затѣмъ въ міръ, въ юдоль плача и скорби. Дадимъ и здѣсь слово самому отцу Іоанну: «Благодарю Тебя, Господи, яко даруешь мнѣ новую жизнь каждый разъ, когда я со слезами покаянія и благодаренія совершаю Божественную литургію и причащаюсь пречистыхъ и животворящихъ тайнъ Твоихъ. Твоимъ святымъ Тайнамъ я обязанъ доселѣ продолженіемъ бытія моего, непорочностію путей моихъ и доброю славою въ людяхъ». Понятно теперь и то, почему такъ много врачеваній немощей человѣческихъ совершилось по его молитвамъ: *много можетъ молитва праведнаго поспѣшествуема* (Іак. V, 16). Сколько людей было поднято его молитвою даже отъ одра смертнаго! Сколько погибшихъ нравственно извлечено по молитвѣ и вразумленію его изъ бездны грѣха и погибели! Слава его, какъ великаго молитвенника, пронеслась и далеко за предѣлами Россіи. «Вездѣ (говоритъ онъ) меня прославило Твое имя, Господи: и у трона царей, и у всѣхъ важ-

ныхъ и сильныхъ міра сего, и у богатыхъ, и небогатыхъ, образованныхъ и простыхъ людей... влечетъ всѣхъ ко мнѣ, убогому, благодать Твоя, во мнѣ живущая и пребывающая чрезъ частое причащеніе Святыхъ Таинъ Твоихъ, Тѣла и Крови Твоея». Пламенная любовь къ Богу у о. Іоанна нераздѣльно соединялась съ горячею любовію къ людямъ—своимъ присным и чужимъ, ближнимъ и дальнимъ, а особенно къ душевно и тѣлесно страждущимъ всякаго рода. Отсюда его широкая, прямо безграничная благотворительность. Много, безмѣрно много благотворилъ онъ лично и непосредственно, благотворилъ безъ холодной разборчивости между просителями, идя на встрѣчу всякой непокрытой бѣдности и нуждѣ, подавая всякому требующему дневнаго пропитанія, необходимой одежды и поддержки. Но съ тѣмъ вмѣстѣ отдавалъ преимущество строго упорядоченной общественной благотворительности, основанной на разумныхъ и нравственныхъ началахъ. Созданный имъ въ Кронштадтѣ домѣ трудолюбія остается краснорѣчивѣйшимъ памятникомъ его задушевныхъ думъ, его неустанныхъ заботъ о бѣднякахъ, о направленіи ихъ на путь добра путемъ разумнаго труда и порядочности. А кто исчислитъ жертвы о. Іоанна по всей Россіи на устройство или поддержку св. храмовъ, школъ, благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій? Самые глухіе уголки Россіи въ этомъ отношеніи не отставали отъ крупныхъ горододовъ.

Такое «явленіе духа и силы» (I Кор. II, 4) въ лицѣ о. Іоанна—вотъ разгадка его вліянія при жизни, его неумирающей памяти по смерти. Какъ истинный пастырь, отецъ Іоаннъ былъ носителемъ и выразителемъ той жизни духовной, тѣхъ чистыхъ и возвы-

шенныхъ чаяній и стремленій, какія должны быть присущи всѣмъ безъ изъятія христіанамъ. Знаменитое сочиненіе его—«Моя жизнь во Христѣ» должна быть настольною книгою всякаго христіанина. Исполненный духа и силы, онъ былъ общепризнаннымъ вождемъ цѣлаго народа, былъ духовнымъ маякомъ, разливавшимъ лучи духовно-нравственнаго свѣта среди надлежащей тьмы. Это былъ воистинну, «градъ верху горы стоя» (Матѳ. V, 14). это былъ какъ-бы ангелъ-хранитель народа русскаго,—и дивно-ли, что люди всѣхъ званій и состояній, видя въ лицѣ своего пастыря безкорыстное, чистое служеніе завѣтамъ Христа, стремились всѣмъ существомъ къ глашатаю вѣчной истины? Подлинно, какъ говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, «человѣкъ, воодушевленный святою ревностію, можетъ исправить цѣлый народъ».

Нынѣ, по волѣ Всемогущаго Бога, о. Іоаннъ взятъ отъ среды живущихъ и предстоитъ престолу вѣчной, немерцающей славы Господа. Всенародная скорбь наша о немъ, такъ понятная и естественная, да умѣрится отраднымъ упованіемъ вѣры, что теперь молитва его за всѣхъ людей, а наипаче присныхъ ему, по вѣрѣ и крови отнынѣ становится сильнѣе и дѣйственнѣе; что любовь его къ намъ, какъ истинная любовь Христова, *николиже отпадаетъ* (I. Кор. XIII, 8), что, по чаянію любви нашей, Преблагій Господь не возбранитъ намъ возносить наши моленія не только *объ* отцѣ Іоаннѣ, но, быть можетъ, со временемъ и *къ* отцу Іоанну.

О, если бы всѣ мы, чада Церкви Россійской, дѣти великаго народа Русскаго, прониклись священными завѣтами о. Іоанна! Онъ былъ полезнѣйшій членъ общества, образцовый вѣрноподданный своего Государя, истинный сынъ своей родины, высоко цѣнившій исто-

рическіе святыни и устои своего народа; и вся его дѣятельность носила чисто-русскій народный отпечатокъ. Но, прежде и болѣе всего, онъ былъ истиннымъ христіаниномъ, и это теперь въ особенности драгоцѣнно для него, нынѣ предстоящаго суду Божію, и для насъ молящихся объ упокоеніи его духа въ селеніяхъ святыхъ. Выслушаемъ же завѣтъ почившаго пастыря-праведника: будьте христіанами не по имени только, а во всей, богъ изъятія, жизни и дѣятельности вашей; блюдите и усовершайте вашу жизнь во Христѣ, и по любви къ Богу и ближнимъ трудитесь всю жизнь на пользу общую.

Вѣчная тебѣ память, достоблаженный и присно-памятный наставникъ и отецъ нашъ! Молись за всѣхъ насъ и *тамъ*, какъ неустанно молился ты *здѣсь*.

Священникъ А. Глаголевъ.
профессоръ Кіевской Дух. Академіи.

Великій пастырь.

„Да будетъ духъ, иже въ тебѣ, сугубъ во мнѣ“...
(4, Царствъ 2, 9).

ВѢМЪ вамъ, братіе, хорошо извѣстно,—когда, кѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ произнесены были эти знаменательныя слова. Какъ благовременно, казалось-бы, повторить эту дивную пророческую мольбу въ настоящія минуты нашего молитвеннаго церковнаго предстоянія, какъ удивительно подходитъ она къ тому рѣдкому случаю, который собралъ насъ всѣхъ сюда и духовно объ-

Высокопреосвященный Владыко, Архіепископъ Томскій и Барнаульскій, Макарій.

единилъ сегодня подъ священною сѣнью этаго благолѣпнаго храма! Сорокъ дней протекло съ той печальной минуты, какъ изволеніемъ Промысла Божія порвалась послѣдняя драгоцѣнная нить земной жизни любимца народнаго, высокочтимѣйшаго Кронштадтскаго пастыря о. Іоанна Ильича Сергіева, сорокъ дней,—какъ отлетѣла въ міръ покоя, къ Престолу Царя Царей, кристально-чистая, свѣтлая, праведная душа великаго избранника Божія -«въ духѣ и силѣ Иліиной», ревнителя чести и славы имени Божія. Велика и неутѣшна скорбь всей православно-религіозной русской семьи, печалью разбиты сердца десятковъ тысячъ людей, видѣвшихъ «въ батюшкѣ» дивное преображеніе силы Божіей, прибѣгавшихъ къ нему и въ «лихую годину» народной жизни и въ печальныя или радостныя минуты своего частнаго существованія. Чувство какой то сугубой оставленности, покинутости, духовной оспротѣлости, жгучее сознаніе невозградимой утраты камнемъ тяжелымъ давитъ въ груди... Не стало того, кто былъ и оставался для множества лицъ путеводной звѣздой въ теченіе болѣе, чѣмъ полвѣка, кто безъ рекламы, безъ пропаганды, безъ всякихъ лживыхъ и косвенныхъ средствъ завоевалъ себѣ прочныя симпатіи вездѣ и всюду,—отъ царскихъ палатъ и до послѣдней убогой лачуги. Умеръ, оставилъ насъ сирыми подлинный властитель духа сотенъ и тысячъ людей, умѣвшій приближаться къ душѣ простого русскаго человѣка и смѣло, увѣренно, плодотворно шедшій на встрѣчу человѣческому страданію. Скошенъ безжалостнымъ серпомъ смерти «великій человѣкъ нашихъ дней», къ слову котораго привыкли прислушиваться люди самаго разнообразнаго состоянія, духовно объединявшій въ себѣ знатныхъ и незнатныхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, ученыхъ и неученыхъ, аристо-

кратовъ и простецовъ. Сошелъ въ сырую могилу носитель великаго христіанскаго духа, разгонявшій душевный мракъ «несчастныхъ и падшихъ» путниковъ жизни, заблудшихся среди бѣла дня и потерявшихъ пониманіе окружающаго. Отошелъ въ вѣчность дерзновенный драгоцѣнный молитвенникъ, пламенѣвшій, какъ серафимъ, у Престола Божія.

Угасъ богоизбранный пастырь, стяжавшій себѣ право на историческое безсмертіе; не стало могучаго возбудителя совѣсти народа, его религіозныхъ стремленій, лучшихъ думъ, чувствъ и надеждъ, не стало живого носителя и проповѣдника идеаловъ жизни, не стало общаго молитвенника, цѣлителя, общаго совѣтника, общаго «отца-батюшки». Мы лишаемся одного изъ твердыхъ духовныхъ отцевъ и наставниковъ, лишаемся непоколебимаго адаманта вѣры, нравственности и православно-русскаго здравомыслія, свѣточа русскаго православія.

И намъ *слишкомъ мало*, поэтому склониться только въ чувствѣ глубокаго умиленія предъ дивной красотой недюжинной личности пастыря Божія, предъ всѣмъ необъятнымъ величіемъ его духовнаго подвига, мало заплакать слезами канувшей въ вѣчность возможности живого непосредственнаго общенія съ нимъ. Нѣтъ, намъ нужно сдѣлать гораздо больше. Нужно здѣсь, теперь-же, постоянно воскрешать въ себѣ, претворять въ себя, дивный образъ почившаго, нужно дать обѣщаніе постоянно помнить нелицемѣрную твердость и цѣльность его христіанскаго исповѣданія, въ которомъ не было никакихъ отступленій и уклоненій въ сторону, которое не льстило пороку, не облекало въ красивые наряды лжи, не раздражало дурныхъ инстинктовъ толпы. Нужно всесторонне изслѣдовать и освѣтить всѣ сохранившіяся свѣдѣнія о жизни и дѣятельности

великаго пастыря, научно разобраться въ оставленныхъ имъ вѣковѣчныхъ памятникахъ его жизни, его усердія и трудовъ, въ богатомъ глубокомъ наслѣдіи его великаго, апостольски-миссіонерскаго духа, который не зналъ своей личной жизни и въ стремительномъ порывѣ любви и состраданія хотѣлъ обнять всѣхъ людей, всю вселенную, очищая всѣхъ молитвеннымъ пламенемъ, вознести къ престолу Христа. Пусть во весь ростъ встанетъ предъ людьми этотъ величавый отецъ народа, выслушавшій покаяніе милліоновъ людей, находившійся у постели тысячъ больныхъ и умирающихъ, успокоившій многія множества труждающихся и обремененныхъ,—печальникъ скорбящихъ, другъ и покровитель дѣтей, кормитель сирыхъ и бѣдныхъ, врачъ больныхъ, учитель заблуждающихся, этотъ настоящій пастырь Христовъ. Пусть станетъ ясно для насъ, гдѣ, въ чемъ заключается тайна обаянія этой великой личности, почему не вліяла на него пресловутая «среда», въ чемъ секретъ его жизни.

Не скоро, разумѣется, будетъ подведенъ итогъ и сдѣлано заключеніе ко всей, нынѣ исторической, жизни и дѣятельности почившаго великаго пастыря, какъ подвергнуть анализу сокровеннѣйшіе тайники души человѣческой, полные загадочныхъ и таинственныхъ силъ. Но и теперь, кажется, можно сказать, что основнымъ чувствомъ души почившаго, сообщавшимъ настроеніе его духу и опредѣлявшимъ его дѣла, слова, помышленія, была живая вѣра въ Христа Спасителя и Его ученіе, полное благоговѣйное проникновеніе этимъ ученіемъ, ставшимъ его родною и вѣчной стихіей, а не мертвою формулою, буквою, не простымъ и холоднымъ знаніемъ только, какъ у множества современныхъ людей. «Изъ этаго безконечно-глубокаго источ-

ника онъ почерпалъ и свою удивительную любовь ко всѣмъ людямъ, и даръ молитвы, и даръ врачеванія разныхъ недуговъ. О. Іоаннъ могъ сказать вмѣстѣ съ апостоломъ, что «уже не онъ живетъ, но живетъ въ немъ Христосъ», живетъ не какъ отвлеченное начало, не какъ сумма извѣстныхъ правилъ, не какъ простое историческое воспоминаніе, а какъ живая личность, какъ Богочеловѣкъ - Христосъ. Онъ какъ бы утратилъ свое индивидуальное бытіе, свою душу. Его душа какъ бы погрузилась въ духъ Христа и перестала существовать отдѣльно. Весь міръ видимыхъ и невидимыхъ явленій для него распался на два отдѣла: міръ Христа и міръ антихриста, міръ добра и зла. Въ его жизни не стало ни одной минуты, когда бы можно было служить кому-либо другому, кромѣ Христа. Вся его жизнь проходитъ предъ лицемъ Бога. Все для Бога и въ Богѣ, ничего — безъ Бога и не для Бога» (Еп. Евдокимъ). Здѣсь мы выносимъ новые для себя уроки, которые слѣдуетъ твердо помнить вмѣстѣ всѣмъ служителямъ возрожденія. Не говоритъ ли, въ самомъ дѣлѣ, почившій всѣмъ цѣлокупнымъ подвигомъ своей жизни, что возрожденіе отпадшихъ, раскаяніе грѣшныхъ, умягченіе злыхъ сердецъ, смиреніе гордыхъ душъ, однимъ словомъ, то чудное измѣненіе человѣка, раскрытіе его внутренней красоты, свидѣтелями которой бываютъ пастыри - проповѣдники, достигается не иначе, какъ путемъ самораспятія, отреченія, умиранія для своей личности отъединенной жизни? Насколько въ ежечасныхъ страданіяхъ измученнаго скорбящаго сердца вымираетъ естественная жизнь проповѣдника или пастыря, настолько лишь насаждается жизнь духовная въ паствѣ, во исполненіе словъ Христовыхъ: «егда вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ». «Міръ,—говоритъ одинъ глубокій

Епископъ Никонъ Вологодскій и Тотемскій.

мыслитель, не будетъ привлеченъ ко кресту, но онъ будетъ привлеченъ къ распятію. Картина страшнаго распинанія, представленная въ пламенныхъ словахъ священнослужителя, всегда будетъ сильна для воздѣйствія и обращенія массы». Не учитъ ли насъ, съ другой стороны, почившій пастырь Кронштадтскій, что наша собственная богословская работа, наши успѣхи въ постиженіи христіанской истины болѣе всего зависятъ отъ силы *личнаго* нашего проникновенія духомъ Христовымъ, отъ силы нашего стремленія устроять свою жизнь въ свѣтѣ вѣчности. «Плохъ тотъ богословъ, тотъ пастырь, тотъ проповѣдникъ, который, трактуя о божественномъ мірѣ, ни разу не воспарилъ собственнымъ духомъ къ этому міру, не чувствовалъ на собственномъ существѣ соприкосновенія благодатною силою христіанства, ея проведенія во съ тайнами вѣчности». И вотъ,—предъ нами выростаетъ задача болѣе глубокаго личнаго проникновенія внутреннее существо наше. Вмѣстѣ съ тѣмъ выступаетъ очевидность того, что высшая богословская школа не должна заниматься только теоретической разработкой богословскихъ проблеммъ, но должна являться центромъ, въ которомъ сосредоточивалась бы и била живая мощная струя дѣятельной христіанской жизни, мѣстомъ, въ которое направлялись бы и изъ котораго въ разныя стороны расходились живительныя теченія истинно-христіанской жизнедѣятельности. Христіанская истина о человѣкѣ должна быть выявлена человѣкомъ въ процессѣ его жизни.

Если эти высокія мысли и чувства мы вынесемъ сегодня отсюда съ серьезнымъ намѣреніемъ провести ихъ въ жизнь, это будетъ самымъ лучшимъ неложнымъ свидѣтельствомъ нашего искренняго благоговѣнія и глубокаго преклоненія передъ подвигомъ жизни по-

чившаго. Не слезъ и сожалѣній ждетъ отъ насъ нашъ представившійся учитель жизни,—у такихъ гробовъ и могилъ можно плакать только о живыхъ, но не объ умершемъ; — какъ вѣрный рабъ, свято исполнившій свой урокъ и уже здѣсь на землѣ, въ своихъ подвигахъ религіозныхъ, черпавшій радость духовную отъ истоковъ блаженной и вѣчной жизни, онъ вошелъ, уповаемъ,—въ тихую, желанную, надежную пристань и уже слышитъ блаженный гласъ: «добрый рабе, благій и вѣрный,—вниди въ радость Господа Твоего». Насъ почившій призываетъ не къ слезамъ, а къ подражанію, онъ зоветъ насъ идти тѣмъ-же путемъ, какимъ и онъ прошелъ передъ нами, зоветъ къ неустанному труду на порученномъ поприщѣ, даетъ намъ примѣръ беззавѣтной до самораспятія преданности ниспосланному намъ великому служенію просвѣщенія и обновленія людей свѣтомъ Христовой истины. Запомнимъ-же, возлюбленные братіе, этотъ примѣръ и, укрѣпивъ въ нашихъ сердцахъ готовность подражать ему по мѣрѣ возможности, помолимся усердно, да пошлетъ Господь въ Бозѣ почившему вѣрному и праведному рабу Своему вѣчный покой въ невечернемъ Царствіи, идѣже сіяетъ незаходимый свѣтъ Лица Божія. Вѣчная память и нескончаемое блаженство да будетъ твоимъ удѣломъ, приснопамятный и достоблаженный молитвенникъ и пастырь-учитель русской земли! Духъ твой, ярко сіявшій и въ жизни твоей и славномъ отшествіи твоемъ, да отобразится и въ насъ, скорбно взирающихъ на удаленіе твое въ лучшій міръ,—если и не сугубо, какъ Иліинъ въ Елисеѣ, то хотя по мѣрности нашей. Аминь.

Протоіерей **А. Преображенскій.**

Завѣты о. Іоанна.

СЕГОДНЯ Церковь Христова творитъ память 20,000 христіанъ, сожженныхъ въ храмѣ, въ Никомидіи, во время богослуженія. Это было въ 302 году, въ царствованіе Діоклитіана и Максиміана. Назначенъ былъ опредѣленный день для истребленія христіанъ (языческій праздникъ Терминалій). На самомъ разсвѣтѣ этого дня отрядъ воиновъ окружилъ Никомидійскій храмъ: двери были разломаны, священныя книги сожжены, драгоцѣнности разграблены, и весь храмъ былъ разрушенъ до основанія. Это страшное событіе послужило началомъ самаго ужаснаго гоненія на христіанъ, которое продолжалось десять лѣтъ и окончилось лишь съ воцареніемъ Константина Великаго.

Нынѣ, други мои, христіанскіе храмы пока не жгутъ и не разрушаютъ, хотя грабятъ весьма часто. Нынѣ пока и молящихся христіанъ не сожигаютъ въ храмахъ. Но то, что замышляется и уже дѣлается нынѣ противъ христіанства, далеко опаснѣе всякихъ Никомидійскихъ катастрофъ и разгромовъ. Нынѣ выжигаютъ, вытравляютъ изъ сердецъ человѣческихъ вѣру во Христа, а вмѣстѣ съ нею разрушаютъ и нравственность въ обществѣ. Этимъ гнуснымъ дѣломъ занимаются «борцы за свободу», наши «освободители». Простите, что это поганое слово я произношу здѣсь, въ храмѣ. Дѣло въ томъ, что наши «освободители» хотѣли было сочинить у насъ, въ Россіи, революцію, разумѣется, революцію полную, по программѣ французской. Но... человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Революція, какъ знаете, не удалась. Нашлись,

Богу содѣйствующу, на святой Руси еще люди, которые имѣли и вѣру въ Бога и страхъ Божій. Нашлись люди, для которыхъ клятва, присяга и вѣрность Богу и Царю не были лишь красивыми словами, а оставались священнымъ долгомъ, нравственнымъ обязательствомъ. Вотъ эти-ти добрые люди и спасли землю русскую отъ крамольниковъ-освободителей, спасли отъ революціи. Освободители увидѣли, что для послѣдней время еще не настало, что въ русскомъ христіанскомъ обществѣ есть еще какія-то начала, *удерживающія* его въ предѣлахъ законности, вѣрности и цѣлости (Солун. II, 7); значитъ, съ этими началами и нужно прежде всего бороться, рѣшили «освободители» и уже борьбу начали. Борьба ведется самая отчаянная, адски ожесточенная и хитро задуманная.

Сочинители революціи задумали прежде всего убить въ народѣ русскомъ вѣру въ Бога, вѣру въ Божественное достоинство Іисуса Христа и авторитетъ св. Церкви. Съ этою цѣлью, пользуясь свободою слова и печати самымъ безсовѣстнымъ образомъ, враги наши наводнили книжный рынокъ самыми безбожными и кощунственными изданіями, книгами, брошюрами и картинами. Личность Іисуса Христа, истины христіанства, предметы культа—все подвергается самому безпощадному вышучиванію и осмѣянію. Не такъ давно даже съ думской кафедры одинъ изъ лучшихъ избранниковъ народа выступилъ въ качествѣ кощунника, но во время былъ остановленъ добрыми людьми. Безбожные освободители особенно настаиваютъ на вытравленіи изъ сердца народнаго вѣры въ Божественную личность Господа нашего Іисуса Христа. Извѣстный русскій антихристъ Левъ Толстой не устыдился напечатать кощунственную книжонку про Спасителя даже для дѣтей школьниковъ, очевидно, съ цѣлью выкрасть

изъ дѣтскихъ сердецъ Того, Кто во время Своей жизни земной такъ любилъ и ласкалъ дѣтей за ихъ простую и искреннюю вѣру въ Себя.

Вы понимаете, други мои, къ чему клонится это религіозное обкрадываніе души народной и кому оно нужно. Не трудно догадаться, кому и для чего нужна эта «атеизація» народа. Вѣдь революція можетъ быть разыграна только на почвѣ безбожія. Анархисты и соціалисты прямо и открыто заявляютъ, что для достиженія ихъ преступныхъ цѣлей мѣшаетъ имъ только Христосъ, Котораго русскій народъ отъ купели крещенія носитъ въ своемъ вѣрующемъ сердцѣ, Которымъ живетъ и движется и хранитъ свое мѣсто въ исторіи человѣчества (Дѣян. XVII, 28). Забудетъ народъ Христа, оторвется отъ Его святой и питательной лозы, какъ тотчасъ же начнетъ хирѣть духовно и за тѣмъ засохнетъ (Ев. Іоан. XV, 1—6). Чадъ невѣрія обойметъ его, опьянѣетъ народъ отъ этаго чаду, и тогда... тогда «пьяному море по колѣно», по пословицѣ народной. Тогда можно будетъ сочинить и разыграть всякую революцію. Анархисты и соціалисты тогда будутъ господами положенія, тогда настанетъ «время и власть тьмы» (Лук. XXII, 53).

Но позвольте, чѣмъ же тутъ виноватъ Христосъ Господь? За что русскій православный народъ долженъ забыть Его? «Людіе мои,—скажетъ тогда всѣмъ намъ Господь,—что сотворихъ вамъ? Или чѣмъ вамъ стужихъ? Слѣпцы ваши просвѣтихъ, прокаженныя очистихъ, мужа суща на одрѣ возставихъ. Людіе мои, что сотворихъ вамъ, и что ми воздаете?» (Утро В. Пятка, антифонъ 12).

Но наши гнусные освободители не довольствуются только этимъ воздаяніемъ Христу Спасителю: они не только хотятъ вѣру выкрасть у народа, хотятъ иска-

лѣчить и нравственность народную. И здѣсь главнымъ орудіемъ подкопа подъ народную нравственность является прежде всего тотъ же книжный рынокъ. Книжные магазины, лавочки, прилавки, кіоски запружены порнографическими изданіями, соблазнительными романами, гравюрами, открытками, въ которыхъ литература и искусство, когда-то служившія цѣлямъ идеальнымъ, впрягаются теперь на службу самымъ низменнымъ инстинктамъ человѣка. Газеты наполняются гнусными объявленіями, скандальными процессами, а иногда прямою и открытою проповѣдью разврата. Театры своими порнографическими пьесами производятъ также развращающее вліяніе. Какая-то молодая женщина Ольга Десмонтъ хлопочетъ о томъ, что-бы актрисамъ было предоставлено право являться на сцену голыми, безъ всякой одежды. На помощь литературѣ и искусству въ дѣлѣ пропаганды публичнаго разврата стали выступать даже цѣлыя общества подъ разными пошлыми, но заманчивыми названіями, вродѣ «вечеровъ красоты», «лиги свободной любви», «огарковъ» и т. п. А наши доморощенные философы (Розановъ и Мережковскій) не устыдились даже изложить особое ученіе «о святой плоти» и такимъ образомъ пожелали оправдать развратъ даже философскимъ манеромъ.

Нужно-ль говорить о томъ, что адскія усилія пошляковъ освободителей насадить общественный развратъ уже въ весьма достаточной мѣрѣ увѣнчались успѣхомъ. Развратъ дѣлается чѣмъ-то вродѣ общественной силы. Конечно, безнравственность существовала всегда, но никогда она не достигала въ христіанскомъ обществѣ такихъ размѣровъ и такой наглой откровенности, какъ теперь. Особенно много жертвъ развратъ нашелъ себѣ среди неопытной юности.

Праведникъ Божій о. Іоаннъ Кронштадтскій съ игуменьей Ангелиной Іоанновскаго женскаго монастыря.

Сердце кровью обливается, когда видишь, какое опустошеніе производитъ этотъ порокъ и въ душахъ и въ тѣлахъ человѣческихъ. Съ неимовѣрною быстротою и силою распространяются въ обществѣ всѣмъ извѣстная гнилая болѣзнь, которая носитъ на себѣ клеймо позора и проклятія и вмѣстѣ наказанія за развратъ. Уменьшеніе числа рожденій, вырожденіе поколѣній, преждевременная слабость и старость — печальные плоды разврата и грозные предвѣстники грядущихъ, еще болѣе ужасныхъ, послѣдствій сего порока. Ни одинъ грѣхъ не разрушаетъ такъ быстро семью и народъ, вѣру и молитву человѣка,—какъ этотъ отвратительный порокъ разврата. Гибнутъ дѣти и грудные младенцы, по чужой винѣ отравленные въ началѣ весны своей жизни. Гибнутъ юноши и дѣвы, смертельно раненые этимъ порокомъ. Расторгаются браки, разрушается семейное счастіе, гибнутъ силы, умъ, энергія, здоровье, утрачиваются чистыя радости жизни и все—чрезъ развратъ. Не забудемъ при этомъ, что когда исчезаетъ въ семьѣ, обществѣ, народѣ добрая нравственность, вмѣстѣ съ нею исчезаетъ тамъ и сила, исчезаетъ духовное богатство жизни и наступаетъ обнищаніе человѣка, разложеніе общества и смерть. Это ли не почва для всякихъ переворотовъ и катастрофъ? Пора, пора намъ понять серьезность положенія и разсмотрѣть громадность ожидающаго насъ зла.

Что же дѣлать? А вотъ, что. Сегодня, другій мой день кончины великаго праведника и молитвенника земли русской, батюшки о. Іоанна Кронштадтскаго. Можетъ быть, въ его жизни, въ его завѣтахъ святыхъ мы найдемъ то, что клонится къ нашему назиданію, вразумленію и исцѣленію. Можно съ увѣренностію сказать, что никто такъ ясно и отчетливо не созна-

валъ настоящаго тяжелаго положенія Церкви и земли русской, какъ почившій батюшка. Никто съ такою пророческою прозорливостью не предвидѣлъ грядущихъ на нашу землю бѣдъ и скорбей, какъ онъ, праведникъ и молитвенникъ нашъ. Вспомнимъ же великіе завѣты праведника, вспомнимъ не ради любопытства и приличія, а ради дѣла и несомнѣнной пользы.

Что въ лицѣ батюшки о. Іоанна отошелъ ко Господу великій праведникъ и молитвенникъ, русскій богоносецъ и хранитель вѣры Христовой, отошелъ общій нашъ благодѣтель, въ этомъ теперь не сомнѣваются даже прежніе враги и хулители батюшки. Нѣкоторые уже сейчасъ называютъ о. Іоанна святымъ, «гостемъ райской стороны», на время залетѣвшимъ на грѣшную землю. Несомнѣнно, батюшка о. Іоаннъ былъ близокъ къ Богу своею вѣрою, молитвою и праведною жизнію. Вѣра и молитва такъ приблизили его ко Господу, что онъ и чудеса творилъ силою Господа, и глубоко проникалъ въ душу и судьбу человѣка, и для всѣхъ насъ былъ и остался великимъ нравственнымъ авторитетомъ. Что же содѣлало такимъ почившаго батюшку?

Прежде всего вѣра въ Бога, вѣра въ Господа Іисуса Христа. Онъ вѣровалъ всѣмъ сердцемъ, всею душою, всѣмъ разумѣніемъ своимъ, всею полнотою своихъ силъ душевныхъ, онъ виталъ умомъ и сердцемъ въ таинственныхъ надземныхъ областяхъ, какъ въ родной странѣ бытія человѣка, онъ говорилъ съ небожителями, какъ съ живыми людьми, какъ съ своими небесными друзьями такими же искренними, сильными, простыми и доступными людьми, какъ и онъ самъ. А мы какъ вѣримъ? Такъ ли? Слабо, непостоянно и даже съ примѣсью сомнѣнія. Ударитъ громъ, станетъ

ужъ очень плохо, начнемъ тогда вспоминать что то и мы про святыхъ, бѣжимъ къ чудотворнымъ иконамъ ставить свѣчи, служить молебны, а тамъ... опять за грѣхъ, за суету.

А какъ молился батюшка? Казалось, онъ видитъ Христа воочію, говоритъ съ Нимъ, вотъ, онъ упалъ предъ Нимъ, бьется въ ногахъ, ухватился за край одежды Его, проситъ, умоляетъ неотступно, пока не раздастся въ душѣ молитвенника отвѣтное слово: «Велика твоя вѣра, буди тебѣ, якоже хощеши». А мы какъ молимся? Молимся, просимъ — и не получаемъ, потому что не умѣемъ молиться, потому что *злѣ просимъ* (Iак. IV, 3).

Крѣпкая вѣра и пламенная молитва батюшки выходили изъ его чистаго сердца, которое онъ содержалъ въ чистотѣ непрестаннымъ покаяніемъ, непрестаннымъ сознаніемъ духовной нищеты человѣческой и необходимости помощи и милости Божіей, жаждою прощенія, помилованія. И люди шли къ батюшкѣ, чтобы предъ нимъ исповѣдать грѣхи свои. Общая исповѣдь у батюшки, говорятъ, представляла собой потрясающую картину. Люди несли къ ногамъ батюшки тяжелые грѣхи свои, свое горе, болѣзни, свои жизненныя испытанія, нерѣдко отчаяніе, и все это сливалось здѣсь въ одинъ потрясающій вопль покаянной души человѣка и погружалось, тонуло въ волнахъ милующей благодати Божіей, которую низводилъ на кающихся батюшка, этотъ любимецъ народный, къ которому народъ шелъ съ такимъ довѣріемъ, какъ къ своему духовному отцу, своему родному пастырю.

Но народъ шелъ къ батюшкѣ не за однимъ только покаяніемъ, а и затѣмъ, чтобы изъ рукъ его причаститься Святыхъ Таинъ Христовыхъ. Батюшка о. Іоаннъ имѣлъ особенную вѣру въ цѣлительную силу

Чаши Христовой и постоянно звалъ народъ къ этой Чашѣ Святой. Онъ училъ, что пріобщеніе должно быть постояннымъ, а не такимъ рѣдкимъ событіемъ, въ жизни человѣка, какъ это бываетъ у христіанъ теперь: самъ батюшка пріобщался ежедневно, и въ этомъ ежедневномъ принятіи Тѣла и Крови Христовой онъ почерпалъ для себя силу и подкрѣпленіе для перенесенія тѣхъ неимовѣрныхъ трудовъ, среди которыхъ проходила вся жизнь о. Іоанна.

А какъ онъ совершалъ литургію? Говорятъ, послѣ освященія и пресуществленія Святыхъ Даровъ онъ съ какимъ-то особеннымъ восторгомъ и умиленіемъ созерцалъ дискосъ съ Святымъ Агнцемъ и Чашу съ Святою Кровію. Можетъ быть, и ему, какъ нѣкоторымъ праведникамъ, дано было видѣть въ ту пору закланнаго за насъ Христа. Можетъ быть, здѣсь, въ этомъ чудѣ, и заключается объясненіе того молитвеннаго дерзновенія, съ какимъ батюшка всегда обращался ко Господу нашему Іисусу Христу. Можетъ быть, здѣсь же, въ этомъ чудѣ, находитъ свое объясненіе и та, можно сказать, исключительная вѣра о. Іоанна въ силу и спасительность Чаши Христовой, къ которой онъ съ такою настойчивостію призывалъ народъ.

Наконецъ, о. Іоаннъ всю свою жизнь земную со всѣми ея заботами и трудами направлялъ къ одной цѣли—блаженной вѣчности. Каждое его слово, каждый шагъ его трудовой жизни, всѣ его мысли и надежды находятъ свое объясненіе и оправданіе въ этомъ святомъ упованіи его *разрѣшитися и со Христомъ быти*. Онъ жилъ на землѣ дѣйствительно какъ «гость райской стороны», куда онъ зоветъ и насъ всѣхъ.

Братья, сейчасъ мы будемъ совершать панихиду по почившемъ пастырѣ. Помолимтесь усердно о немъ,

дабы его за насъ молитвами посѣтилъ насъ Богъ. А молясь, будемъ твердо держать въ памяти тѣ завѣты почившаго батюшки, которые онъ оставилъ намъ въ своей жизни. Слѣдуя имъ, мы избѣжимъ той бѣды, которую готовятъ намъ наши «освободители» и которую хорошо предвидѣлъ о. Іоаннъ. Помолимтесь. Аминь.

Алексій, Епископъ Таврическій.

Примѣръ вѣры и любви христіанской.

МЫ собрались сегодня почтить память о. Іоанна Кронштадтскаго и помолиться о упокоеніи души его. Кому изъ православныхъ не было извѣстно имя этаго знаменитаго пастыря?! Къ нему отовсюду стекалось множество народа. Къ нему шли отовсюду, ища его совѣта, испрашивая его молитвенной помощи,— и всякій изъ обращавшихся къ нему получалъ добрый совѣтъ, утѣшеніе, одобреніе, облегченіе въ своихъ душевныхъ, а иногда даже и въ тѣлесныхъ немощахъ. Чѣмъ же объяснить силу его пастырскаго вліянія, что привлекало къ нему почти всѣхъ православныхъ?

Сила пастырскаго вліянія о. Іоанна состояла прежде всего въ его твердой, живой вѣрѣ во Христа Спасителя. Вѣра во Христа Спасителя была принципомъ его жизни, она всецѣло проникала всѣ мысли и чувства, желанія и поступки о. Іоанна, она проникала всѣ тайники его души, онъ жилъ, жилъ этою вѣрою. Изъ дневника отца Іоанна, которому онъ далъ характерное названіе «Моя жизнь во Христѣ», видно

что отецъ Іоаннъ постоянно чувствовалъ присутствіе Христа, жилъ въ тѣсномъ единеніи съ Нимъ. «Богъ ближе къ намъ всякаго человѣка», говоритъ о. Іоаннъ въ своемъ дневникѣ, «во всякое время; я имъ живу душевно и тѣлесно, Имъ мыслю, чувствую, соображаю, намѣреваюсь, говорю, предпринимаю, дѣлаю» (І. Сергіевъ, 1-й т., 132 стр. Моя жизнь во Христѣ). «Мысленными очами сердца», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «вижу я какъ мысленно вдыхаю въ сердце свое Христа, какъ Онъ входитъ въ него и вдругъ успокаиваетъ и услаждаетъ его. О, да не пребуду я одинъ безъ Тебя Жизнодавца, дыханія моего, радованія моего» (І. Сергіевъ, 1-й т., 30 стр.). Это чувство постояннаго присутствія Христа давала силу о. Іоанну въ его борьбѣ съ грѣхомъ, помогало ему переносить всѣ скорби жизни, сообщало тотъ радостный свѣтлый взглядъ на жизнь, который онъ выражаетъ въ своемъ дневникѣ. «Гдѣ бы я не былъ», говоритъ онъ, «но лишь возведу сердечное око въ скорби моей къ Богу, Человѣколюбецъ отвѣчаетъ тотчасъ на мою вѣру и молитву, и скорбь сейчасъ проходитъ. Онъ на всякое время и на всякій часъ близъ меня. Только не видишь, а живо чувствуешь Его сердцемъ» (І. Сергіевъ, 1-й т., 17 стр.). Эта живая вѣра въ тѣсное единеніе со Христомъ Спасителемъ сообщала и особую дерзновенность его молитвѣ. По словамъ о. Іоанна при молитвѣ не должно быть ни малѣйшаго сомнѣнія. «Священникъ при совершеніи богослуженія и таинствъ», говоритъ о. Іоаннъ, «долженъ быть твердо убѣжденъ, что только онъ что-либо помыслитъ и скажетъ, это и сдѣлается. Такъ удобно и легко для Владыки исполнить наши прошенія, творить или претворять что либо по нашему слову. Это убѣжденіе пусть такъ въ тебѣ будетъ крѣпко и естественно, какъ слушаніе слухомъ». Молитва была

главнымъ дѣломъ, о. Іоанна, въ молитвѣ онъ вступалъ въ тѣсное единеніе со Христомъ Спасителемъ, совершенно отрѣшался отъ этаго міра и входилъ въ иной горній міръ, молитва сообщала ему необычайный покой и отраду. «Молитва», говоритъ о. Іоаннъ, «есть дыханіе души, какъ воздухъ — естественное дыханіе тѣла, дышемъ Духомъ Святымъ» (І. Сергіевъ, Моя жизнь во Христѣ, II т., 191 стр.). «Посредствомъ молитвы вѣры», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «умъ нашъ необыкновенно просвѣтляется и принимаетъ самые обширные размѣры дѣйствія: въ это время онъ видитъ то, чего въ обыкновенномъ своемъ состояніи не видитъ» (Тамъ же, 296 стр.). «Молитва есть», по словамъ о. Іоанна, «родная жизненная стихія души, въ которой душа истинно живетъ, покоится, наслаждается и веселится» (І. Сергіевъ, Мысли о Церкви, 293 стр.). По словамъ одного очевидца-біографа о. Іоанна, о. Іоаннъ, когда читалъ молитвы при богослуженіи, то какъ бы бесѣдовалъ, разговаривалъ со Спасителемъ и Божіею Матерью и Святыми, какъ бы они вотъ здѣсь предъ нимъ находились, а не тамъ гдѣ-то въ недозримой для насъ выси» (Два дня въ Кронш т. 44, стр.). Тотъ же очевидецъ пишетъ о томъ, какъ глубока была молитва о. Іоанна. «Однажды во время утрени онъ подошелъ къ жертвеннику сталъ предъ нимъ на колѣни, руки сложилъ крестообразно на жертвенникъ, голову склонилъ на нихъ. Подъ руками у него были всевозможныя записки съ просьбою помянуть больныхъ и умершихъ.—Онъ находился въ такомъ положеніи около десяти минутъ. Казалось со стороны, что онъ какъ бы умеръ и передъ нами было только его тѣло, оставленное, сброшенное его душой» (Тамъ же, 43 стр.). Особенно любилъ о. Іоаннъ общественное богослуженіе. Какимъ восторгомъ проникнуты тѣ строки его двев-

ника, гдѣ онъ говоритъ объ общественномъ богослуженіи. Въ немъ видитъ о. Іоаннъ изображеніе домостроительства нашего спасенія, изображеніе любви Бога къ человѣку и человѣка къ Богу, изображеніе жизни святыхъ. «Люблю я молиться въ храмѣ Божіемъ», говоритъ о. Іоаннъ, «особенно въ св. алтарѣ у престола или жертвенника Божія, ибо чудно измѣняюсь я въ храмѣ благодатію Божіею; въ молитвѣ покаянія и умиленія спадаютъ съ души моей терніи, узы страстей, и мнѣ становится такъ легко; все обаяніе, вся прелесть страстей исчезаютъ; я какъ бы умираю для міра и міръ для меня со всеми своими благами: я оживаю въ Богѣ и для Бога и весь имъ проникаюсь и бываю единъ духъ съ Нимъ; сердце мое тогда полно пренебеснаго и сладкаго міра, душа просвѣщена свѣтомъ небеснымъ, все свѣтло видишь, на все смотришь правильно, ко всѣмъ чувствуешь дружество и любовь» (Сергіевъ. Моя жизнь во Христѣ, II т. 18 стр.). Во время же литургіи и особенно въ самый моментъ совершенія евхаристіи о. Іоаннъ весь горѣлъ огнемъ Божественной любви. Въ своемъ дневникѣ онъ неоднократно дѣлаетъ наставленіе священникамъ «совершать всегда литургію горящимъ духомъ, горнимъ умомъ и сердцемъ, отложивъ всякое житейское попеченіе» (Сергіевъ. Мысли о церкви, 137 стр.). Можно было бы и еще много словъ привести изъ дневника о. Іоанна, свидѣтельствующихъ о его глубокой вѣрѣ, но не хватило бы времени передать всѣ его мысли и чувства. Весь дневникъ о. Іоанна представляетъ изліяніе его чувствъ вѣры и любви къ Богу, свидѣтельствуетъ о глубокой духовной опытности почившаго. Здѣсь въ дневникѣ слышится то глубокая печаль о. Іоанна, когда сердце его омрачала какая либо грѣховная мысль, то слышится

радость, когда онъ чувствуетъ опять близость Христа. Иногда чувство глубокой печали или чувство глубокаго восторга переходитъ въ покаянную или благодарственную молитву предъ Богомъ. Вѣра во Христа такъ глубоко отпечатлѣлась на дневникѣ о. Іоанна, что, читая его, самъ какъ-то становишься болѣе вѣрующимъ. Бываютъ минуты душевной холодности, когда въ сердцѣ совершенно какъ бы изсякаетъ любовь къ Богу и ближнему. Въ такія минуты особенно хорошо читать дневникъ о. Іоанна. Чтеніе его тогда оживляетъ вѣру, пробуждаетъ уснувшія чувства любви къ Богу и ближнему. Такъ глубока была вѣра о. Іоанна. Среди общаго равнодушія и холодности въ вѣрѣ онъ былъ яркимъ свѣточемъ вѣры Христовой. Потому то и стекались къ нему съ своими печалями и страданіями, другіе съ своими сомнѣніями. Всѣ они видѣли въ о. Іоаннѣ носителя вѣры Христовой, который способенъ былъ успокоить ихъ изстрадавшіяся души, указать имъ высшую цѣль и смыслъ жизни, зажечь въ ихъ душахъ свѣтъ вѣры Христовой.

Второю отличительною чертою о. Іоанна, которая привлекала къ нему, была его христіанская любовь къ людямъ. «Помни», говоритъ о. Іоаннъ, «что Господь въ каждомъ христіанинѣ. Когда приходитъ къ тебѣ ближній имѣй къ нему всегда великое уваженіе, ибо въ немъ Господь» (Моя жизнь во Христѣ, 1-й т., 109). «Люби всякаго человѣка, не смотря на его грѣховность», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «грѣхи, грѣхами, а основа то въ человѣкѣ—образъ Божій» (Тамъ же, 139). «Священнику», говоритъ о. Іоаннъ, «прежде всего и болѣе всего нужно стяжать любовь евангельскую. Во время литургіи священникъ долженъ быть объятъ любовью къ Богу и ближнимъ, искупленнымъ Кровью Христовою»

(Мысль о Церкви. 161). И о. Іоаннъ самъ обладалъ этою евангельскою любовью. Біографы о. Іоанна сообщаютъ, что онъ самъ первый приходилъ на помощь всякому несчастному. Это особенно важно, что иногда не къ нему шли, а онъ самъ первый шелъ на встрѣчу людскому страданію. Въ настоящее время люди отдѣлены другъ отъ друга какъ бы какою стѣною, относятся другъ къ другу безъ надлежащаго сочувствія. Мы часто не видимъ несчастій другихъ людей или, если и видимъ, то проходимъ мимо безъ всякаго сочувствія, будучи иногда даже не способны и оказать это сочувствіе. Не таковъ былъ о. Іоаннъ. Онъ никогда не проходилъ мимо людского страданія. Онъ всегда готовъ былъ «плакать съ плачущими и радоваться съ радующимися» (Рим. 12, 15) и съ полнымъ правомъ могъ сказать о себѣ словами ап. Павла: «кто изнемогаетъ, съ кѣмъ бы я не изнемогалъ? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенился» (2 Кор. 11, 29). Гдѣ бы ему не встрѣчался несчастный, онъ видѣлъ его и тотчасъ же готовъ былъ ободрить, успокоить или оказать ему какую-либо помощь. Потому то и обращались къ нему всѣ съ своими скорбями и нуждами. Они знали, что въ лицѣ о. Іоанна они всегда встрѣтятъ любвеобильнаго пастыря, готоваго посочувствовать имъ, ободрить и утѣшить ихъ;—и о. Іоаннъ иногда ни днемъ, ни ночью не зналъ покоя, удовлетворяя нужны обращавшихся.

Теперь онъ окончилъ свой многотрудный подвигъ и вполнѣ могъ бы сказать словами ап. Павла: «*подвигомъ добрыхъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ*» (2 Тим. 4, 7). Мы же, какъ чада Церкви Христовой, идеальнымъ пастыремъ которой былъ о. Іоаннъ, должны отдать долгъ любви почившему любвеобиль-

ному пастырю, молясь о упокоеніи его души. Помолимся же, да упокоитъ Господь душу раба своего протоіерея Іоанна *«идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе»*. Но молясь о упокоеніи души отца Іоанна, будемъ подражать его вѣрѣ. Запечатлѣемъ глубже въ своемъ сердцѣ образъ этаго любвеобильнаго пастыря - молитвенника. Будемъ стараться воспитать въ себѣ такую же пламенную любовь къ Богу и ближнимъ, какова была любовь почившаго о. Іоанна, и пусть свѣтъ вѣры Христовой, который освѣщалъ тернистый путь пастырскаго служенія о. Іоанна, озаряетъ и нашъ жизненный путь. Пусть при всѣхъ невзгодахъ жизни, при всѣхъ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ уста наши произнесутъ слова твердаго исповѣданія ап. Петра: *«Господи, къ кому идемъ? Глаголы живота вѣчнаго имаши»* (Іоан. 6, 68). Аминь.

Н. Беневольскій.

Чѣмъ дорогъ намъ о. Іоаннъ Кронштадтскій?

Е раздается болѣе явственно для слуха человѣка вдохновенная молитва о. Іоанна. Краса церкви нашей, живой обличитель всѣхъ нареканій на нее, другъ всѣхъ страждущихъ и чающихъ Христова утѣшенія, онъ угасъ; мертвъ и бездыханенъ онъ покоится теперь въ гробѣ.

Но взятъ ли онъ совершенно изъ среды живыхъ? Нѣтъ и не будетъ этого. Бываютъ личности, которыхъ и самая смерть не можетъ отторгнуть отъ сердца народа. Въ тотъ моментъ, какъ ихъ бренное тѣло пре-

дается землѣ, ихъ свѣтлый образъ воскресаетъ въ душѣ народной и будитъ въ ней самые чистыя мысли и зажигаетъ въ ней самые благородные и высокіе порывы. Онѣ, эти личности, сходятъ, говоря словами псалмопѣвца, какъ дождь на скошенный лугъ, какъ капли, орошающія землю (Пс. 71, 6). Онѣ образуютъ духовное небо народа, и до той поры, пока живетъ народъ, онѣ, какъ звѣзды, искрятся на этомъ небѣ и манятъ, влекутъ къ себѣ его духовныя очи и наполняютъ его сердце чувствомъ восторженнаго благоговѣнія предъ Господомъ.

Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ, Богъ Израилевъ!

И по смерти своей онѣ являются такими же живыми свидѣтелями величія и милости Божіей, какъ и во время своей земной жизни.

Къ такимъ личностямъ относится и «батюшка» о. Іоаннъ.

Смолкло слово его. Не поднимается болѣе на страждущаго человѣка его благословляющая рука.

Но развѣ его внутренній образъ, вся его жизнь не продолжаетъ свѣтить намъ? Развѣ не продолжаетъ онъ и теперь разсѣевать тотъ страшный непроницаемый туманъ, который за послѣдніе годы окуталъ нашу страну?

Нѣтъ, и теперь онъ идетъ предъ нами и подаетъ голосъ свой намъ, сбившимся съ дороги; и теперь зоветъ онъ блуждающихъ овецъ своихъ.

Три истины евангельскихъ затемнены въ настоящее время въ сознаніи людей: первая гласитъ, что Господь есть источникъ жизни нашей. „*Я есмь лоза*, сказалъ Спаситель нашъ, *а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего*“ (Іоан. XV, 5). Вторая: *когда вы исполните все повеленное вамъ, гово-*

Праведникъ Божій о. Іоаннъ Кронштадтскій.

рите: мы—рабы ничего не стоющіе, потому что сдѣлали что должны были сдѣлать (Луки XVII, 10). Третья: *любовь не превозносится, не гордится, не ищетъ своего* (I Кор. XIII, 4—7).

Эти три истины очерчиваютъ весь кругъ христіанской жизни. Первая заповѣдуетъ человѣку, выступающему на путь служенія своему ближнему, всѣмъ сердцемъ своимъ прилѣпляться къ Господу; вторая, предвидя то искушеніе, которому можетъ поддаться человѣкъ, начиная свое общественное служеніе, заповѣдуетъ ему смиреніе; третья очищаетъ его взглядъ и позволяетъ ему въ другомъ человѣкѣ видѣть его идеальный образъ, то, чѣмъ онъ долженъ быть, а не то, чѣмъ онъ является по неправдѣ, по грѣху, по недолжному.

Эти истины, забытыя въ настоящее время, и воскресаютъ вновь въ нашей душѣ, когда мы всматриваемся въ духовный обликъ о. Іоанна.

Въ молодости, когда онъ былъ еще студентомъ петербургской духовной академіи, онъ думалъ утолить свою ревность о славѣ Божіей проповѣдываніемъ Евангелія въ далекихъ странахъ чуждымъ народамъ. Онъ не зналъ еще тогда, что живой проповѣди Евангелія жаждетъ его родная страна, что на его родную землю въ скоромъ времени хлынутъ потоки невѣрія, и народъ, простой вѣрующій русскій народъ будетъ искать своими глазами «добраго пастыря», который могъ бы оберечь его, утѣшить и показать ему путь истинной жизни.

Но зналъ это Господь, и Онъ оставилъ о. Іоанна его родному народу.

12 декабря 1855 года, о. Іоаннъ сталъ священникомъ въ кронштадтскомъ соборѣ св. Андрея Первозваннаго.

Памятно это время для Россіи. Только-что окончилась тяжелая севастопольская война. Наша родина страдала отъ нанесенныхъ ей врагами ранъ. Болѣло ея тѣло, болѣла и ея душа. Всѣ это чувствовали, и всѣхъ волновалъ одинъ вопросъ: что дѣлать? Какъ помочь страдающему народу?

Съ чисто евангельской простотой разрѣшилъ этотъ вопросъ о. Іоаннъ. Принимая священный санъ, онъ, какъ самъ потомъ говорилъ, поставилъ себѣ за правило: возможно искренно относиться къ своему дѣлу и строго слѣдить за собой, за своей внутренней жизнью.

Странно для уха либеральныхъ дѣятелей 60-хъ годовъ долженъ былъ звучать этотъ отвѣтъ о. Іоанна. Слишкомъ нищенскимъ онъ могъ показаться имъ. Народъ нуждается въ помощи,—могли они горделиво сказать по этому поводу, а онъ совѣтуетъ копаться въ своей совѣсти. Нѣтъ, надобно заняться болѣе важнымъ, болѣе серьезнымъ, и всѣ спѣшили заняться этимъ болѣе важнымъ дѣломъ, всѣ стремились дѣлать общественное дѣло, приносить пользу обществу. Воздухъ полонъ былъ громкихъ словъ: «народу, для народа». Каждый считалъ себя страшно богатымъ. Стоило только кому-нибудь усвоить пошлое матеріалистическое ученіе, что «нѣтъ души, а одна только плоть», и онъ уже думалъ только объ одномъ, какъ бы поскорѣе добраться до площади, чтобы выложить здѣсь предъ собравшимся народомъ это свое сокровище заранѣе негодуя на всѣхъ, кто пожелалъ бы отнестись къ нему недовѣрчиво.

Что же дѣлалъ о. Іоаннъ въ первые годы своего пастырскаго служенія?

Вотъ его подлинныя слова, ясно отвѣчающія на этотъ вопросъ: «Надо почаще быть у себя дома, безъ

этого нѣтъ движенія. Нужно глубже всматриваться въ совѣсть, слѣдить за каждымъ движеніемъ души. Недаромъ завѣтъ: «познай себя» считается первой буквой въ азбукѣ самосовершенствованія. Слѣди за своимъ сердцемъ всю жизнь и присматривайся и прислушивайся къ нему, что препятствуетъ къ соединенію его со всеблаженнымъ Богомъ? Это да будетъ наука наукъ, и ты при помощи Божіей легко можешь замѣчать, что тебя отдаляетъ отъ Бога и что приближаетъ къ Нему, соединяетъ съ Нимъ. Объ этомъ сказываетъ самое сердце, то соединяющееся съ Богомъ, то отторгаемое отъ Него».

И о. Іоаннъ старательно изучаетъ эту науку наукъ. Онъ живетъ у себя дома наединѣ съ своею совѣстью. Онъ не знаетъ міра, не видитъ его, если только этотъ міръ не обращается къ нему за Христовымъ утѣшеніемъ. Ни широкихъ плановъ, ни смѣлыхъ мыслей, ни далекихъ горизонтовъ, — ничего, что чаруетъ и привлекаетъ обыкновенно взоръ человѣка, не было около него. Здѣсь все было скромно, просто, тихо, молчаливо, сосредоточенно, какъ въ кельѣ пустынника. Храмъ Божій да страдающая душа человѣческая, — вотъ все, что занимало здѣсь мысль и чувство.

Но народъ разглядѣлъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ было цѣнное богатство, избытокъ жизни радостной свѣтоносной, и гдѣ было одно только крикливое убожество, гдѣ можно было зачерпнуть полную чашу «живой воды», и гдѣ сочилась лишь одна вонючая жидкость.

Скромный священникъ, оставляющій *свой домъ* только затѣмъ, чтобъ посѣтить грязныя лачуги кронштадтскихъ бѣдняковъ, вдругъ становится въ самомъ центрѣ народной жизни. Къ нему идутъ, ѣдутъ, его съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, къ нему несутъ всѣ свои

боли и страданія, и его полный проникновенной любви взглядъ, его одухотворенная молитва, его благословляющая рука въ каждой душѣ человѣческой, даже и «озлобленной» будитъ, источникъ жизни, свѣта и радости. Вдругъ оказывается, что этотъ скромный священникъ и есть огромное по своимъ размѣрамъ общественное явленіе, что онъ именно только и осуществилъ на дѣлѣ тотъ девизъ, который воодушевлялъ очень многихъ въ 60-хъ годахъ: «служить народу». Толпа-ли искала его? Нѣтъ, какъ говорилъ въ свое время о немъ проф. Сикорскій, его искали люди всякаго образованія и всѣхъ возрастовъ; къ нему шли и образованный человѣкъ, и чернорабочій, учитель, профессоръ и студентъ, взрослые и дѣти, господа и ихъ прислуга, скромныя труженицы и падшія женщины, больные, испорченные и преступные люди. Всѣхъ приводило къ нему одно и тоже чувство. Оно заставляло людей, пріѣхавшихъ въ каретахъ, выйти изъ экипажа и стать рядомъ съ обыкновеннымъ сѣрымъ человѣкомъ; оно поднимало падшую женщину изъ грязи и дѣлало ее человѣкомъ. Въ присутствіи его у самаго дурного, одичалаго человѣка пробуждалась совѣсть и у всѣхъ испорченыхъ людей освѣщались и оживлялись лучшія идеальныя стороны ихъ характера. Онъ спасалъ тѣмъ, что звалъ къ другому міру своимъ обликомъ. Его труды записаны не въ книгахъ, не на полотнѣ, но въ милліонахъ сердецъ; записаны и запечатаны такъ прочно, какъ не всегда запечатлѣвается въ нашемъ умѣ то, что мы видимъ, слышимъ и читаемъ. Онъ словомъ, дѣломъ, примѣромъ, а больше всего своею личностью воспитывалъ общество.

Вотъ прежде всего чѣмъ дорогъ для насъ о. Іоаннъ. Ясно до наглядности онъ показалъ намъ, что и въ

наши дни, не смотря на чрезвычайно сложившуюся общественную жизнь, путь дѣйствительнаго служенія обществу и народу остается одинъ: путь вѣры и нравственнаго самоусовершенствованія; что кто жаждетъ обновленія страны, кто стремится принести дѣйствительное благо народу, тотъ и въ наши дни прежде всего долженъ обновиться самъ, совлечь съ себя «ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ похотяхъ прелестныхъ» и лицомъ-къ-лицу стать предъ испытующимъ окомъ Божіимъ, видящимъ всѣ сокровенныя наши мысли, всѣ самыя тайныя движенія нашего сердца.

Затемнена въ настоящее время эта истина въ сознаніи людей. Страшно пагубная мысль овладѣваетъ теперь человѣчествомъ: люди начинаютъ думать, что царство міра, любви и радости можно насадить на землю чисто внѣшнимъ способомъ, что стоитъ только измѣнить въ корнѣ формы общественной жизни,— и по лицамъ людей будутъ струиться однѣ лишь слезы тихой радости и умиленія. Понятно, что если это такъ, то всякому желающему отдать свои силы на служеніе человѣчеству нѣтъ нужды думать о Богѣ и своей совѣсти; онъ долженъ только и въ себѣ, и въ другихъ будить тѣ инстинкты, которые бы толкали человѣка на путь борьбы съ сложившимся общественнымъ строемъ. И многіе по природѣ далеко не злые, напротивъ, нерѣдко волнуемые искреннимъ желаніемъ блага народу идутъ въ настоящее время этимъ путемъ и ожесточаютъ свое сердце.

Безумные! говоритъ всей своей жизнью отецъ Іоаннъ, остановитесь. Вспомните слова Спасителя: *«Я есмь лоза, а вы вѣтви; кто пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ, тотъ приноситъ много плода; ибо безъ Меня не можете дѣлать ничего»* (Іоан. XV, 5). Подумайте:

не царство ли міра и любви стремитесь насадить вы на землѣ? Какъ же вы отстраняетесь отъ Того, Кто и есть источникъ мира и любви, Кто и принесъ людямъ благую вѣсть: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные, и Я упокою васъ.* Какъ же вы воспитаете въ сердцахъ своихъ и сердцахъ другихъ людей злобу, вражду и ненависть? Какъ же вы, ища разума и сознанія, благословляете слѣпыя, стихійныя силы природы?

Да, это подлинное безуміе.

Мы удивляемся теперь той грубости, той дикости ума и сердца, которыя въ эпоху древняго язычества заставляли людей класть на раскаленныя руки какого-нибудь мѣднаго истукана своихъ собственныхъ дѣтей въ надеждѣ чрезъ это пріобрѣсти счастливую жизнь. Мы недоумѣваемъ теперь, какимъ образомъ люди могли ожидать чего нибудь отъ бездушнаго своего истукана и ожидать такъ, чтобы жертвовать и своею собственной, и жизнью самыхъ дорогихъ существъ. А между тѣмъ не тотъ же ли фанатизмъ и изступленіе проповѣдуютъ въ настоящее время люди образованные и культурные отстраняясь отъ вѣры въ живого Бога? Они распростираются ницъ предъ внѣшними формами жизни и ждутъ, что онѣ сами безъ всякаго внутренняго усилія людей создадутъ изъ нихъ самыхъ счастливыхъ, самыхъ совершенныхъ существъ. И нисколько не задумываясь надъ тѣмъ, какимъ образомъ внѣшнія формы жизни могутъ преобразовать строй сердца человѣка, они и самихъ себя и другихъ отдаютъ этому современному идолу, не менѣе страшному чѣмъ древній Молохъ.

Не словомъ, не поученіемъ только разсѣеваетъ это современное заблужденіе о. Іоаннъ, онъ подрываетъ его самой своей жизнью. Вѣдь, оно находитъ видимое

Членъ С.-Петербургскаго Духовнаго цензурнаго комитета Архимандритъ о. Александръ.

оправданіе себѣ въ томъ, что въ настоящее время общественная жизнь настолько осложнилась, что личность не имѣетъ никакой возможности воздѣйствовать на общество путемъ непосредственнаго соприкосновенія съ личностью другихъ людей. А между тѣмъ, всматриваясь въ жизнь о. Іоанна, мы видимъ, какое благо можетъ принести народу отдѣльная личность, если только она прививается къ Источнику истинной жизни.

Затемнена въ настоящее время въ сознаніи людей и вторая христіанская истина, истина о смиреніи.

Теперь на вопросъ: кто истинный христіанинъ? можно услыхать отъ очень многихъ людей такой отвѣтъ: революціонеръ, ибо онъ жертвуетъ своею жизнью для блага народа. Правда, прибавятъ нѣкоторые болѣе дальновидные люди, онъ не вѣритъ во Христа, но это не препятствуетъ ему быть Его истиннымъ ученикомъ, онъ является «несознательнымъ» носителемъ духа Христова, «несознательнымъ» исполнителемъ Его заповѣди о любви къ ближнимъ. И подобный отвѣтъ можно услыхать со стороны человѣка, признающаго себя очень духовнымъ человѣкомъ, настолько духовнымъ, что въ церкви ему представляется полное отсутствіе живого духа, одна только внѣшность и обрядность. А духовное ли сказывается на самомъ дѣлѣ въ подобномъ разсужденіи? Всякій-ли подвигъ обвѣянъ духомъ Христа? Несомнѣнно, что самъ по себѣ подвигъ еще не имѣетъ религіознаго значенія, готовность отдать свою жизнь еще ни о чемъ не свидѣтельствуетъ. Жизнь отдастъ и разбойникъ на грабежѣ, и любовникъ изъ-за любимой женщины. Дѣло не въ подвигѣ, а въ томъ, во имя чего онъ совершается, и въ тѣхъ внутреннихъ душевныхъ переживаніяхъ, какія въ это время волнуютъ чело-

вѣческое сердце. Если я отдаю свою жизнь, но совершаю это во имя идола, совершаю съ гордыней; если я своимъ подвигомъ желаю умалить подвигъ Христа, Его крестную жертву, то какой же я христіанинъ? Христіанскій подвигъ совершается съ чувствомъ самоотреченія, внутренняго смиренія, съ сознаніемъ, что среди насъ есть единъ «живый и дѣйствуяй»,—это Христосъ, Сынъ Бога живаго, единожды принесшій жертву за грѣхи всего міра. Подвиговъ нѣтъ у христіанина, равно какъ не приноситъ онъ и жертвы, въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти слова понимаются естественнымъ человѣкомъ. Одна возносится жертва Господу, —жертва безкровная за Божественной литургіей.

Вотъ второе, чѣмъ дорогъ намъ о. Іоаннъ. Онъ снова оживилъ въ нашемъ сознаніи Евангельскую истину: *если вы исполните все повеленное вамъ, говорите, что вы рабы ничего не стоющіе, ибо сдѣлали только то, что должны были сдѣлать.* Его-ли жизнь не была сплошнымъ подвигомъ? Посмотрите на нее даже съ внѣшней стороны. Онъ постоянно на народѣ, постоянно за дѣломъ. Наблюдавшіе его жизнь люди недоумѣвали, когда онъ спитъ. Нечего уже и говорить о внутренней сторонѣ его жизни. Стоитъ только хотя немного представить себѣ, какое море страданій несли къ нему люди, чтобы понять, какой тяжелый крестъ несъ онъ въ продолженіе всего своего пастырскаго служенія.

И что же? Лицо его было мрачно и сурово, а въ глазахъ вспыхивало сознаніе своей титанической силы?

Ничего подобнаго. Напротивъ, чѣмъ тяжелѣе становился его подвигъ, тѣмъ свѣтлѣе дѣлалось его лицо, тѣмъ любовнѣе смотрѣли его ласковые глаза на при-

ходящихъ къ нему людей, такъ какъ тѣмъ живѣе и яснѣе становится для него, что живъ Господь, дарующій всѣмъ свою милость и возстановляющій всякую тварь. «Благодать и милость Спасителя нашего не оскудѣваютъ и нынѣ,—говорилъ онъ,—не оскудѣютъ до вѣка... Слава Спасителю нашему Богу! Онъ видитъ что неложно я возсылаю ему эту славу. Только Имъ и о имени Его я славенъ, а безъ Него—безчестенъ; только Имъ силенъ, а безъ Него — немощенъ; съ Нимъ святъ, а безъ Него— исполненъ грѣховъ; съ Нимъ дерзаю, безъ Него малодушествую; съ Нимъ кротокъ и смиренъ, безъ Него — раздражителенъ и неблагъ. Возвеличите же Господа со мною и вознесемъ имя Его вкупѣ (Пс. 33, 4)». Или въ другомъ мѣстѣ: «вездѣ прославило меня Имя Твое, Господи: и у трона царей, и у всѣхъ важныхъ и сильныхъ міра сего, и у богатыхъ и не у богатыхъ, образованныхъ и простыхъ людей; всюду принесло оно и приноситъ непрестанно отраду, миръ, избавленіе, спасеніе, здравіе, утѣшеніе, облегченіе, побѣду надъ кознями вражіями. Сколь чудно Имя Твое, Господи! Какъ чудно, державно, властно, сильно влечетъ всѣхъ ко мнѣ, убогому, благодать Твоя, во мнѣ живущая и пребывающая чрезъ частое причащеніе Св. Таинъ Твоихъ, пречистаго Тѣла и Крови Твоея, Господи! Благодарю Тебя за чудеса Св. Таинъ, совершающіяся во мнѣ и въ народѣ Русскомъ ежедневно: Ты влечешь меня и его къ Тебѣ, чудною, всемогущею, непобѣдимою силою, вся Россія православная, влечется къ Тебѣ! Влеки, влеки, влеки, Слове Божій, Творче нашъ, Избавителю нашъ, Спасителю нашъ влеки къ Себѣ всѣхъ и вся».

Неся свой подвигъ съ чувствомъ полнаго внутренняго смиренія, о. Іоаннъ показалъ намъ далѣе, что значитъ истинно любить своего ближняго. Нѣтъ любви

у того, въ чьей душѣ остается гордость, превозношеніе и зависть, стремленіе найти и утвердить себя. «Любовь, по слову св. апостола Павла, долготерпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а сорадуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ» (I Кор. XIII. 4—7). Только такая любовь, которая не ищетъ своего, а способна оживить человѣка, дать почувствовать и душѣ озлобленной внутреннюю теплоту и окрыленіе. Властно, но вмѣстѣ и нѣжно пробиваетъ она ледяную кору своекорыстія и черствости, покрывающую человѣка, глубоко заглядываетъ въ его душу и видитъ тамъ никогда не покидающій человѣка свѣтъ истинной жизни,—и человѣкъ, ощущавшій передъ тѣмъ въ своей душѣ лишь леденящее дыханіе вѣтра, вдругъ замѣчаетъ, что и для него Богъ — Отецъ небесный, что и онъ можетъ надѣяться, вѣрить и любить. «Люби, говоритъ о. Іоаннъ, всякаго человѣка, не смотря на его грѣхопаденія. Грѣхи грѣхами, а основа то въ человѣкѣ одна — образъ Божій. Другіе со слабостями, бросающимися въ глаза, злобны, горды, завистливы, скупы, сребролюбивы, жадны, да и ты не безъ зла, можетъ быть, даже въ тебѣ его больше, чѣмъ въ другихъ. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи грѣховъ люди равны; вси, сказано, согрѣшиша и лишени суть славы Божіей, всѣ повинны передъ Богомъ, и всѣ равно нуждаемся въ Божіемъ къ намъ милосердіи... Нужно чтить и любить въ каждомъ человѣкѣ образъ Божій, не обращая вниманія на его грѣхи. Богъ единъ святъ и безгрѣшенъ, а какъ Онъ насъ любитъ, что Онъ для насъ сотворилъ и творитъ, наказуя милостиво и милуя щедро и благостно! Не нужно смѣ-

шивать человѣка, этотъ образъ Божій, со зломъ, которое въ немъ, потому что зло есть только случайное его несчастіе, болѣзнь, мечта бѣсовская, по существо его, образъ Божій, все-таки въ немъ остается».

И съ такимъ чувствомъ онъ всегда подходилъ къ человѣку. Онъ не видѣлъ покрывающихъ его язвъ, онъ смотрѣлъ дальше и глубже, видѣлъ заложенный въ его природѣ образъ Божій и съ любовью останавливалъ на немъ свой взоръ, показывая человѣку, что этотъ и есть онъ самъ, настоящій, подлинный. Вотъ разсказъ одного ремесленника о своей встрѣчѣ съ «батюшкой». «Мнѣ было тогда только еще годовъ двадцать два, двадцать три. Теперь я старикъ, а помню хорошо, какъ видѣлъ въ первый разъ батюшку. У меня была семья, двое дѣтишекъ, старшему года три. Рано я женился. Работалъ и пьянствовалъ. Семья голодала. Жена потихоньку по-міру сбирала. Жили въ дряпной конуркѣ на концѣ города. Прихожу разъ не очень пьяный... Вижу, какой-то молодой батюшка сидитъ и на рукахъ сынишку держитъ и что-то говоритъ ласково. И ребенокъ серьезно слушаетъ. Можетъ быть, грѣхъ, но мнѣ все кажется, батюшка былъ какъ Христосъ на картинкѣ «Благословеніе дѣтей». Я было ругаться хотѣлъ: вотъ, молъ, шляются, да глаза батюшки и ласковые, и сурьезные, въ одно время, остановили. Стыдно стало... Опустилъ я глаза, а онъ смотритъ, прямо въ душу смотритъ. Началъ говорить. Не смѣю я передать все, что онъ говорилъ. Говорилъ про то, что у меня въ каморкѣ рай, потому что гдѣ дѣти, тамъ всегда и тепло, и хорошо, и о томъ, что не нужно мѣнять этотъ рай на чадъ кабацкій. Не винилъ онъ меня, все оправдывалъ, только мнѣ было не до оправданія. Ушелъ онъ, я сижу и молчу... Не плачу, хотя на душѣ такъ, какъ передъ

слезами. Жена смотритъ... И вотъ съ тѣхъ поръ я человѣкомъ сталъ».

А вотъ другой случай, не менѣе характерный. Разсказываетъ одна дѣвушка изъ интеллигентной семьи. «Судьба рано заставила меня страдать... и томиться жизнію. Съ малаго дѣтства я не былалюбима въ родной семьѣ. Отъ природы болѣзненная, неразвитая, ни къ чему неспособная, но изнѣженная, нервная, я была въ тягость и другимъ, и самой себѣ. Отдали меня въ институтъ. Но и оттуда чрезъ три года исключили по неспособности къ ученію. Въ то время, когда меня исключили изъ института, отца моего уже не было въ живыхъ. Мать моя, болѣзненная женщина, не имѣла средствъ меня содержать такъ, какъ мы жили при отцѣ. Въ лишеніяхъ, въ скорбяхъ проводили мы съ нею дни свои. Но вотъ, наконецъ, умираетъ и мать моя, оставляя меня одну, совершенно безъ всякихъ средствъ къ жизни. Куда мнѣ было преклонить свою голову? Я гостила то у однихъ родственниковъ, то у другихъ, то у знакомыхъ. Не имѣя возможности нигдѣ прочно пріютиться, а перекочевывала съ мѣста на мѣсто. Одно время я гостила въ Кронштадтѣ. И здѣсь мнѣ было скучно. Однажды мнѣ ужъ больно стало тяжело, и я во время одной прогулки начала обдумывать планъ, какъ бы мнѣ прекратить безполезное и мучительное состояніе. Сидя въ такомъ грустномъ настроеніи, я не замѣтила, какъ подошелъ ко мнѣ священникъ и, привѣтливо поклонившись, сѣлъ на другой конецъ лавочки. Не зная его, какъ и никого въ Кронштадтѣ, и не желая ни съ кѣмъ раздѣлять своего тяжелаго настроенія, я встала и хотѣла удалиться. Но незнакомый мнѣ батюшка остановилъ меня и сказалъ: «я обезпокоилъ васъ, кажется. Извините, но, проходя мимо, я не могъ не подмѣтить

Великій Праведникъ, Чудотворецъ и Молитвенникъ о. Іоаннъ Кронштадтскій и (рядомъ съ нимъ, по правую сторону) жена его Елизавета Константиновна, окруженные ближайшими родственниками и почитателями.

тяжелаго настроенія вашей души, свидѣтельствующаго о глубокой вашей скорби, и, какъ пастырь, хотя и незнакомый вамъ, но по сану пастырства не чуждый, рѣшилъ подойти къ вамъ и съ чувствомъ искренняго участія побесѣдовать съ вами. Не стѣсняйтесь, откройте мнѣ вашу скорбь. Можетъ быть, чрезъ меня грѣшнаго Господь и успокоитъ васъ и утѣшитъ васъ». Тронутая такимъ участіемъ человѣка, мнѣ совершенно незнакомаго, я горько заплакала, но ничего не могла сказать кромѣ одного: «я несчастная, лишняя на свѣтѣ!»— «Великій умъ Творца не могъ сотворить ничего лишняго».—отвѣчалъ батюшка. Указывая на ползущую по песку букашку, онъ продолжалъ: «посмотри, что безпомощнѣе, ничтожнѣе этаго насѣкомаго. Но и оно не лишнее, и оно приноситъ долю пользы, и оно не забыто и не оставлено Творцомъ! А ты, будучи человѣкомъ, этимъ любимымъ созданіемъ Божіимъ, отчаиваешься въ Его милосердіи! Повѣдай мнѣ скорбь свою, скажи, что случилось съ тобою». Тутъ я излила всю душу свою предъ добрымъ батюшкой. Мнѣ казалось, что еще никто такъ не утѣшалъ меня. Онъ казался мнѣ ангеломъ, посланнымъ Богомъ на спасеніе мое отъ гибели, до которой было уже мнѣ такъ недалеко. Съ искренней отеческой любовью онъ бесѣдовалъ со мной. Ободрялъ, утѣшалъ, указывалъ мнѣ путь жизни, которымъ я и иду до настоящаго времени, не переставая благодарить его. Имени своего онъ мнѣ не открылъ, назвавшись однимъ изъ соборныхъ священниковъ. Когда же, вернувшись домой, я разсказала о своей замѣчательной встрѣчѣ и бесѣдѣ съ какимъ-то священникомъ, мнѣ сказали, что это былъ, несомнѣнно, о. Іоаннъ. При этомъ они добавили: это дивный, святой человѣкъ».

Сегодня сороковой день кончины добраго батюшки.

Сегодня, по вѣрованію церкви, его душа предстала предъ Престоломъ Господа, нелицепріятнаго Судіи. Затеплимъ же въ нашихъ сердцахъ неугасимую лампадку въ память его и со всею силою вѣры воззовемъ къ Господу: Упокой, Боже милосердый, душу почившаго пастыря Твоего Іоанна со святыми! Да умножатся, по молитвамъ его предъ святымъ Престоломъ Твоимъ, въ странѣ нашей люди вѣры, да исчезнутъ изъ сердца нашего злоба и ненависть, и да возгорится любовь не превозносящаяся, и не гордящаяся, но милосердствующая и все покрывающая!

Н. Боголюбовъ.

Чувства христіанина при молитвенномъ поминовеніи о. Іоанна.

Сказанное предъ панихидою въ 40-й день поминовенія въ городѣ Ставрополѣ-Кавказскомъ въ Бозѣ почившаго отца Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Святая церковь не только всероссійская, можно сказать, вселенская, въ этотъ священный часъ нашей молитвы, молится о новопреставленномъ подвижникѣ церкви и земли русской въ жизни и дѣятельности по Христѣ, приснопамятномъ отцѣ Іоаннѣ, Кронштадтскомъ, богомольцѣ нашемъ и чудотворцѣ. Исполняется 40-й день поминовенія его послѣ блаженной его въ Бозѣ кончины.

И теперь тамъ—въ первопрестольномъ градѣ, въ святой обители инокинь, въ храмѣ-усыпальницѣ у пречестной гробницы съ останками почившаго, предстоятъ въ священнодѣйствіи Божественной литургіи первосвятители церкви русской съ сонмомъ іерарховъ. Приносится святѣйшая искупительная, умилостивительная, жертва Богу и Отцу—Святыя, пречистыя, животворящія Христовы тайны—Тѣло и Кровь Сына Божія о немъ, нашемъ новопреставленномъ молитвенникѣ предъ Богомъ, отцѣ Іоаннѣ. Святѣйшій Сунодъ и съ нимъ Правительствующій Синклитъ, князья и вельможи земли русской и великое множество вѣрныхъ Богу и церкви мірянъ различнаго званія и состоянія, богатые и бѣдные, всякъ полъ и возрастъ, молятся о немъ Богу.

Благочестивѣйшій Государь Императоръ съ Августѣйшей Семьей душею своею раздѣляютъ молитвы св. церкви и чадъ ея. *„Вмѣстѣ съ возлюбленнымъ народомъ Нашимъ, утративъ молитвенника нашего, Мы проникаемся непремѣннымъ желаніемъ дать достойное выраженіе сей совмѣстной скорби Нашей съ народомъ молитвеннымъ поминовеніемъ почившаго“*, возвѣстилъ съ высоты престола Самодержавный, первородный сынъ церкви, нашъ Благочестивѣйшій Государь Императоръ. *„Будучи“*, вопстинну *„и по собственному душевному влеченію и по силѣ Основныхъ Законовъ, первымъ блюстителемъ въ Отечествѣ Нашемъ интересовъ и нуждъ Церкви Христовой“*.

Единодушно молятся съ русской церковью о дорогомъ нашемъ отцѣ вселенскіе восточные патріархи съ своими церквами.

Да! Память праведнаго—съ похвалами! Именно *„Достойному—достойное“* воздается!

Полвѣка стоялъ *на божественной стражѣ* у стада

Христова, вначалѣ—малаго, потомъ—всея Россіи, и наконецъ—Вселенской церкви, отецъ нашъ, въ подвигѣ *„любвеобильнаго пастыря и благотворителя, любимаго народомъ молитвенника за Царя и отечество“*, по свидѣтельству Цареву.

Братья! Этимъ днемъ не ограничится и поминовеніе нынѣ новопреставленнаго нашего богомольца наставника и отца въ церкви Божіей. Нашъ Благочестивѣйшій Государь призываетъ церковь—народъ православный, по всѣму лицу земли русской: *„ознаменовать молитвеннымъ поминовеніемъ ежегодно день кончины о. Іоанна“. Да возрадуется же душа твоя о Господѣ, Церковь Божія!*

Братія! День кончины Великаго Всероссійскаго Пастыря—день печали только по внѣшнему — плотскому—человѣку; а по духу, братья! этотъ день — великій праздникъ вѣры и церкви. Ибо не словомъ только учительства церковнаго, Евангельскаго, а дѣломъ, великимъ трудомъ цѣлой святой жизни, почившій отецъ нашъ засвидѣтельствовалъ предъ Богомъ, предъ ангелами, предъ церковью небесной и земной, свою вѣру въ Бога, свою любовь къ Богу и людямъ. Вотъ кто именно по всей правдѣ можетъ сказать о себѣ апостольское слово: *подвигомъ добрымъ подвизался; теченіе скончалъ; вѣру сохранилъ;* заповѣдь любви во всей широтѣ къ Богу и человѣку исполнилъ! И всѣ мы всѣмъ сердцемъ вѣруемъ, убѣждены, надѣемся, *соблюдается ему* преславный, пресвѣтлый, *вѣнецъ правды, уготованный Господомъ всѣмъ, возлюбившимъ явленіе Его.*

Да! Въ этой кончинѣ, о други!—*смерти умерщвленіе!* Мы осязательно сознаемъ, чувствуемъ въ себѣ самихъ *иного житія вѣчнаго начало.* И для насъ, и для нашей вѣры, *лѣстница къ небеси* этотъ *гробъ бываетъ!*

Молимся Господу о немъ, нашемъ возлюбленномъ, во гробѣ почивающемъ отцѣ, переносясь мыслію отсюда къ дорогой намъ его могилѣ; возсылаемъ усердныя наши молитвы о упокоеніи души его, честно, праведно въ мірѣ семъ пожившей; а въ мысли, въ душѣ, невольно слагается, умная, сердечная, *молитва* уже *къ нему*, какъ это было во время оно и такъ недавно еще, когда мы лично просили его о молитвѣ предъ Богомъ, его ходатайства, чрезъ него ожидая благодатной помощи свыше. *Нѣсть Богъ*, о братья! *Богъ мертвыхъ; но Богъ живыхъ; ибо всѣ передъ Нимъ живы*, въ комъ жива вѣра *въ Бога живаго*, въ комъ есть жизнь духа. И смерть праведника только обновляетъ духовную жизнь и его и нашу; оживляетъ въ душѣ нашей его духовный ликъ; возгрѣваетъ вѣру; укрѣпляетъ въ сердцѣ *любовь*, *никогда неизсякающую*. Ибо, если въ дни земной жизни своей угодникъ Божій былъ нашимъ предстателемъ предъ Богомъ и, какъ *земный ангелъ* и *небесный человѣкъ*, съ земли досягалъ до неба, — то, освобожденный отъ узъ бренной плоти, духъ его еще могущественнѣе можетъ предстательствовать предъ Богомъ о насъ, заступленія его и помощи Божіей просящихъ чрезъ него.

Предъ нашими взорами совершались нашимъ почившимъ отцемъ многія чудныя дѣла милости Божіей страждущимъ въ явленіи благодатной помощи — исцѣленія недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ, немощи плоти и духа. *Источникъ исцѣленій* открылся уже, братья, и у гроба его и даже въ день погребенія его. Страждущая тяжкою болѣзнію мгновенно исцѣлена отъ недуга своего (№ 2-й, 1900 г., Родная рѣчь).

Да радуется же сердце наше, о братья! въ этотъ день помиповенія новопреставленнаго протоіерея отца Іоанна, въ молитвѣ о немъ предъ Богомъ, что въ наши

дни пожилъ *„великій свѣтильникъ церкви Христовой и молитвенникъ земли русской, всенародно чтимый пастырь и праведникъ отецъ Іоаннъ Кронштадтскій“*, какъ свидѣтельствуетъ на память вѣкамъ и народамъ Царь нашъ о немъ, пожившемъ и почившемъ во дни Его благочестивыя державы.

И еще—одно слово.

Въ нынѣшній день повсюду Архіереи, священники, предстоятъ предъ престоломъ Божіимъ, въ святыхъ алтаряхъ, въ молитвѣ предъ Богомъ о новопреставленномъ отцѣ Іоаннѣ; пѣвцы церковные поютъ утѣшительныя надгробныя пѣснопѣнія; служители слова, *слово плетуще, отъ словесъ сладкопѣнія* слагаютъ рѣчи и умомъ и сердцемъ приносятъ ихъ къ дорогому гробу. Исполнимъ и мы долгъ благовѣстія на спасеніе міра, въ служеніи миссіи церкви Божіей, при молитвѣ поминовенія почившаго отца.

Поминайте наставники ваша и взирающе на скончаніе жительства ихъ, подражайте вѣрѣ ихъ, заповѣдуетъ св. Апостолъ вѣрнымъ Христу Богу и Церкви Его.

Вонмемъ этому слову въ настоящій день съ особеннымъ вниманіемъ!

Братья—пастыри церковные! Нашъ праздникъ—день поминовенія усопшаго всероссійскаго пастыря! «Отецъ Іоаннъ былъ полнымъ и совершеннымъ воплощеніемъ идеала добраго пастыря. И если мы хотимъ быть *солью земли и свѣтомъ міра*, вождями народа въ царство Божіе, мы должны идти путемъ отца Іоанна—подражать ему и въ вѣрѣ, и въ благочестіи, и въ трудѣ, и въ терпѣніи и во всемъ». Къ сему призываетъ насъ, пастыри церковные! Царь нашъ, указуя въ немъ—почившемъ отцѣ Іоаннѣ *«на вѣчныя времена живой источникъ вдохновенія и будущихъ слу-*

Праведникъ Божій о. Іоаннъ Кронштадтскій съ игуменьей Таисіей, Леушинскаго монастыря.

жителей и предстоятелей алтаря Христова на святые подвиги многотруднаго пастырскаго дѣланія».

Православные люди! память нашего новопреставленнаго подвижника, великаго протоіерея Божія,— *зеліе вѣры утвержденіе;* предъ лицемъ всего міра— свидѣтельство священной правоты святой нашей вѣры—православной, святыни церкви православной. По всей Россіи и далеко за предѣлами ея, «извѣстно имя красы нашего священства, отца Іоанна, который являлся живымъ примѣромъ, живымъ показателемъ и свидѣтелемъ духовной силы и жизни и дѣйственности святой нашей православной церкви, которая воспитала въ нѣдрахъ своихъ, подъ кровомъ благодатной помощи свыше, такого великаго пастыря». *Да заградятся же уста, глаголющія неправедная* о церкви Божіей! *Да молчитъ всякая плоть человѣча!..* Душа русская! стряхни съ себя всю грязь ересей, расколовъ и сектъ, равнодушія къ вѣрѣ, невѣрія, безбожія! Обновись святынею вѣры и древле-православнымъ благочестіемъ отцевъ нашихъ! Братья! *тако да просвятится свѣтъ нашъ предъ человѣки, яко да видятъ наша добрыя дѣла и прославятъ Отца нашего, иже есть на небесѣхъ! Святися, святися Новый Іерусалиме*—первопрестольная столица отчизны нашей, Русь православная! *Слава бо Господня на тебѣ возсія!*

Юношество учащееся! и вамъ новопреставленный учитель церковный, отецъ Іоаннъ, *оставилъ образъ, да послѣдуете примѣру его.* «Постепенно образуя и развивая три душевныя силы — разумъ, сердце и волю, какъ образъ тричастной, созданной по образу Святой Живоначальной Троицы, души, я прошелъ», повѣствуетъ онъ, вспоминая милости Божіей къ нему; «при слабыхъ физическихъ силахъ три образовательныя и воспитательныя школы: низшую, среднюю и

высшую». И вы, юныя други, съ любовью изучая все множество наукъ — богословскихъ, философскихъ, историческихъ, по естествовѣдѣнію, и другимъ отраслямъ знанія, стремитесь постигнуть *единое на потребу* для жизни, *что есть благоугодно передъ Богомъ*, чтобы стать добрыми гражданами не земли только но и неба, а лжемудрованія лженменнаго разума о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, взимающагося на разумъ Божій, оставьте, какъ не полезныя ни для сей ни для будущей жизни!

Братья! «Небо духовное православной церкви загорѣлось еще одной звѣздой, въ сонмѣ угодниковъ Божіихъ,—предсталъ предъ Богомъ еще одинъ о насъ молитвенникъ». Сколько въ этомъ одномъ намъ, въ разлукѣ нашей съ нашимъ отцемъ, ушедшемъ отъ насъ въ міръ горній, *Христова утѣшенія! Не будемъ же скорбѣть, якоже не имущіе упованія!*

Братья! Почившій служитель церкви Божіей новопреставленный отецъ Іоаннъ—воистину былъ отцемъ въ молитвѣ, въ любви, въ вѣрѣ, въ священнодѣйствіи. Любвеобильное сердце его, какъ сердце отца, открыто было одинаково для всѣхъ. Помолимся же и мы всѣ, во главѣ съ Архипастыремъ нашимъ, о немъ, возлюбленномъ нашемъ, сокровищѣ церкви нашей и отчизны, новопреставленномъ отцѣ Іоаннѣ, *да Святымъ Духомъ душа его живится и чистотою возвышается* въ селеніи святыхъ, въ сонмѣ ангеловъ, къ престолу Божію *во еже ходатайствовати о насъ*, въ пресвѣтлый рай Господень, въ царство славы на блаженство жизни нескончаемой во вѣки вѣковъ. Аминь.

Епархіальный миссіонеръ-проповѣдникъ Ставропольской епархіи,

Протоіерей **Симеонъ Никольскій.**

Слово, сказанное въ Житомірскомъ каѳедральномъ соборѣ 21 октября 1905 года.

Мы собираемся, братіе, въ храмъ для молитвы и для назиданія. Сегодняшнюю молитву мы уже приводимъ къ окончанію, а назиданіе желаю вамъ предложить особенное, необычное. Раньше вы слышали поученія объ усопшихъ святыхъ, а нынѣ поучитесь примѣру здравствующаго праведника.

Кто были праведники древности? Сперва св. мученики, а затѣмъ, послѣ торжества христіанства при Константинѣ Равноапостольномъ, Господь сталъ являть Церкви Своихъ угодниковъ преимущественно двухъ родовъ: во первыхъ — преподобныхъ отшельниковъ, а въ вторыхъ — святителей и Царей. Тѣ и другіе и третьи распяли себя міру ради Христа, умертвили плоть и совлеклись ветхаго человѣка. Первые достигали сего, удаляясь въ пустыню или въ затворъ, предаваясь молитвѣ, богомыслію, посту и бдѣнію, а вторые умерщвляли себя, воспринимая въ свое сердце жизнь своей паствы, своихъ подданныхъ, и чрезъ то умерщвляли въ себѣ всякую личную жизнь, всякое движеніе ветхаго человѣка. Они могли говорить вмѣстѣ съ божественнымъ апостоломъ: *„Я каждый день умираю: свидѣтельствуюсь въ томъ похвалою вашею, братія, которую я имѣю во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ“* (Коринѳ. 15, 31). *„Дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ!“* (Галат. 4, 19).

Итакъ, та самая власть, которая столькихъ людей подчиняетъ духу гордыни и тщеславія, доставаясь въ удѣлъ душамъ возвышеннымъ, и благороднымъ, возноситъ ихъ на такую же степень самоотверженія, которой достигали пустынники и постники. Это именно

тѣ представители власти, которые взирали на нее согласно съ Господнею заповѣдью: *„Царіе языкъ господствуетъ ими, и обладающіи ими благодателе нарицаются. Вы же не тако: но болій въ васъ, да будетъ яко мнѣй: и старѣй, яко служай“* (Лук. 22, 25—26).

Такимъ именно правиломъ руководствовался въ своей жизни и нашъ возлюбленный Государь Николай Александровичъ.

Итакъ слово будетъ о Царѣ.

Да, о Немъ, о нашемъ возлюбленномъ Монархѣ. Пора мнѣ сказать о Немъ, братіе; ибо въ то время, когда самодержавіе у насъ хранилось непоколебимымъ и по царскимъ днямъ во всѣхъ соборахъ столичныхъ и губернскихъ городовъ раздавались пышныя похвалы самодержавію и Самодержцамъ—Александру III и Николаю II, я предпочиталъ говорить о словахъ св. Евангелія, читавшихся въ тѣ дни, о Николаѣ Чудотворцѣ. объ Александрѣ Невскомъ, Маріи Магдалинѣ, о Праведномъ Іовѣ, о Преподобномъ Иларіонѣ и о другихъ святыхъ, коимъ творилась память, ибо боялся я отступить отъ глагола Давидова: *„да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ, за словеса устенъ Твоихъ азъ сохранихъ пути жестоки“* (Пс. 16, 4). Но съ тѣхъ поръ, какъ враги Россіи стараются поколебать самодержавіе, нашъ долгъ открывать вамъ глаза на истинное положеніе дѣлъ, особенно, когда оно является для насъ столь обильнымъ источникомъ назиданія.

Сегодня окончился одиннадцатый годъ царствованія нашего Монарха и настаетъ двѣнадцатый годъ съ нѣсколько измѣнившимися условіями правленія, обозначенными въ послѣднемъ манифестѣ. Оглянитесь же, русскіе люди, на сей закончившійся первый періодъ царствованія нашего Государя, оглянитесь

на себя, насколько вы за это время оправдали данную вами предъ крестомъ и Евангеліемъ присягу, и нынѣ, когда густая тьма безсовѣстной лжи и разнузданнаго себялюбія обложила небосклонъ нашей жизни, воззрите мысленно на Того, Кому такъ мало вы подражали въ добродѣтели и Кому столь неблагодарными оказались многіе.

Нашъ Государь вступилъ на отеческій престолъ въ юномъ возрастѣ, но оказался мудръ предъ искушеніями власти. Большею частью цари и другіе высокіе начальники, достигая власти, стараются о томъ, чтобы сразу выдвинуть предъ глазами всѣхъ свою личность въ противовѣсъ личности предшественника, чтобы показать ожидаемыя преимущества своего управленія сравнительно съ предшественникомъ. Они смѣняютъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, а особенно тѣхъ, которые были преданы прежнему властителю, и поощряютъ тѣхъ, которые были имъ обижены. Подобные пріемы дѣйствій особенно свойственны государямъ молодымъ, какъ это и было при первыхъ царствованіяхъ въ народѣ библейскомъ.

Не такъ, совсѣмъ не такъ поступилъ нашъ, тогда еще юный Государь, сдѣлавшись властителемъ величайшаго въ мірѣ царства. Онъ обѣщалъ слѣдовать во всѣмъ примѣру и указаніямъ своего въ Бозѣ почившаго родителя и постоянно ссылался на его авторитетъ. Онъ сохранилъ при себѣ его совѣтниковъ и не только не старался о томъ, чтобы выдвигать самолюбиво свою личность, но, напротивъ, постоянно смирялся предъ своимъ Отечествомъ, испытывалъ свою сердечную привязанность къ старинной Москвѣ и первый изъ русскихъ императоровъ не усрамился распространять свои изображенія въ старинной русской одеждѣ.

Смиреніе, эта первая заповѣдь Евангелія, эта первая ступень изъ девяти блаженствъ, черезъ которыя открывается вамъ Господень рай—сколь рѣдкая, сколь цѣнная эта добродѣтель въ нашъ горделивый, изолгавшійся вѣкъ! И если мы справедливо цѣнимъ ее такъ высоко среди простыхъ смертныхъ, то какъ она вожделѣнна въ могущественнѣйшемъ Императорѣ.

Учись же, русскій народъ, у твоего Царя этой великой мудрости быть смиреннымъ, ибо въ этомъ великая мудрость: тотъ уже мудрецъ, кто смирилъ свое сердце, а пріобрѣтающій много познаній, но пребывающій въ ослѣпленіи гордыни, рано или поздно обнаружитъ свое безуміе. Сильная воля и быстро воспринимающій умъ, если они лишены смиренномудрія, не могутъ быть полезными для ближнихъ, но всюду вносятъ разстройство и неправду, и разрушаютъ одною рукою то, что созидали другою.

Какъ-же сохранить въ себѣ духъ смиренномудрія? Какъ сохранилъ его въ себѣ нашъ Государь? Хранить такой духъ можетъ лишь тотъ, кто боится Бога, кто всѣмъ сердцемъ вѣритъ во Христа, кто благоговѣетъ предъ святыми угодниками.

И сему учитесь у своего Царя, русскіе люди!

Нашъ Государь началъ царствовать въ сегодняшній день 21-го октября, причастившись въ храмѣ святыхъ Тайнъ Тѣла и Крови Христовой. Вторично причастился Онъ Божественныхъ Тайнъ черезъ три недѣли, въ день бракосочетанія. Сіе необычно земнымъ царямъ, которыя хотя и стараются всегда показать, что они не чужды вѣры въ Бога, но весьма опасаются прослыть слишкомъ благочестивыми, ибо это не очень нравится европейскимъ народамъ, а Господню слову о томъ, что невозможно вмѣстѣ работать Богу и мамонѣ, они не придаютъ значенія. Такая раздвоенность

совершенно чужда нашего Монарха: Слава Божія являлась главнымъ направляющимъ началомъ Его дѣятельности. Ревнуя о прославленіи святыхъ угодниковъ съ тѣмъ же безкорыстнымъ упованіемъ, съ какимъ относится къ нимъ народное сердце, Онъ съ радостью разрѣшилъ открытіе мощей святаго Ѳеодосія Черниговскаго въ годъ своей коронаціи, а затѣмъ самъ приложилъ старанія къ тому, чтобы провозглашена была Церковью святость другого угодника Божія — Преподобнаго Серафима Саровскаго. Но и на семъ не успокоилось сердце Царево: оно повлекло Его съ царицей Супругой и съ царицей Матерью въ далекую Саровскую пустынь и понудило Его собственными руками поднять священный гробъ Чудотворца и вмѣстѣ со своимъ народомъ, собравшимся туда въ количествѣ трехсотъ тысячъ, проливать слезы умиленія, открывать свою совѣсть смиренному духовнику-монаху и причащаться Святыхъ Тайнъ у одной чаши съ простолюдинами.

Слышалъ ли ты что-либо подобное, о русскій народъ, за послѣднее столѣтіе и болѣе? Часто ли встрѣчалъ такую силу вѣры среди людей знатныхъ и богатыхъ, и укажешь ли мнѣ во всей вселенной нѣчто подобное въ жизни царей, именующихъ себя христіанскими? Учись же у своего Царя вѣрѣ и умилснію и молитвѣ. Учись, ибо силу этой молитвы засвидѣтельствовалъ Угодникъ Божій Серафимъ, даровавъ нашему Царю давно желаннаго Сына и Наслѣдника, ровно черезъ годъ по возвращеніи его изъ святой обители.

Искреннее благочестіе остается неполнымъ, если не украшается любовью и состраданіемъ къ ближнимъ. И сію любовь нашъ Государь проявилъ въ первые же мѣсяцы по своемъ воцареніи, когда по примѣру

Праведникъ Божій о. Іоаннъ Кронштадтскій.

всероссійскаго праведника, отца Іоанна Кронштадтскаго, началъ повсюду учреждать дома трудолюбія для бѣдныхъ; ибо именно въ этомъ нуждается городская бѣднота, тогда какъ простое разбрасываніе милостыни поощряетъ тунеядство и пьянство. И если бы въ этомъ нашъ народъ учился у Царя, то сколько бы было отерто слезъ бѣдняковъ, сколько остановлено вздоховъ ропота во время безработицы, сколько удержано отъ паденія! Но—увы!—у насъ любятъ только говорить о страданіи несчастныхъ, а оказывать имъ дѣйствительную помощь никто не хочетъ.

Нашъ Государь желая распространить свое примиряющее доброжелательное настроеніе на весь міръ, созвалъ правительства всѣхъ народовъ на Гаагскую конференцію для обсужденія мѣръ къ полному прекращенію международныхъ войнъ или, по крайней мѣрѣ, къ возможному ихъ облегченію. Достигнуть перваго конечно было невозможно, ибо, по слову Господню, войны не только прекратятся, но весьма умножатся къ концу временъ; но все-таки эта конференція въ значительной степени облегчила жестокости и коварство военныхъ столкновеній между народами. Такое столкновеніе, и при томъ весьма неудачно для своего отечества, пришлось перенести и нашему Государю, и сія неудача зависѣла въ значительной степени отъ того, что духъ нашего Монарха до такой степени былъ чуждъ военнаго задора, что онъ и другія правительства считалъ миролюбивыми, а потому Россія подверглась нападенію японцевъ совершенно неподготовленной.

Однако, не любя войны, какъ любитъ нашъ Государь Своихъ воиновъ! Благодаря этой войнѣ, Его удостоились видѣть многочисленные захолустные уголки нашей отчизны, которые раньше не видѣли не только

Высочайшихъ Особъ, но даже министровъ, ибо опять нѣчто новое и необычайное для царей совершаетъ нашъ Монархъ: взявъ св. иконы, онъ объѣзжаетъ всю нашу необъятную страну, чтобы лично благословить всѣ свои вѣрные полки, чтобы своею царскою нѣжною лаской ободрить всѣхъ своихъ воиновъ.

Учись же, русскій народъ, у своего Царя любви къ меньшей братіи, учись любить *„не словомъ или языкомъ, но дѣломъ и истиною“* (1 Іоанна 3, 18).

Послѣдніе годы своего царствованія Государь ознаменовалъ довѣріемъ къ доброму сердцу и къ разуму русскаго населенія, и вотъ оно, не освоившись съ новыми порядками жизни, теперь повсемѣстно бушуетъ. Не наше дѣло обсуждать, насколько подходятъ сіи порядки къ современной Россіи, ибо говорю вамъ о Царѣ-человѣкѣ и христіанинѣ, а не о дѣлахъ государственныхъ; но ясно для меня то, что духъ нашего Государя не склоненъ требовать послушанія за страхъ, но за совѣсть, что, имѣя самъ душу чистую, Онъ вѣритъ и въ другихъ людей и поступаетъ согласно такому довѣрію.

Учись и сему, русскій человѣкъ, у своего Государя; старайся о томъ, чтобы все меньше и меньше добиваться добрыхъ цѣлей черезъ страхъ и принужденіе, и не переставай взывать къ разуму и къ совѣсти твоихъ ближнихъ. Насколько сіе удобоосуществимо въ дѣлахъ государственныхъ, о семъ говорить мы не рѣшаемся, но тѣ, которые связаны съ ближними властью, личными отношеніями, т. е. родители, учителя и хозяева, пусть знаютъ, что только тогда они достигли своего назначенія, когда не за страхъ, а за совѣсть повинуются имъ дѣти, ученики и подчиненные служащіе. Въ этомъ заключается истинный, сочувствія достойный либерализмъ, а не-

какъ не въ томъ предосудительномъ и пакостномъ безразличіи къ добру и злу, не въ томъ безнравственномъ расширеніи правъ молодого поколѣнія, благодаря которому недавно перестали учиться ученики и ученицы нашей средней школы и предаются нынѣ уличнымъ безчинствамъ, а высшая школа уже пять лѣтъ не учитъ и не учится, а лишь проѣдаетъ, пропиваетъ и проигрываетъ казенные оклады и стипендіи.

Итакъ, смотри же, русскій народъ, сколькимъ добродѣтелямъ могъ бы ты научиться у своего Государя,— и сколь далеко ты отступилъ отъ нихъ. Говорить ли еще о томъ, что Его семейство является однимъ изъ немногихъ безупречныхъ семействъ въ современномъ обществѣ? Говорить ли о Его отзывчивости, щедрости, простотѣ и правдивости.

Или лучше сказать о томъ, сколь неблагодарною оказалась Ему современная просвѣщенная Россія, о томъ, какъ безотвѣтны будутъ предъ Богомъ присягавшіе Ему въ свое время нынѣшніе крамольники, ибо если Божественный Духъ повелѣваетъ повиноваться *„владыкамъ не только благимъ и кроткимъ, но и строптивымъ“* (1 Петр. 2, 18), то какая кара ждетъ тѣхъ, которое возстали на благостнѣйшаго и кротчайшаго изъ русскихъ царей? Они подобны врагамъ Христовымъ, которые въ тѣмъ большую приходили ярость, чѣмъ болѣе свѣтилась кротость и незлобіе нашего Спасителя.

Впрочемъ, не одни только прямые мятежники и забастовщики виноваты предъ нашимъ Государемъ: виноваты и всѣ тѣ, кто недостаточно смѣло имъ противился, кто своимъ невниманіемъ и небреженіемъ прямо или косвенно помогалъ развиваться крамолѣ.

Но теперь, когда она открыто безчинствуетъ въ

нашихъ городахъ, когда нагло заглушастъ своими выходками всю русскую землю, когда она плюетъ тебѣ въ глаза, о родная Русь, — теперь стыдомъ и раскаяніемъ исполнены сердца наши. Теперь мы понимаемъ, какъ должны были мы беречь Тебя, о вождѣленный нашъ Государь, теперь мы понимаемъ, что Ты одинъ, Ты и никто болѣе, надежный щитъ нашей растерзанной Родины, и Твои враги суть злѣйшіе враги Россіи.

О, Государь! если бы Ты зналъ, какъ безраздѣльно преданъ Тебѣ Твой народъ и лучшіе люди общества.

О, Государь! если бы Ты зналъ, сколько милліоновъ русскихъ сердецъ дали бы себя изрѣзать на мелкіе кусочки за Тебя, за Твое благополучіе.

Тогда бы Ты утѣшился въ эту тяжелую годину испытанія; тогда бы Ты увѣрился въ томъ, что не растлился еще Твой народъ, въ томъ, что подъ плѣсенью, покрывшею часть верхней поверхности нашей жизни, бьется здоровое народное сердце, бьется оно любовью къ Тебѣ, нашему красному солнышку.

О, братіе, дай Богъ, чтобы Царь удостовѣрился въ этомъ: тогда, быть можетъ, и Его кроткое сердце найдетъ въ себѣ силы къ тому, чтобы простить Своихъ неблагодарныхъ и легкомысленныхъ поддапныхъ и не замкнуться для нихъ навсегда. Молитесь объ этомъ, русскіе люди, ибо если будетъ такъ, то и Господь не отвергнется отъ насъ за премногія наши беззаконія, но если долготерпѣніе царственнаго праведника истощилось, и Онъ въ своемъ сердцѣ прокляпетъ насъ, то этотъ вопль праведника достигнетъ неба и низведетъ на насъ проклятіе Божіе, какъ говорилъ Господь Моисею, и тогда ужъ никто не спасетъ русскую землю отъ конечной погибели, въ которую стараются вовлечь ее внутренніе враги.

Молитесь, братіе, о своемъ Царѣ, чтобы Господь хранилъ Его благополучнымъ и благодушнымъ; молитесь, братіе, о себѣ, чтобы Господь научилъ васъ подражать Его добродѣтелямъ, Его смиренномудрію, Его благочестію, Его миролюбію, Его братолюбію, Его долготерпѣнію, Его всепрощающей любви. Молитесь, чтобы Богъ укрѣпилъ насъ непоколебимо исполнять данную нами клятву въ вѣрности Ему, чтобы оградилъ насъ отъ искушенія предательства Іудина, чтобы избавилъ Россію отъ лукаваго демона мятежей и крамолы. Аминь.

Архіепископъ **Антоній.**

Рѣчь архіепископа Сергія

при встрѣчѣ вновь назначеннаго Финляндскаго Генералъ-Губернатора В. А. Бекмана въ гельсингфоргскомъ Успенскомъ соборѣ 15-го февраля 1908 г.

«Ваше Высокопревосходительство.

Подъ сѣнію нашего святого храма, въ кругу знакомой Вамъ православной русской семьи, усердно привѣтствуемъ Васъ съ прибытіемъ сюда въ званіи Финляндскаго Генералъ-Губернатора, непосредственнаго представителя нашего Государя...

Не хотимъ мы оскорблять Вашего слуха какими-нибудь ничтожными поздравленіями съ служебнымъ повышеніемъ: не тѣмъ теперь полна Ваша душа и души близкихъ къ Вамъ. Мы приносимъ Вамъ наше искреннее сердечное сочувствіе по случаю столь великаго и крайне отвѣтственнаго жребія, выпавшаго на Вашу долю. Мы приносимъ Вамъ наши молит-

Дорогой батюшка о. Іоаннъ Кронштадтскій среди иноковъ Леушинскаго монастыря.

венныя пожеланія, да сохранитъ Васъ Господь, прежде всего, цѣлымъ и невредимымъ отъ всякихъ козней вражіихъ и да поможетъ Вамъ оправдать возложенное на Васъ высокое довѣріе и осуществить все то, чего ожидаютъ отъ Васъ и Царь, и родина, и въ чемъ заключается вѣрный залогъ матеріальнаго и духовнаго благоденствія здѣшняго финскаго народа. Да дастъ Вамъ Богъ показать и словомъ и дѣломъ, что есть Божіею милостію Самодержавный Царь на святой Руси, власть котораго одинаково сильна и законна отъ Камчатки до Аландскихъ острововъ; но что у нашего Царя пѣтъ пасынковъ; что подъ крыльями русскаго орла одинаково тепло и уютно всѣмъ, кто вѣренъ присягѣ и долгу; что русскій народъ на своей землѣ никому, никакому народу не мѣшаетъ жить по своему, лишь бы эти народы желали жить въ мирѣ, помня что «Вышній владѣетъ царствомъ человѣческимъ и кому хочетъ дастъ его» (Дан. IV, 14). Пусть Вашъ мечъ, непреклонно и неподкупно грозный всѣмъ измѣнникамъ, всѣмъ ослушникамъ закона, будетъ надежной опорой для всякаго добраго начинанія, всегда готовой защитой для всѣхъ ищущихъ правды, для всѣхъ обиженныхъ...

Вы должны быть всѣмъ для всѣхъ. Но я, какъ православный архіерей, какъ архіепископъ не только Финляндскій, но и Выборгскій, беру смѣлость обратить Ваше вниманіе на востокъ, къ тому краю Вашей области, гдѣ живетъ большая половина моей паствы. Тотъ край по своему прошлому — не то, что — Финляндія. Та земля искони составляла державную собственность русскаго народа; она вся полита кровью русскихъ воиновъ и русскихъ мучениковъ за православную вѣру; она вспоена слезами сотенъ и тысячъ русскихъ подвижниковъ, кстати и гробы которыхъ

разсѣяны по всему побережью Ладожскаго озера. Тамъ, наконецъ, есть то, чего нѣтъ, не можетъ и не могло никогда быть въ Финляндіи: тамъ стоятъ два русскихъ монастыря, Валаамскій и Коневскій. Много имъ пришлось пережить за свою исторію; нѣсколько разъ они были разоряемы до основанія; но они возродились и теперь стоятъ тамъ, какъ живые и неизгладимые свидѣтели того, кому принадлежала та земля, чѣмъ она жила и къ чему готовилась. Народъ тамошній и вѣрой, и симпатіями, и всей своей исторической судьбой неразрывно, кровно былъ связанъ съ русскимъ народомъ и жилъ съ нимъ жизнію. Но... Богу угодно было, чтобы эта кровавая связь была искусственно разорвана, и въ слѣдующемъ году будетъ уже сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ народъ тотъ и земля отданы чужеземному правительству... Вспоминаю я объ этомъ не для того, чтобы пожаловаться на судьбу, или чтобы сказать, что моимъ пасомымъ тяжко живется. Я хочу только засвидѣтельствовать предъ Вами, что несмотря на этотъ почти столѣтній плѣнъ, несмотря на всѣ старанія изгладить изъ памяти народной прошлое, народъ тотъ, ядро этого народа до сихъ поръ не забылъ этого прошлаго; до сихъ поръ для него Россія не сосѣдняя чужая страна, а святая родина, на которой покоются всѣ его лучшія упованія; до сихъ поръ для нихъ Русскій Царь не какой-нибудь чужеземный завоеватель, даже смѣю сказать, не Великій Князь Финляндскій, а ихъ подлинный природный, Богомъ данный Царь-Государь... И вотъ я прошу: да будетъ въ сердцѣ представителя Русскаго Царя мѣсто и для этихъ, увы, бывшихъ русскихъ людей, для этихъ сиротъ, съ кровью оторванныхъ отъ ихъ духовной матери. Пусть они найдутъ въ Васъ заботливаго начальника, въ своихъ

нуждахъ защитника ихъ законныхъ интересовъ тамъ гдѣ такая защита понадобится...

Да благословитъ же Васъ Господь и да даруетъ Вамъ мудрость и силу и мужество въ этой окраинѣ Россіи быть вѣрнымъ представителемъ Единаго Хозяина единой Русской земли».

Слово въ день тезоименитства приснопамятнаго Протоіерея Іоанна Ильича Сергіева, произнесенное предъ панихидой въ Кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ 19 октября 1909 года.

Нынѣ мы празднуемъ тезоименитства почившаго приснопамятнаго Протоіерея о. Іоанна Сергіева. Какъ много православныхъ людей стекалось въ прошлые годы къ этому дню въ Кронштадтъ отовсюду, и изъ близкаго Петербурга и изъ далекой Восточной Сибири!.. Всѣ они считали для себя священнымъ долгомъ почтить день тезоименитства знаменитаго Всероссійскаго пастыря и переживали высокое духовное наслажденіе въ молитвенномъ общеніи съ дорогимъ именинникомъ. Въ этотъ день приснопамятный пастырь совершалъ торжественную литургію въ сослуженіи многочисленнаго сонма прибывавшихъ отовсюду на торжество священнослужителей. Послѣ литургіи дорогой именинникъ выходилъ на этотъ амвонъ и говорилъ глубоко одушевленное поученіе.

Вотъ и теперь мы празднуемъ тезоименитство знаменитаго всероссійскаго молитвенника, но самого дорогого именинника съ нами здѣсь нѣтъ... Онъ отошелъ на небо, къ престолу Царя Славы!... Когда онъ въ этотъ день при своей жизни говорилъ поученіе, то, проникнутый глубокимъ христіанскимъ смиреніемъ,

совсѣмъ не касался своей личности и нисколько не упоминалъ о ней, а говорилъ исключительно о жизни и подвигахъ своего тезоименитаго святого Іоанна Рыльскаго.

Но теперь, когда нашъ дорогой именинникъ переселился на небо, мы будемъ говорить именно о немъ, о томъ, какъ онъ въ своей жизни и дѣятельности осуществлялъ завѣты древнихъ великихъ свѣтильниковъ христіанства. Конечно, прославленный на небѣ знаменитый всероссійскій пастырь не нуждается въ похвалахъ насъ, малыхъ людей, но мы, почтивъ вчера память преп. Іоанна Рыльскаго *), для собственнаго нашего назиданія и душевнаго спасенія должны съ благоговѣйнымъ вниманіемъ остановиться на жизни и дѣятельности и приснопамятнаго о. Іоанна.

Благоговѣйно вематриваясь въ духовный обликъ почившаго пастыря, невольно изумляешься богатству его подвиговъ и добродѣтелей. Подобно цвѣтущей долинѣ, украшенной роскошными благоухающими цвѣтами, жизнь почившаго была украшена многими подвигами и добрыми дѣлами. Вспомнимъ его благотворительность, кротость, смиреніе, усердныя молитвы и т. д., и т. д., но легко замѣтить одну основную добродѣтель, то главное начало, изъ котораго, какъ изъ корня, развились и процвѣли всѣ остальные подвиги и добрыя дѣла приснопамятнаго о. Іоанна. Это - его глубокая, благоговѣйная вѣра въ тайны Божіи. Правда, почившій имѣлъ высшее богословское образованіе, но оно у него лишь служило для уясненія и усвоенія истинъ вѣры, оно у него не только не вступало въ борьбу съ вѣрой, а, наоборотъ, ей

*) Наканунѣ была всенощная, на которой съ заупокойнымъ „парастасомъ“ въ память почившаго о. Іоанна было соединено и обычное Богослужебное прославленіе тезоименитаго ему святаго Преп. Іоанна Рыльскаго.

подчинялось, ею питалось и на ней держалось, какъ держится вѣтка прикрѣпленная къ могучему стволу дерева. Вѣра почившаго была удивительно ясная, строго православная, кристально чистая, можно сказать дѣтская, довѣрчивая, младенческая вѣра, какую дай Богъ намъ съ вами, возл. слуш., имѣть, такая вѣра, которая въ своихъ глубинахъ переходитъ въ слiяніе съ благодатію Божіей, съ чистыми небесными духами, а во внѣ проявляется въ дивныхъ подвигахъ знаменіяхъ и чудесахъ... Эта вѣра, проникавшая все существо приснопамятнаго пастыря, привлекла къ нему обильную благодать Божію, озарила его всю жизнь и сдѣлала его великимъ свѣтильникомъ православія, по своей жизни, подвигамъ и чудесамъ напоминавшимъ древнихъ свѣтильниковъ церкви Божіей. Въ наше время, омраченное мглою невѣрія и лжеученій, Господу Богу угодно было воздвигнуть великаго праведника, который, подобно свѣтлому маяку озарялъ бы наше туманное и бурное житейское море, воздвизаемое напастей бурею. Представьте себѣ картину храма въ ночь предъ пасхальною заутреней, когда храмъ еще не освѣщенъ и иконостасъ тонетъ въ полумракѣ. Но вотъ загораются свѣчи и иконы озаряются свѣтомъ, лики святителей, мучениковъ и преподобныхъ, въ золотыхъ ризахъ выступаютъ во всемъ блескѣ, какъ-бы нисходятъ съ неба на землю и вмѣстѣ съ молящимся объединяются въ свѣтлой радости Христова Воскресенія... Приснопамятный пастырь о. Іоаннъ и былъ тѣмъ могучимъ, лучезарнымъ свѣтильникомъ, который наглядно въ своей жизни воспроизвелъ и какъ-бы воскресилъ предъ современнымъ обществомъ, омраченнымъ невѣріемъ и суемудріемъ, чудеса и подвиги святыхъ, о которыхъ мы привыкли читать въ Четь-Минеяхъ и въ достовѣрности которыхъ

нашъ развращенный вѣкъ склоненъ сомнѣваться, Великій чудотворецъ, приснопамятный Кронштадтскій пастырь во очію предъ всѣмъ человѣчествомъ своими великими подвигами и чудесами засвидѣтельствовалъ истинно стьяовѣствованій о житіи и чудесахъ святыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ мощно подтвердилъ также истинность православной вѣры, которою укрѣплялись и за которую подвизались угодники Божіи.

Всероссійскій чудотворецъ прославился и своими молитвенными подвигами. Его усердная и пламенная молитва какъ чистый ѳиміамъ кадильный возносилась къ престолу Божію и, будучи тѣсно связана съ строго подвижническою жизнью, была особенно угодна и пріятна предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, проникала чрезъ преграду, отдѣляющую горній міръ отъ дальняго, привлекла къ нему и на всѣхъ, за кого онъ молился, благодать Божію и подобно солнечнымъ лучамъ, сіяющимъ изъ тонко-прозрачныхъ облаковъ, проявляла свою силу и свой плодъ многочисленными чудотвореніями въ области духа и тѣла, исцѣляя недуги духовные и тѣлесные всѣхъ съ вѣрою притекающихъ къ нему.

Мы будемъ здѣсь говорить о силѣ молитвъ приснопамятнаго пастыря не за отдѣльныхъ лицъ, но о его молитвахъ за всю Россію. Всякій, православный пастырь обязанъ молиться не за себя только и не за отдѣльныхъ лишь ему вѣдомыхъ лицъ, но и за «цѣлый міръ» (св. Іоаннъ Злат.), а особенно за всю православную Россію. Этотъ пастырскій долгъ возношенія къ Господу Богу молитвъ о православномъ Россійскомъ Государствѣ особенно ревностно исполнялся почившимъ приснопамятнымъ пастыремъ. О. Іоаннъ съ своемъ пастырскомъ, молитвенно пламенѣющимъ сердцѣ обнималъ и носилъ всю Россію и усердно молилъ Гос-

пода о ниспосланіи ей земныхъ и небесныхъ благъ. И молитва дивнаго пастыря не была безплодна. Годы его наиболѣе цвѣтущей ревности дѣятельности, когда силы у о. Іоанна еще не были надломлены тяжелымъ недугомъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ эпохою цвѣтущаго состоянія Россіи при покойномъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III. Государь Императоръ Александръ III-й былъ могучею не только политическою, но и церковною, духовно нравственною силою русскаго народа. Не будемъ перечислять здѣсь его многочисленныхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ,—напомнимъ здѣсь о его великихъ заслугахъ для православія, вспомнимъ Его заботы объ улучшеніи быта духовенства, о религіозномъ просвѣщеніи простого народа черезъ церковно-приходскія школы, заботы о распространеніи православія среди язычниковъ имперіи и т. д. Великая ревность Благочестиваго Монарха Императора Александра III о православной вѣрѣ, о распространеніи религіознаго просвѣщенія среди народа была увѣнчана великой наградой отъ Самого Царя неба и земли, Господа Вседержителя; во время одного путешествія, предпринятаго Монархомъ для пользы государства. Господь силъ и Царь славы явилъ ему особое безпримѣрное знаменіе Своего Промысла, сохранивъ Его и Его Августѣйшую семью невредимыми среди великой опасности. Воистинну Господь дивно вѣнчалъ Его оружіемъ Своего благоволенія! Конечно, жизнь русскаго Государя, какъ Помазанника Божія, всегда находится подъ покровомъ Промысла Божія. Въ жизни каждаго русскаго Царя мы найдемъ много фактовъ дивнаго Божественнаго Промыслительнаго попеченія, но вышеупомянутое спасеніе 17-го октября 1888 г. Императора Александра III-го и Его Августѣйшей семьи при крушеніи поѣзда отъ неминуемой опасно-

Великій праведникъ Божій, дорогой Батюшка о. Іоаннъ Кронштадтскій.

сти есть великое и безпримѣрное чудо, особо выдѣляющееся среди другихъ дивныхъ знаменій Божественнаго Промысла къ русскимъ Царямъ. Посему то и Церковь Православная ежегодно вспоминаетъ это чудо особымъ торжественнымъ Богослуженіемъ. Это безпримѣрное чудо совершилось именно въ годы пастырской дѣятельности и молитвы о. Іоанна за всю Россію, и можно ли сомнѣваться въ томъ, что это дивное знаменіе, будучи плодомъ молитвъ, за Царя возносимыхъ отъ всей Россіи, отъ всѣхъ Русскихъ пастырей, паипаче было знаменіемъ угодныхъ предъ Богомъ молитвъ за Россію, возносимыхъ дивнымъ Кронштадтскимъ пастыремъ?! Самъ Благочестивѣйшій Государь Императоръ Александръ III съ благоговѣніемъ относился къ молитвеннымъ подвигамъ Кронштадтскаго пастыря и высоко цѣнилъ ихъ. Предъ своею кончиною онъ вызывалъ приснопамятнаго пастыря въ Ливадію и почерпалъ великое духовное утѣшеніе въ совмѣстныхъ съ нимъ молитвахъ. По кончинѣ Государя Императора Александра III-го, о. Іоаннъ еще 9 лѣтъ ревностно подвизался и молился за Россію и эти 9 лѣтъ Россія наслаждалась миромъ и спокойствіемъ. Но вотъ старческія силы знаменитаго пастыря отъ непрерывныхъ безпримѣрныхъ трудовъ стали ослабѣвать и изнемогать: въ 1904 г. его постигла тяжкая болѣзнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ заболѣла, занемогла и вся Россія. Началась тяжелая русско-японская война и рядъ внутреннихъ смутъ. Послѣдніе годы жизни о. Іоанна были годами болѣзни и ослабленія его утружденнаго подвигами организма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Россія за эти годы переживала тяжелое разслабленіе всего государственнаго организма, революціонную смуту и т. д. Но вотъ послѣдовала и блаженная кончина о. Іоанна. Уже пѣтъ его здѣсь съ нами у престола Бо-

жія, уже не видимъ его дивнаго свѣтлаго лица съ чудными голубыми глазами и свѣтящимся какимъ-то неземнымъ взоромъ, уже не служитъ онъ дивныхъ литургій, не произноситъ своихъ чудныхъ проповѣдей, не питаетъ своего высоконазидательнаго дневника... Его нѣтъ съ нами, но ужели погибнетъ Россія?

Будемъ въ нашей скорби утѣшать себя вѣрою въ дивное прославленіе на небѣ великаго праведника. Отрѣшившись отъ узъ тѣла онъ своимъ, благодатію озареннымъ, духомъ еще болѣе, чѣмъ при жизни можетъ сказать намъ молитвенную помощь. Онъ уже не предстоитъ сему престолу, но за то на небѣ онъ предстоитъ у страшнаго престола Господа Славы, день и ночь моляся о насъ. И при жизни онъ творилъ чудеса, и теперь, озаренный благодатію Христа Воскресшаго обильно источаетъ исцѣленія. Уже при перенесеніи его гробницы къ мѣсту вѣчнаго упокоенія въ Іоанновскій монастырь на пути совершались исцѣленія. Исцѣленія во множествѣ совершаются и теперь при его гробницѣ. Вскорѣ же по кончинѣ приснопамятнаго пастыря послѣдовалъ рескриптъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Александровича къ первоіерарху Русской Церкви о достойномъ прославленіи почившаго пастыря. Конечно, это повелѣніе Благочестивѣйшаго Монарха, Помазанника Божія, изреченное по внушенію Божію, («сердце Царево въ рукѣ Божіей»), было вмѣстѣ съ тѣмъ плодомъ загробныхъ молитвъ у престола Царя Славы. Будемъ же вѣрить, и надѣяться, что разстройство Россіи есть лишь временное. Россія не умретъ, что она исцѣлится и воскреснетъ изъ мрака скорбей и бѣдствій по молитвамъ дорогого пастыря, который, усердно моляся за Россію предъ престоломъ Божіимъ во время своей земной жизни, не престанетъ молиться за всѣхъ

насъ и теперь на небѣ у престола Царя Славы. Помолимся же сейчасъ о упокоеніи души усопшаго раба Божія приснопамятнаго протоіерея Іоанна, дабы и онъ помолился за насъ предъ Богомъ въ небесныхъ обителяхъ. Аминь.

Архимандритъ **Александръ.**

Телеграмма Епископа Гермогена.

12 ноября Епископомъ Гермогеномъ послана въ редакцію газеты «Колоколъ» нижеслѣдующая телеграмма:

»Усерднѣйше прошу редакцію напечатать слѣдующую мою статью:

Въ № 520 досточтимой газеты «Колоколъ» я прочелъ, нисколько не удивившись, вполнѣ характерное по содержанію письмо лица самаго близкаго, родного «Чернымъ воронамъ»—Протопопова. Она объясняетъ созданіе «Черныхъ вороновъ» якобы изъ возвышенныхъ мотивовъ, именно—изъ православно-миссіонерскихъ своихъ намѣреній. Каково, подумайте! А преступная театральная сцена, вдругъ, сопричислила это родное дѣтище своего искренняго служителя и защитника къ разряду явленій совершенно однородныхъ съ злокачественнымъ «Пробужденіемъ весны», и *враны* Протопопова дѣйствительно, по искреннему рѣшенію самихъ же актеровъ, сопровождаютъ собою всюду эту пошлую и отвратительную *«весну»*, какъ сродную себѣ стихію, созданную намъ лукавымъ освободительнымъ движеніемъ. Теперь стало вполнѣ очевиднымъ, что какъ «весна», такъ и ея «враны» протопоповскіе «Жизнь человѣка», «Сестра Беатриса» и «Чудо странника

Антопія» ярко обозначаютъ собою ничто иное, какъ новый фазисъ, новый уклонъ продолжающагося демоническаго движенія, или же, если хотите, особый видъ безбожнаго, антихристіанскаго миссіонерства. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не замѣтить того, что оставленное пока на время, какъ неудавшееся, бывшее революціонное политиканство, вдругъ, точно по напередъ начертанной программѣ, очевиднымъ образомъ смѣнилось повсюднымъ какъ-бы миссіонерствомъ, то якобы моральнымъ, то якобы религіознымъ, въ сущности, конечно, и антиморальнымъ и антирелигіознымъ, и вглядитесь, какъ одни и тѣ же лица мгновенно стали приспособляться къ совершенно противоположнымъ, чѣмъ прежде, занятіямъ: такъ въ литературѣ, въ сферѣ образованія общественнаго мнѣнія и т. п. Даже, наконецъ, на театральной сценѣ появились революціонныя разновидности подъ личиною точь въ точь миссіонеровъ, при томъ исключительно православныхъ; съ другой стороны и самая театральная сцена и актеры стали вдругъ, почему-то, сродни нашимъ заправскимъ по должности миссіонерамъ!.. О! превратное время! О, лукавые хамелеоны, низкіе клевреты и прислужники злого духа времени! Неужели вы думаете, что праведный судъ Божій не отыщетъ васъ подъ наскоро надѣтыми и плохо прилаженными личинами,—вѣдь нашелъ же онъ многихъ вашихъ «товарищей», злодѣйски подвизавшихся въ бывшую такъ еще недавно политиканскую революціонную эпоху; этотъ же судъ не дремлетъ и надъ тѣми лютыми товарищами вашими, которые подобно вамъ тоже въ своемъ родѣ миссіонерствовали и еще теперь *миссіонерствуютъ*, именно, прививаютъ народу русскому злодѣйскій духъ грабительства, нещаденія жизни и всякаго другого блага всѣхъ людей—бѣд-

ныхъ и богатыхъ; этимъ своеобразнымъ лихимъ миссіонерамъ, лихимъ людямъ, вы, протопопскіе *враны*, жадные любители «весны» и другихъ подобныхъ „*пробужденій*“, вы вполнѣ помогаете, вы содѣйствуете этимъ разбойникамъ, и даже, очевидно, преднамѣренно спѣшите расплодить ихъ побольше, опустошая душу и сердце народа отъ хранящихъ его религіозныхъ живыхъ чувствъ; вы преднамѣренно, также ради содѣйствія «товарищамъ», угашаете свѣтлую нравственную чуткость народа русскаго, въ особенности нашего юношества. Вы, очевидно, европ и бывшіе русскіе люди, исполняя свое подлое служеніе, свой кровавый культъ, бѣсу мятежей и революціи, хотите вызвать теперь изъ нѣдръ самого народа, воспитать и затѣмъ безчеловѣчно толкнуть на нашу родную Россію другую революціонную волну, вмѣсто недавней, особую, какъ бы самородную, самобытную волну дикой и пьяной смуты междоусобицы, подобной бунту Пугачева... Но «кто, яко Богъ!» Небесный Архистратигъ и земной Архистратигъ Россіи съ пламенно вѣрующимъ, и свѣтло одушевленнымъ могучимъ ополченіемъ изъ среды того же Православнаго Народа Русскаго, мы глубоко вѣримъ, запретятъ, пресѣкутъ и разрушатъ всѣ ваши злодѣйскіе замыслы, построенія и сооруженія; вотъ, уже народъ самъ своимъ чутьемъ и распозналъ, кто вы, непрошенные просвѣтители, «черные» растлители народнаго духа, сущіе «вороны», скрывающіеся подъ личиною театральныхъ «православныхъ» миссіонеровъ; для проведенія въ жизнь, въ душу народа русскаго своей подпольной демонической миссіи, вы воспользовались вполнѣ подходящимъ для вашихъ цѣлей учрежденіемъ — театромъ: и вотъ, во всѣхъ городахъ по всему лицу русской земли, на театральныхъ подмосткахъ совершается теперь давно предна-

Великій Праведникъ, чудотворецъ и всемірный молитвенникъ
о. Іоаннъ Кронштадтскій.

35

чертанный и составленный замыселъ осмѣянія и подрыва религіознаго чутья и *чувства народа русскаго* при пособіи попутнаго вытравливанія чувства нравственнаго; всюду теперь «Черные Вороны» каркаютъ и высмѣиваютъ то Богородицу, то преподобнаго Серафима, издѣваются надъ русскимъ православнымъ монашествомъ, оскорбляютъ насмѣшливыми сценами отца Іоанна Кронштадтскаго; дошли наконецъ недавно до осмѣянія Св. Іоанна Крестителя. Впрочемъ Протопоповъ причисляетъ помянутыхъ свято-чтимыхъ лицъ въ *„кумирамъ“* православія; и поэтому онъ, какъ главный изъ театральныхъ *„миссіонеровъ“*, спѣшитъ освободить народъ отъ чувства обаянія и почитанія къ этимъ лицамъ; самъ онъ, Протопоповъ, однако, въ своей *черной* комедіи не называетъ великихъ святыхъ именъ, дорогихъ для вѣрующей души народной, а представляетъ это дѣлать на мѣстахъ, какъ рабочимъ и ремесленникамъ, самимъ актерамъ на театральныхъ сценахъ;—и вотъ, мы видимъ теперь, какъ всюду во всѣхъ концахъ Россіи, подстрекнутые и воодушевляемые самимъ отцомъ «Черныхъ Вороновъ», «товарищи» актеры совершаютъ свой общій злостный заговоръ, доканчиваютъ задуманное подлое дѣло религіозно-нравственнаго опустошенія Россіи, путемъ сценическихъ представленій, этихъ духовно-убійственныхъ разрывныхъ орудій, производящихъ всюду возмутительное попраніе и страшное истязаніе живыхъ религіозныхъ и нравственныхъ чувствъ народа... Итакъ, въ этой новой лихой годинѣ революціонно-убійственнаго движенія повторяются всѣ прежде уже испытанные «товарищами» способы крушенія жизни и духа народныхъ. При томъ, вглядитесь, здѣсь есть *подстрекатели*, дѣйствующіе за спинами товарищей, есть и послушные исполнители ихъ

велѣній... Итакъ, было бы просто смѣшно не замѣчать, ибо стало ясно, какъ Божій день, что для театральныхъ «Черныхъ вороновъ», ихъ *лихихъ* миссіонеровъ вовсе не важно то обстоятельство, существуетъ ли или вовсе не существуетъ какая-то тайная секта «іоаннитовъ»: по нашему-де «товарищескому» мнѣнію, конечно, существуетъ; разъ есть обаяніе къ лицу, какъ къ какому-то «кумиру», или лицу, духовную власть имущему надъ духомъ и сердцемъ народа,—значитъ, по плану подпольныхъ «миссіонеровъ», надо взорвать это лицо на воздухъ,—а что при этомъ можетъ погибнуть великое множество другихъ людей, многіе будутъ искалѣчены навсегда въ духовномъ отношеніи,—это «такъ имъ и нужно»... Вѣдь это уже принятый способъ товарищей; и вотъ, «товарищи» и составляютъ духовно-нравственную *бомбу*, изъ первой попавшейся пустой коробки «какихъ-то тамъ «іоаннитовъ»—зажигай фитиль на подмосткахъ—и готово!.. Есть и другія подобныя *бомбочки:* вотъ общей конструкціи, безъ русскихъ *гвоздей и шпилекъ:* «Жизнь человѣка», «Сестра Беатриса», «Чудо странника Антонія», «Іуда Искаріотъ» и проч. и проч. Итакъ, очевидно, какъ ясный Божій день, что «товарищи» (актеры) и ихъ пострекатели (театральные сочинители) предприняли въ Россіи особую духовно-нравственную крамолу, или революцію. Въ заключеніе, ради неизмѣнно дорогой и святой личности о. Іоанна, вновь и вновь считаю долгомъ засвидѣтельствовать на основаніи имѣющихся точныхъ данныхъ (которыя вскорѣ сообщу въ печати) и моего личнаго глубокаго убѣжденія, что такой секты, какую сочинилъ Протопоповъ, вовсе нѣтъ на лицо, какъ секты именно, какъ организованной еретически-религіозной группы. Вотъ, напримѣръ, телеграмма Епископа Пермскаго

Ипкапора,—она указываетъ лишь на нѣкоторыхъ женщинъ, злоупотреблявшихъ именемъ отца Іоанна Кронштадтскаго, а вовсе не свидѣтельствуетъ о появленіи какой-то секты «іоаннитовъ»; вѣдь, извѣстно, конечно, что дурные люди способны злоупотреблять святыми предметами и святыми именами; слѣдовательно, вовсе нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что какая-нибудь ничтожная группа людей негодныхъ пользуется высокочтимымъ и драгоцѣннымъ для вѣрующаго русскаго сердца именемъ о. Іоанна Кронштадтскаго для своихъ низкихъ цѣлей, эксплоатируя такъ или иначе благоговѣйныя чувства почитателей этого великаго молитвенника русской земли, облагодѣтельствовавшаго милліоны людей религіозно, нравственно и даже матеріально. Благодаря этимъ именно разностороннимъ несмѣтнымъ благодѣяніямъ отца Іоанна издавна уже въ Кронштадтѣ, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, Саратовѣ, Харьковѣ, Одессѣ и во всѣхъ, буквально во всѣхъ городахъ и селеніяхъ Россіи разсѣяна тамъ и тамъ многолюдными группами всероссійская многомилліонная община, объединенная какъ благоговѣйною любовію къ самому отцу Іоанну Кронштадтскому, такъ и къ Ѳеофану Затворнику, преподобному Серафиму Саровскому, Амвросію Оптинскому, іеромонаху Варнавѣ, недавно почившему въ Москвѣ, и, другими словами, ко всему необъятному сонму святыхъ мужей, составляющихъ какъ бы свѣтлый млечный путь на обширномъ и многовѣковомъ небосклонѣ Россіи. Итакъ, вся Россія, блистающая какъ драгоцѣнными бисерами,—свѣтлыми ликами своихъ святыхъ мужей, ее столь чудно озаряющихъ, запрещаетъ тебѣ, темная стая «Черныхъ Вороновъ», жалкихъ писакъ и актеровъ, оскорблять ее въ лицѣ ея святыхъ досточтимыхъ сыновъ, составляющихъ ея вѣковое и вѣчное

сокровище и лучшее достояніе, достояніе, которымъ она возвеличена и благодаря которому она можетъ стоять твердо и непоколебимо въ виду всѣхъ другихъ различно богатыхъ въ другихъ отношеніяхъ народовъ міра. А таковое именно возмутительное оскорбленіе наносится всей Россіи, когда въ лукавой карикатурѣ съ прозрачно почеркнутымъ замысломъ осмѣивается не какая-нибудь ничтожная группа жалкихъ и негодныхъ людей, но намѣренно затрогивается и высмѣивается святая личность великаго мужа, несказанно дорогого для всей вѣрующей Россіи. Итакъ, «Черные Вороны», перестаньте кружиться и глумиться надъ Россіей, перестаньте, пока еще не поздно!..

Гермогенъ, Епископъ Саратовскій и Царицынскій.

Слово XXI.

Произнесено 6 декабря 1907 г. въ Кронштадтскомъ Андреевскомъ соборѣ.

Повѣствуется въ одномъ древнемъ житійномъ сказаніи, что къ нѣкоему благочестивому старцу-подвижнику приходили со всѣхъ сторонъ слушатели и почитатели, прося молитвъ, совѣта, благословенія. Многіе и о многомъ спрашивали его, и всѣмъ и каждому онъ отвѣчалъ въ мѣру Духа, ему даннаго. Только одинъ юноша, всегда посѣщая старца, сидѣлъ у ногъ его молча и ни о чемъ его не спрашивалъ. Однажды старецъ, замѣтивъ это, наконецъ обратился къ юношѣ съ вопросомъ: почему онъ молчитъ и ни о чемъ его не спрашиваетъ? Юноша отвѣтилъ: „Отецъ мой! Для меня довольно только слушать и смотрѣть на тебя.“

Старецъ Кронштадтскій—вы знаете, о комъ я говорю—развѣ не напоминаетъ намъ и не повторяетъ ли на нашихъ глазахъ въ теченіе десятковъ лѣтъ этого древняго старца? Неистребимо живетъ въ душѣ человѣка потребность найти и облобызать святыню, поклониться ей, побыть въ ея освящающемъ и поднимающемъ духъ общеніи. У русскаго православнаго народа потребность эта является особенно повышенною, она заполняетъ и потрясаетъ всю душу народную, господствуя надъ всѣми другими ея интересами и запросами. И вотъ сюда, къ чудному старцу, столько лѣтъ обращаетъ свои взоры святая и святолюбивая Русь. Одни къ нему являлись лично, съ нимъ молились, получали совѣтъ и благословеніе, получали нерѣдко и даръ чудодѣйственной помощи. Какъ ихъ ни много, они, сравнительно со всею

Игумены Сурожского монастыря Порфирія и казначея того же монастыря.

Русью, едва примѣтная часть народа. Всѣ прочіе, какъ юноша передъ древнимъ старцемъ, только созерцали это дивное видѣніе нашего времени и радовались Божьей благодати, къ немъ почивающей, и возгрѣвали вѣру и упованіе, и насыщались его обильною духовною трапезою слова, молитвы, непрестаннаго поученія, — поученія его жизни, подвига, любви, щедродательности, горящей вѣры и горящаго слова, исходящаго изъ устъ его. Отъ страны глубокой полунощи, гдѣ въ борьбѣ съ суровой природою, спасаясь отъ враговъ, нашелъ себѣ русскій человѣкъ пристанище свободы и училище крѣпости духа и характера, возсіялъ нашъ свѣтильникъ. Тамъ нѣкогда возросли великіе духомъ преподобные Трифонъ и Ѳеодоритъ, Зосима и Савватій, Германъ и Кириллъ и многіе другіе. Ихъ духомъ напоенный, стоитъ здѣсь болѣе полувѣка великій въ простотѣ вѣры и смиреніи пастырь-молитвенникъ,—на грани русскаго царства, у полунощной столицы, на концѣ земли русской, у самаго моря, свѣтя, какъ маякъ, разбиваемымъ житейскимъ кораблемъ среди мірскихъ бурь и тревогъ житейскихъ.

Здѣсь, въ этомъ святомъ храмѣ, полвѣка трепеталъ самый воздухъ его отъ гласа молитвъ и воздыханій всероссійскаго пастыря и молитвенника; здѣсь пролились его первыя слезы священнической молитвы; здѣсь возносились къ Богу его пастырскія скорби и радости; здѣсь около него было столько духовныхъ восторговъ вѣры, упованій, столько событій и случаевъ возрожденія, покаянія, спасенія, отрадъ и утѣшенія, столько чудесъ божественной благодати,—что по истинѣ должно сказать словами Господа къ Моисею у купины неопалимой: „изуй сапоги съ ногъ

твоихъ, мѣсто, на которомъ ты стоишь, свято"... Столько лѣтъ неизмѣнно и непрестанно днемъ, глубокою ночью и утру глубоку, еще сущей тьмѣ, онъ стоялъ здѣсь и училъ, и молился,—и далъ ему Богъ радость видѣть, какъ городъ, извѣстный въ прежнее время только блудомъ и порокомъ, обратился во всероссійски чтимое мѣсто, въ мѣсто паломничества, какъ дѣйствіе его служенія сказывалось все шире и шире.

Долго и постепенно разгорался его свѣтильникъ, пока не засіялъ на всю Россію и далеко за ея предѣлами правиломъ вѣры, образомъ кротости и воздержанія учителемъ, пока не стяжалъ нашъ пастырь всероссійскій смиреніемъ высокая и нищетою—богатая. Вздымались гордо волны невѣрія въ 60-хъ годахъ, были жестокія бури въ церкви: поднимались ереси; возросъ и палъ Толстой... Отецъ Іоаннъ безтрепетно и непрестанно увѣщевалъ, наставлялъ, бичевалъ, обличалъ порокъ и гордыню невѣрія и ереси; онъ стоялъ несокрушимымъ столпомъ православной церковности, на себѣ самомъ: въ живомъ примѣрѣ показывая и доказывая силу, живность и дѣятельность святой церкви, которая способна возрастить въ своихъ нѣдрахъ такого благодатнаго пастыря. Онъ зажегъ священный огонь въ тысячахъ душъ; онъ спасъ отъ отчаянія тысячи опустошенныхъ сердецъ; онъ возвратилъ Богу и въ ограду церкви тысячу гибнувшихъ чадъ; онъ увлекъ на служеніе пастырское столько выдающихся людей, которые именно въ личности о. Іоанна успѣли увидѣть, оцѣнить и полюбить до самозабвенія красоту священства... Теперь они, нерѣдко уже стоящіе на высокихъ ступеняхъ іерархіи, пріѣзжаютъ къ старцу Божію и предъ нимъ смирен-

нымъ склоняются до праха земного. Вчера и сегодня мы были свидѣтелями [1]).

И вотъ въ послѣдніе годы, когда назрѣвала и прорвалась гноемъ и смрадомъ наша пьяная, гнилая и безбожная, безнародная, самоубійственная революція, мы увидѣли страшное зрѣлище. Ничего не пощадили ожесточенные разбойники, не пощадили ни вѣры, ни святынь народныхъ. И старецъ великій, свѣтило нашей церкви, „отецъ—отцовъ славная красота", честь нашего пастырьства, человѣкъ, которымъ гордились бы каждая страна и каждый народъ,—этотъ старецъ на глазахъ у всѣхъ возносится на крестъ страданій, предается поруганію и поношеніямъ; его честь, его славу, его вліяніе расклевываютъ черные вороны. Поползла гнусная сплетня; газетные гады, разбойники печати, словесные гіены и шакалы, могильщики чужой чести вылѣзли изъ грязныхъ норъ. Еврействующая печать обрушилась грязью на о. Іоанна. Нужно имъ разрушить народную вѣру; нужно опустошить совѣсть народа; нужно толкать народъ на путь преступленія; нужно отомстить человѣку, который такъ долго и успѣшно укрѣплялъ вѣру, воспитывалъ любовь къ Царю и родинѣ, бичевалъ всѣхъ предателей, нашихъ Іудъ и разрушителей родины, начиная отъ Толстого и кончая исчадіями революціи... Его перваго стала травить и безславить разнузданная печать. Помню я, два года назадъ, возвращаясь изъ Сибири къ сѣверной столицѣ, по всей линіи желѣзной дороги эти листки, рисунки, стихи—издѣвательства надъ Іоанномъ Кронштадтскимъ... Потомъ на краткое время

---

[1]) Оба священнослужившіе архипастыря—духовныя дѣти о. Іоанна и имъ призваны къ священству: наканунѣ пріѣзжалъ навѣстить о. Іоанна и выразить ему свою любовь и почитаніе митрополитъ Московскій Владиміръ.

травля ослабѣла. но теперь вся эта грязь опять соединяется въ одинъ общій потокъ. Черные вороны тучами собираются надъ Россіей. и первое, что они силятся расклевать хищными клювами—это святыни и святыхъ, подорвать авторитетъ уважаемыхъ лицъ, подорвать благоговѣніе религіозное, на которомъ построенъ всякій долгъ, всякій порядокъ, всякая жизнь истинно достойная и истинно человѣческая. Намъ нѣтъ дѣла до того, что собственно хотѣлъ выразить авторъ бездарной сценической стряпни, разсчитанной на обираніе простодушныхъ людей,—обираніе, которое онъ бичуетъ, однако, не въ себѣ и себѣ подобныхъ, какъ бы слѣдовало, а въ другихъ. Можетъ быть, онъ, какъ увѣряетъ, и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ изобразить въ отталкивающемъ видѣ изувѣрное сектантство и религіозное шарлатанство, хотя бы прикрывающее себя именемъ о. Іоанна: вѣдь зло можетъ прикрываться не только именемъ чтимаго пастыря, но даже именемъ Іеговы (іеговисты) или Іисуса (іезуиты); вѣдь и въ другихъ областяхъ мысли и жизни вообще, сатана нерѣдко преобразуется въ образъ ангела, и развѣ мы не видѣли, какъ разбойники, насильники и предатели народные, служащіе за еврейскія деньги разрушенію Россіи, выступаютъ подъ знаменемъ братства, равенства и особенно „народной свободы“ или блага общества (соціализмъ)? Итакъ, мы не говоримъ здѣсь о піесѣ и ея содержаніи, мы говоримъ о томъ, что сдѣлали изъ нея на сценѣ гнусные служители сцены, лакеи, продажные и пресмыкающіеся прислужники низменныхъ инстинктовъ толпы и діаволъской революціи. На сценѣ вмѣсто бичеванія сектантскаго звѣрства или обмана, къ ужасу православныхъ, изображается бытъ и обстановка нашихъ православныхъ обителей и храмовъ, и недвусмысленно,

выводится въ шутовскомъ видѣ нашъ доблестный пастырь, всенародно чтимый, о которомъ народная вѣра давно сказала свой приговоръ, что житіе его славно и успеніе будетъ со святыми. И это въ то время, когда онъ, на склонѣ дней, обезсиленный мучительнымъ недугомъ, ослабѣвшій тѣлесными силами, едва двигаясь, совершаетъ среди вѣрующихъ по прежнему свои, можетъ быть, послѣдніе на землѣ подвиги молитвъ и благочестія, когда онъ не въ силахъ защитить себя, когда мы трепещемъ за каждый день и часъ его жизни, когда еле теплится и вотъ-вотъ погаснетъ эта святая лампада, догоритъ эта чистая Божья свѣча. Неужели ему нѣтъ защиты? Неужели мы оставимъ его одинокимъ посреди нашего многолюдства? Неужели онъ отданъ на растерзаніе духовныхъ псовъ, на пытки и издѣвательства этихъ разбойниковъ?

„Но зачѣмъ ты говоришь объ этомъ намъ?“—можетъ быть, спросите вы въ тоскѣ и горести и въ недоумѣніи. „Зачѣмъ“? Но тогда спросите, зачѣмъ плачетъ любящій сынъ около растерзаннаго отца или матери! Зачѣмъ въ большомъ горѣ, оставивъ плачъ и повидимому успокоившись, мы, увидя близкихъ, любимыхъ, намъ сочувствующихъ, молчаливые среди чужихъ, здѣсь, среди своихъ, не можемъ сдержать горести и слезъ и воплей? Такъ и нынѣ, въ этомъ храмѣ при видѣ этого множества молящихся, дѣтей и почитателей о. Іоанна, дайте намъ излить свое горе, выплакать свои слезы!

А затѣмъ, въ этотъ день церковно-гражданскаго праздника, хочется черезъ васъ, черезъ все это великое множество народа, изъ этого храма на всю Россію сказать: о, храните святыню и святыхъ! Берегите

ваши духовныя сокровища! Защищайте, отстаивайте ихъ отъ тѣхъ свиней, что топчутъ ихъ ногами! Или не знаете, что уста праведныхъ капаютъ премудрость, языкъ же нечестивыхъ погибнетъ? Или не вѣрите, что идѣже видетъ досажденіе, тамо и безчестіе—и это мы видѣли на всѣхъ этихъ усиліяхъ свободы „освободительнаго движенія", полнаго одной злобы и досажденія? Или забываете, что въ благословеніи правыхъ возвысится градъ, а устами нечестивыхъ раскопается? Или перестало быть непреложною истиною, что праведниками держатся царства человѣческія что сѣмя свято—стоянія ихъ, что правда возвышаетъ народъ, а умаляютъ племена грѣси?

Или думаете, что если вы избиваете пророковъ, подобно богоубійственнымъ евреямъ, то не оставится домъ вашъ пустъ? Или каждый годъ у васъ будетъ новый Іоаннъ Кронштадтскій, что вы не дорожите имъ?

Не унизите вы Бога и святыни, не заплюете неба, – плевки возвратятся на головы плевавшихъ; но сами вы, сами вы—какой отвѣтъ дадите? Что скажутъ о насъ потомки? Какъ справедливо они осудятъ насъ за то, что мы не умѣли и не хотѣли уберечь святого, не защитили, не оградили его оградою и стѣною любви,—и это въ то время, когда живы и среди насъ тысячи имъ исцѣленныхъ чудесно, тысячи имъ возрожденныхъ? Тогда какъ отвѣтимъ мы Богу, и не свершится ли надъ нами Его правый и страшный приговоръ, что если мы Моисея и пророковъ не слушаемъ, то если кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не повѣримъ? Тогда не дошли ли мы до хулы на Духа, за которую одну, по суду даже самой воплощенной любви, объявившей прощеніе всякой хулѣ и

всякому грѣху, нѣтъ прощенія ни въ сей жизни, ни въ будущей.

Тогда и на землѣ не устоять нашему царству, и не жить нашему народу. Любовью къ нашему старцу, молитвою за него, проявленіемъ всенароднаго и общественнаго негодованія къ исчадіямъ черныхъ воронов и всякой театральной нечисти, мы должны ополчиться въ защиту нашихъ попираемыхъ святынь.

А вамъ, гнусные хулители, готово пророческое слово того самаго праведника, котораго вы теперь обливаете грязью. Какъ бы въ предзрѣніи скорби, всего три года назадъ, о. Іоаннъ писалъ въ своемъ дневникѣ: „Благодарю Тебя, Господи, Боже мой, что Ты призвалъ меня въ общеніе Божественной Трапезы Твоей, сдѣлалъ меня сотрапезникомъ и собесѣдникомъ Твоимъ, чтобы возлежать какъ бы на персяхъ Твоихъ или точнѣе, имѣть Тебя внутрь персяхъ и въ сердцѣ моемъ. Какой Ты сподобилъ меня чести, какого достоинства, какой любви, какого общенія! Что я Тебѣ за это принесу и что воздамъ, великодаровитый, безсмертный Царь?! По какое прискорбіе, что служители Твои и сотрапезники Твоей Божественной Трапезы нынѣ въ пренебреженіи и попошеніи у людей вѣка сего; какъ они поносятъ священниковъ Твоихъ и Церковь Твою, и святое слово Твое, которое изрекъ Духъ Святый! И доколѣ Ты терпишь ихъ, доколѣ не уничижишь ихъ, уничижившихъ Тебя, Бога нашего, и не изгладивъ имени ихъ изъ числа живыхъ! Да погибнетъ память ихъ съ шумомъ. Буди“! *). Аминь.

Протоіерей *Іоаннъ Восторговъ.*

*) Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ. Изъ „Дневника“ за 1904 г. Стр. 49.

Дорогой батюшка о. Іоаннъ Кронштадтскій

Архипастыри у болящаго о. Іоанна Кронштадтскаго.

5-го декабря, съ поѣздомъ, въ 10 ч. утра, по Балтійской желѣзной дорогѣ выѣхали въ Кронштадтъ, съ цѣлью посѣтить болящаго высокочтимаго и горячо любимаго всею православною Русью Кронштадтскаго пастыря о. Іоанна Ильича Сергіева—высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ Московскій, преосвященный Серафимъ Орловскій и Гермогенъ Саратовскій, въ сопровожденіи пастырей и мірянъ изъ почитателей о. Іоанна, въ томъ числѣ были о. протоіерей І. І. Восторговъ, В. М. Скворцовъ и др.

Поѣздку предполагалось совершить, какъ совершенно частное паломничество къ угасающему физически великому церковному свѣтильнику и народолюбимцу пастырю. По распространившаяся по Кронштадту вѣсть, что прибудутъ въ городъ высокіе гости-іерархи, подняла на ноги и мѣстное духовенство и представителей власти и общество.

На вокзалѣ встрѣтилъ архипастырей жандармскій офицеръ и привѣтствовалъ святителей отъ имени главнаго начальника порта, при этомъ доложилъ, что въ соборѣ Андреевскомъ ожидаетъ высокопреосвященнаго торжественная встрѣча.

При звонѣ колоколовъ, архипастыри вошли въ соборъ, который былъ освѣщенъ полнымъ освѣщеніемъ и наполненъ множествомъ народа и представителями общества, здѣсь же были при орденахъ и въ формѣ генералъ-губернаторъ генералъ Ивановъ, начальникъ порта и губернаторъ Кронштадта адмиралъ Никоновъ. Духовенство соборное встрѣтило владыку въ полномъ облаченіи, причемъ ключарь собора протоіерей Поповъ, обратился къ высокопреосвященному митрополиту съ прекрасною рѣчью, въ которой ярко выра-

Б Суздальній миссіонеръ игуменъ о. Арсеній.

зилъ и сильно подчеркнулъ такую мысль; промчавшійся по Руси циклонъ освободительной смуты особенно свирѣпо пронесся надъ Кронштадтомъ и нагналъ сюда не мало черныхъ вороновъ, падкихъ на всякую мерзость, не щадящихъ никого и ничего, что идетъ на пользу революціи и для сверженія чтимыхъ святою Русью авторитетовъ. Ораторъ просилъ у владыки молитвенной помощи и заступленія въ борьбѣ съ „черными воронами"—героями нашего крамольнаго подлаго времени и благодарилъ за высокое вниманіе къ боляшему о. Іоанну.

„Черные хищники обычно слетаются туда,—такъ приблизительно отвѣтилъ владыка,—идѣже трупъ, и успащаются тамъ, гдѣ добыча"...

Кронштадтъ всегда былъ и есть, благодаря пастырьскимъ подвигамъ вѣры и милосердія боляшаго нынѣ высокочтимаго старца пастыря,—въ глазахъ всей истинно-русской, православно вѣрующей Россіи мѣстомъ, гдѣ возженъ маякъ, гдѣ сіяетъ звѣзда вѣры и ревности о церкви Божіей... Пригнанные попутнымъ вѣтромъ буйной годины „черные вороны", дастъ Богъ, скоро разлетятся,—имъ здѣсь добычи не найти. Молитва вѣры вѣрнаго служителя церкви была и да будетъ впредь спасительнымъ маякомъ для обуреваемыхъ и здѣсь напастями нашего смутнаго свободнаго отъ вѣры и совѣсти времени".

Приложившись къ кресту и принявъ окропленіе св. водою, святители послѣдовали на поклоненіе св. иконамъ и св. престолу, а пѣвчіе, одѣтые въ парадные кунтуши, тихо запѣли „достойно" входное.

Отмѣтимъ, какъ нововведеніе, дѣлающее пріятное впечатлѣніе,—въ парадные кунтуши были одѣты и женщины-пѣвчіе.

Діаконъ произнесъ эктенію, а затѣмъ провозгла-

силъ многолѣтіе, въ томъ числѣ и архипастырямъ гостямъ. Высокопреосвященный митрополитъ произнесъ послѣднее многолѣтіе самъ: „церковнослужителямъ, градоначальнику, военоначальнику и всѣмъ православнымъ жителямъ города сего“.

Благословивъ народъ, архипастыри и сопровождавшіе ихъ отправились въ домъ къ о. Іоанну.

Къ высокимъ гостямъ и посѣтителямъ скоро же вышелъ и дорогой батюшка, но уже не тою всегда быстрою и бодрою поступью. О. Іоаннъ былъ сильно пріутомленъ болѣзнію,—посѣдѣлъ, лицо вытянулось и исхудало, имѣлъ блѣдно-желтый восковой цвѣтъ,—свидѣтельствующій объ изнурительной лихорадкѣ.

Чудные голубые глаза уже не блестятъ прежнею живостью, а имѣютъ взоръ потухающій, хотя полны той же плѣняющей доброты и ласки. Голосъ гораздо мягче и не имѣетъ тѣхъ рѣзкихъ надорванныхъ нотъ, которыя слышны были ранѣе отъ переутомленія. Сердца любящихъ о. Іоанна почувствовали, что тяжелыя немощи изнуряютъ великаго старца, пастыря православной Россіи, и едва ли долги будутъ дни его житія. Нѣкоторые изъ пріѣзжихъ не могли удержать слезъ, лобзая, можетъ быть послѣдній разъ, дорогого батюшку.

— Сердечно благодарю васъ, высокіе гости, преосвященнѣйшіе архипастыри, что вспомнили меня малаго и посѣтили мои немощи,—въ особенности, лобзаю вашу любовь, высокопреосвященнѣйшій владыка!..

Прибыли генералъ Ивановъ и адмиралъ Никоновъ.

Болящаго старца владыка митрополитъ усадилъ съ собой рядомъ на диванъ.

О. Іоаннъ попросилъ благословить чай и поданную закуску. Самъ всѣмъ гостямъ налилъ и подалъ по

рюмкѣ вина и провозгласилъ здоровье „высокихъ дорогихъ гостей“.

Высокопреосвященный митрополитъ пожелалъ здравія болящему, всѣмъ дорогому хозяину, и многихъ лѣтъ жизни на благо св. церкви.

Всѣ дружно и отъ полноты любящаго сердца пропѣли: „многая лѣта“, что, видимо, глубоко тронуло страдальца.

О. Іоаннъ просидѣлъ съ гостями болѣе получаса,—оживленно бесѣдовалъ о своихъ лѣтахъ (ему теперь 79 лѣтъ), о немногихъ здравствующихъ товарищахъ архипастыряхъ,—разсказывалъ о своей мучительной болѣзни, не дающей ему ни днемъ, ни ночью покоя болѣе, чѣмъ на 15—20 м. И только во время богослуженія, которое онъ снова, вопреки требованіямъ врачей, началъ отправлять раннимъ утромъ,—природа даетъ ему ослабу часа на два. Особенно слабѣютъ силы отъ отсутствія аппетита и полнаго бездѣйствія желудка,—твердаго ничего не можемъ принимать.

Несмотря на требованія врачей, какъ непреклонно ревностый хранитель церковныхъ установленій, о. Іоаннъ наотрѣзъ отказался отъ скоромнаго питанія, хотя бы и въ видѣ лѣкарства.

— Благодарю Господа моего за ниспосланныя мнѣ страданія для предочищенія моей грѣшной души,—смиренно сказалъ о. Іоаннъ, заканчивая скорбную повѣсть о своей болѣзни.—Оживляетъ св. причастіе.

Почувствовавъ слабость силъ, онъ удалился въ келію.

Высокихъ паломниковъ-архипастырей, начальствующихъ лицъ и всѣхъ присутствующихъ протоіерей Поповъ пригласилъ въ свою квартиру на трапезу.

Здѣсь почтенный сослуживецъ высокочтимаго о. Іоанна выразилъ глубокую признательность владыкѣ митрополиту за посѣщеніе болящаго старца и Кронштадта, которые глубоко чтятъ въ Московскомъ архипастырѣ достойнаго преемника великихъ Московскихъ святителей, молитвенниковъ и печальниковъ земли свято-русской.

Владыка-митрополитъ отвѣтилъ глубоко всѣхъ захватившею рѣчью о достойныхъ носителяхъ „здраваго русскаго ума".

Послѣ трапезы высокопреосвященный митрополитъ снова посѣтилъ о. Іоанна, который вышелъ, закутанный въ шубу,—съ ясно выраженнымъ лихорадочнымъ процессомъ.

Здѣсь же была и супруга о. Іоанна, такая же слабая старица, какъ и онъ.

Владыко вспомянулъ о посѣщеніяхъ о. Іоанномъ Москвы,—просилъ покрыть своей любовью, если когда недосуги мѣшали оказать ему духовное вниманіе, и, просилъ молиться и въ сей и въ будущей жизни.

Старецъ, видимо взволнованный ласкою святителя сказалъ:—что вы, владыко святый, меня просите, я всегда въ сердцѣ своемъ носилъ и сохраню до конца дней особую любовь и почитаніе вашей святыни.

Попрощавшись, владыка заѣхалъ съ визитами къ генералъ-губернатору и губернатору, и отбылъ въ Петербургъ въ 4 ч. дня, сопровождаемый краснымъ звономъ колоколовъ Андреевскаго собора.

О. Іоаннъ Кронштадтскій.

*(Къ пятидесятилѣтію его священства *).*

12-го декабря сего 1905 года исполняется пятьдесятъ лѣтъ достохвальнаго служенія въ санѣ священника настоятеля кронштадтскаго Андреевскаго собора, протоіерея Іоанна Ильича Сергіева. Въ виду этого сообщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни и плодотворной дѣятельности.

О. Іоаннъ родился 19 октября 1829 года въ селѣ Сурѣ, Архангельской губерніи, въ семьѣ бѣднаго сельскаго причетника; родился онъ очень слабымъ, и родители, опасаясь за жизнь младенца, поспѣшили въ тотъ же день крестить его. Однако же этому хилому младенцу суждено было промысломъ Божіимъ не только окрѣпнуть духомъ и тѣломъ, но и получить всемірную извѣстность.

Не радостны были годы дѣтства и годы ученія будущаго свѣтильника. Крайняя нужда царила въ домѣ его родителей, такъ что малымъ ребенкомъ онъ уже ознакомился съ картинами горя и бѣдности. Благочестивые родители учили его находить утѣшеніе отъ всѣхъ скорбей въ молитвѣ. Отецъ часто водилъ его съ собою въ храмъ, воспитывая въ маленькомъ сынѣ святое настроеніе и страхъ Божій, который есть начало премудрости. Мать о. Іоанна была женщина простая, но твердо вѣрующая и любящая; она также имѣла не малое вліяніе на развитіе въ немъ любви къ Богу и къ молитвѣ, въ себѣ самой показывая примѣръ преданности промыслу Божію.

Съ шести лѣтъ мальчика начали учить грамотѣ. Она не давалась ему. «Отецъ купилъ для меня бук-

*) Вѣдомости С.-Петерб. Градоначальства.

Дорогой батюшка о. Іоаннъ Кронштадтскій.

варь, пишетъ о. Іоаннъ въ дневникѣ, но туго давалась мнѣ грамота, и много скорбѣлъ я по поводу своей неразвитости и непонятливости. Я не могъ никакъ усвоить тождество между нашею рѣчью и письмомъ или книгою, между звукомъ и буквою... и когда меня на десятомъ году, повезли въ архангельское приходское училище, я съ трудомъ разбиралъ по складамъ и то только по печатному. Содержаніе отецъ получалъ, конечно, самое ничтожное, жить было страшно трудно. Я понималъ уже тягостное положеніе, своихъ родителей, и поэтому темнота моя въ ученіи явилась для меня особенно тяжкимъ бременемъ. О значеніи ученія для моего будущаго я мало думалъ и скорбѣлъ только о томъ, что напрасно отецъ платилъ свои послѣднія крохи.

Тяжело было мальчику въ чужомъ городѣ безъ поддержки, безъ знакомыхъ. Вслѣдствіе бѣдности не было ни книгъ, ни бумаги. Ученье въ школѣ оказалось еще труднѣе домашняго. Гдѣ искать помощи? Мальчикъ обратился съ горячею молитвою къ Богу и Господь помогъ ему, какъ нѣкогда преподобному Сергію Радонежскому. Вотъ какъ разсказывастъ объ этомъ самъ о. Іоаннъ. «...Ночью я любилъ вставать на молитву. Всѣ спятъ тихо. Не страшно молиться, и молился я всего чаще о томъ, чтобы Богъ далъ свѣтъ разума на утѣшенье родителямъ. И вотъ, какъ сейчасъ помню, однажды былъ уже вечеръ, всѣ улеглись спать. Не спалось только мнѣ, я попрежнему ничего не могъ уразумѣть изъ пройденнаго, попрежнему плохо читалъ, не понималъ и не запоминалъ ничего изъ разсказаннаго. Такая тоска на меня напала, я упалъ на колѣни и принялся горячо молиться. Не знаю долго ли пробылъ я въ такомъ положеніи, но вдругъ точно потрясло меня всего... У меня точно

завѣса спала съ глазъ, какъ будто раскрылся умъ въ головѣ. и мнѣ ясно представился учитель того дня, его урокъ... и легко, радостно такъ стало на душѣ».

Дальнѣйшее ученье пошло успѣшнѣе. Сергіевъ первымъ окончилъ архангельскую духовную семинарію, и поступилъ на казенный счетъ въ спб. духовную академію. Здѣсь усердно онъ занимался богословскими науками, былъ серьезнымъ и вдумчивымъ студентомъ, любилъ уединеніе. Здѣсь же представлялись случаи заработать кое что, эти трудовыя деньги онъ отсылалъ своей бѣдной матери (отецъ умеръ ранѣе). о которой съ любовію заботился до самой ея кончины; по первый заработокъ за переписку сочиненія старшаго товарища онъ употребилъ на покупку толкованія Златоуста на Еванг. Матѳея и радовался этой покупкѣ, какъ сокровищу изъ сокровищъ.

Въ 1855 году Сергіевъ окончилъ академію и въ томъ же году 12 декабря посвященъ былъ въ санъ священника къ кронштадтскому Андреевскому собору. Когда въ первый разъ о. Іоаннъ вступилъ въ соборъ, лѣтомъ того года обновленный, то пришелъ въ великое изумленіе. Онъ вспомнилъ, что еще отрокомъ, во снѣ, видѣлъ этотъ храмъ и всю его обстановку. «Велико было мое удивленіе,—говоритъ о. Іоаннъ,—когда я увидѣлъ (при первомъ вступленіи въ соборъ) сіящую внутренность обновленнаго храма, давно уже мнѣ знакомую по сновидѣнію въ отрочествѣ. Да, лѣтъ пятнадцать назадъ предъ тѣмъ я видѣлъ дивный сонъ, въ которомъ мнѣ показана была эта самая внутренность храма, съ этимъ вновь сдѣланнымъ иконостасомъ: этотъ сонъ запечатлѣлся въ душѣ моей навсегда, оставивъ во мнѣ радость неземную». Это было мнѣ знаменіемъ отъ Бога, что я буду священствовать въ этомъ храмѣ, ибо тогда уже я видѣлъ себя входящимъ

и исходящимъ изъ сѣверныхъ и южныхъ вратъ его,—такъ, какъ бы я былъ тутъ свой человѣкъ».

Съ глубокимъ благоговѣніемъ и благодарностію Божественному промыслу вступилъ о. Іоаннъ на подвигъ пастырскаго служенія. Онъ смотрѣлъ на это служеніе, какъ на самое высокое изъ всѣхъ служеній на землѣ, ибо священникъ является ходатаемъ передъ Богомъ за весь міръ и непрестанно бесѣдуетъ съ Богомъ, какъ довѣренное лицо. Сколь же чистымъ и возвышеннымъ въ душѣ долженъ быть священникъ по величію сана и величію дѣла, какое постановленъ онъ дѣлать! И о. Іоаннъ съ первыхъ же дней своего высокаго служенія церкви поставилъ себѣ за правило—сколь возможно искреннѣе относиться къ своему дѣлу, пастырству и священнослуженію, строго слѣдилъ за собою, за своею внутреннею жизнію; болѣе же всего онъ старался стяжать любовь Евангельскую, которая нужна пастырю каждую минуту, и безъ которой невозможно достойное прохожденіе пастырскаго служенія.

Много трудовъ и всякихъ препятствій встрѣчалось на пути достойному пастырю, но съ помощію благодати Божіей онъ побѣждалъ все, восходя отъ силы въ силу, отъ совершенства къ совершенству. Въ этомъ ему помогало чтеніе слова Божія, что онъ считалъ священною своею обязанностью; съ любовію перечитывалъ святыя страницы Евангелія и Библіи десятки и сотни разъ, каждый разъ извлекая новое и новое назиданіе. «Въ рудникахъ ищутъ золото, пишетъ о. Іоаннъ,—перемоютъ песокъ, возьмутъ, что найдутъ, и песокъ бросаютъ. Но хорошо извѣстно, что при нашемъ способѣ промывки изъ песку берутъ не все. Если перемыть снова песокъ, найдешь еще. А мы какъ читаемъ Евангеліе, Библію? Если возьмемъ одну

сотую святого золота. то слава Богу. Потому читайте десять. сто разъ и всякій разъ найдете *„новое“* золото, и во второй разъ его будетъ больше, чѣмъ въ первый, въ третій—больше чѣмъ во второй, глаза больше привыкнутъ видѣть нужные свѣтлые блестки».

По душею всей жизни о. Іоанна служитъ молитва. Среди духовныхъ борепій и искушеній всегда спасала его молитва; она же даетъ ему ту желѣзную энергію, которая удивляетъ всѣхъ. Наученный молитвѣ съ малыхъ лѣтъ, онъ теперь развиваетъ въ себѣ даръ молитвенный и становится по преимуществу пастыремъ-молитвенникомъ. Молитва его становится дѣйствительно внутренней бесѣдою съ Богомъ. Въ русскомъ народѣ велика вѣра въ силу молитвъ о. Іоанна на основаніи многихъ чудесныхъ знаменій по его молитвамъ, отчасти оглашенныхъ и въ печати. Онъ ежедневно получаетъ сотни телеграммъ и писемъ съ просьбою молитвъ и благословенія, безъ котораго многіе не рѣшаются совершить что-либо серьезное въ своей жизни. Силою своей молитвы о. Іоаннъ привлекъ къ себѣ сердца вѣрующихъ, которыхъ по приблизительному подсчету съѣзжается въ Кронштадтъ до 80 тысячъ.

Священникъ Іоаннъ **Орнатскій**.

Въ теченіе всей весны и лѣта въ Петербургскій Іоанновскій монастырь къ могилкѣ О. Іоанна Кронштадтскаго продолжалось непрерывное паломничество какъ Петербургскихъ, такъ и пріѣзжихъ отовсюду богомольцевъ. Царскій призывъ къ вѣчному молитвенному поминовенію О. Іоанна, очевидно, былъ наилучшимъ выраженіемъ завѣтнаго желанія народной души. Вся вѣрующая Россія давно полюбила Кронштадтскаго пастыря, какъ великаго свѣтильника вѣры и благочестія. Многія тысячи людей всякаго званія путешествовали къ нему въ Кронштадтъ, видя въ немъ тѣ добродѣтели и совершенства, какими долженъ быть украшенъ истинный пастырь стада Христова.

Но и теперь какъ живой стоитъ онъ предъ взоромъ вѣрующихъ,—вѣдь у Бога всѣ живы,—и влечетъ ихъ къ себѣ силою своего духовнаго обаянія и красотою святой жизни во Христѣ.

Іоанновскій монастырь, послѣ погребенія въ немъ О. Іоанна, посѣтили 38 архіереевъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были неоднократно, такъ что всѣхъ архіерейскихъ посѣщеній монастыря за это время было 70. Священнослужители со всей Россіи и заграничные посѣщаютъ монастырь ежедневно, принимая по своему усердію участіе въ служеніяхъ литургій и панихидъ въ монастырскихъ храмахъ. Иногда священнослужители паломничали ко гробу приснопамятнаго пастыря группами; изъ такихъ посѣщеній особенно памятны служенія въ монастырѣ братіи Валаамскаго монастыря во главѣ съ высокопреосвященнѣйшимъ Сергіемъ, архіепископомъ Финляндскимъ; слу-

Протоіерей первокласснаго Іоанновскаго женскаго монастыря на Карповкѣ въ С-Петербургѣ, о. Іоаннъ Николаевичъ Орнатскій женатый на родной племянницѣ праведника Божія о. Іоанна Кронштадтскаго по сестрѣ Дарьѣ Ильинишнѣ Малкиной.

женіе С.-Петербургскаго единовѣрческаго духовенства по своему уставу и напѣвамъ, при чемъ большой монастырскій храмъ былъ наполненъ богомольцами—единовѣрцами; служеніе протоіереевъ и священниковъ—членовъ Государственной Думы съ преосвященными епископами Евлогіемъ и Митрофаномъ, и служеніе членовъ перваго всероссійскаго съѣзда законоучителей, которыхъ собралось въ монастырѣ свыше 60 человѣкъ съ предсѣдателемъ съѣзда, преосвященнымъ Антоніемъ, епископомъ Тобольскимъ. Многіе общества, училища и пріюты паломничали также группами, иногда очень многочисленными.

О томъ, какія чувства приводятъ паломниковъ со всѣхъ концовъ земли русской и даже иновѣрцевъ,—свидѣтельствуютъ записи въ книгѣ для почетныхъ посѣтителей монастыря. Приводимъ здѣсь нѣкоторыя записи. Преосвященный Никонъ, епископъ Вологодскій пишетъ: «Да горитъ свѣтильникъ, возженный благодатнымъ старцемъ на семъ мѣстѣ, да обрѣтаютъ здѣсь—у гроба его—миръ и покой души страждущія, да согрѣваютъ ихъ благодатныя молитвы великаго молитвенника, любовь котораго не умерла: онъ живъ въ сердцахъ нашихъ».

Преосвященный Θеофанъ, ректоръ Спб. Духовной Академіи, пишетъ: «Господь даровалъ Свою милость, удостоивъ меня совершить литургію въ храмѣ, устроенномъ трудами и молитвами приснопамятнаго и блаженнаго отца нашего и молитвенника О. Іоанна Кронштадтскаго. Молю Господа, да не оскудѣваетъ никогда духъ святой ревности въ пастыряхъ церкви Христовой и во всѣхъ вѣрныхъ сынахъ церкви православной,—духъ, которымъ непрестанно горѣлъ этотъ великій свѣтильникъ! Благословеніе Божіе да пребы-

ваетъ всегда на обители святой, въ которой почиваютъ мощи этого праведника».

Извѣстный публицистъ Меньшиковъ пишетъ: «М. О. Меньшиковъ, имѣвшій счастіе знать покойнаго батюшку, поклонился его святому праху».

Нерѣдко повторяющіеся случаи благодатной помощи по молитвамъ О. Іоанна также оказываютъ свое вліяніе, привлекая паломниковъ, милости Божіей и помощи требующихъ.

Кромѣ тѣхъ исцѣленій, разсказы о которыхъ собраны въ брошюркѣ бр. Булановыхъ, въ монастырѣ получены свѣдѣнія еще о новыхъ исцѣленіяхъ, ниже оглашаемыхъ. Эти случаи нами провѣрены и могутъ быть удостовѣрены самими исцѣленными и ихъ сродниками, а отъ живущихъ внѣ Петербурга въ монастырѣ имѣются письменныя сообщенія.

Священникъ *Іоаннъ Орнатскій.*

12-го октября 1909 года.

2007080164